18+

ИГОРЬ ДЬЯЧКШИН

ВСЁ ЕЩЕ ЛЮДИ

РАССКАЗЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В век нейромодификаций бывает зачастую непросто ответить на вопросы: «Я всё ещё человек? И если да, то хорошо это или плохо?» Уйти за грань человеческой природы возможно, но так ли просто?.. В книгу, помимо повести «Всё еше люди», вошли рассказы «Расхождение», «Муравейник», «Фанатичка», «Мертвецкая хватка», «Восхитительная структура», «Не одни во Вселенной», «Сестра», «Аглинесс» и « (Не) перенести». Десять историй, десять миров.

- Всё еще люди. Рассказы
  -
  -
  - Всё еще люди

- Расхождение

- Муравейник
- Фанатичка
- Мертвецкая хватка
- Восхитительная структура
- Не одни во Вселенной
- Сестра
- Аглинесс
- (Не) перенести

Всё еще люди. Рассказы

Игорь Дьячишин

© Игорь Дьячишин, 2023

ISBN 978-5-0050-3301-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Спасибо следующим людям: Софии «Сандэй» Цимбал, Наталии Шевченко, Дине Рубанёнок, Александре Rachell REDACTED, Deila, Полине, Питеру Уоттсу, Александру Исакову, рандому, Ренате Юнусовой, Гэри Мяу, Надежде Тризне, Даниилу Янишевскому и Luca Iaconelli.

Всё еще люди

Те две важные вещи, что мы уяснили себе за последние годы: первая — создать обладающую самосознанием искусственную систему относительно несложно, настоящая проблема — сделать такую систему «умной»; вторая — живые нейроны по отдельным важным для нас возможностям превосходят графен, оксид галлия (III) или нитрид галлия и куда более неприхотливы, нежели квантовые вычислители. Возможно, что будущее искусственного самосознания главным образом находится в рамках химерного подхода, сочетания преимуществ живых нейронных структур и других компонентов.

Ло Минчжу, «Wetware и аугментации центральной нервной системы: раскрывая потенциал». International Journal of Automation and Computing, 2041

* * *

2082, лето

— Привет. Здесь свободно? — Девушка, невысокая, светловолосая, указывает на стул напротив.

— Привет. — Он улыбается. — Но я кое-кого жду.

— Ты меня не узнал? Ты ведь и есть тот самый Алан, верно?

— Карла?..

В голове все еще остаются смутные ощущения от предыдущего видения, но они стремительно тают. Алан моргает, глаза несильно слезятся, приспосабливаясь к освещению.

Комната с белыми стенами, пространство залито в меру ярким светом. Алан здесь не один. В помещении стоят двое, женщина и мужчина. Алан хорошо помнит женщину. Это одна из его матерей. Ее прическа не такая, как раньше («Когда? Сколько прошло времени? Что именно произошло?»), рыжие волосы уложены назад.

Не получается пошевелить ни рукой, ни ногой, даже шея упрямо отказывается подчиняться, только веки и глаза.

Он пытается задать вопрос, но что-то мешает.

— …Стоит блок, чтобы избежать травм при пробуждении… снимать постепенно…

Механические руки быстрыми и предельно точными движениями освобождают нижнюю половину лица от чего-то напоминающего маску.

Еще одна попытка.

Алан слышит свой голос:

— Где я?

Слова даются трудно, выходит почти шепот.

Женщина — ее зовут Джоан — наклоняется к нему.

— Не волнуйся. Все будет хорошо.

Почему-то Джоан вызывает у Алана неприязнь, он не может вспомнить точно, по какой причине.

— Функции памяти явно еще недостаточно восстановились, но это, скорее всего, временно. Пока все идет в соответствии с планом.

— Подобные нарушения ожидались?

— Да. — Джоан и Кох шли по коридору Чёрчленд-центра. — Вполне возможно, они пройдут уже в ближайшее время. — Мужчина сделал паузу. — Кстати… Ваш сын произнес какое-то имя. Карла?.. Кто-то из его знакомых?

— Да, — сказала холодно Джоан. — Одна его знакомая.

— Как он?

— Пока трудно утверждать что-то наверняка, по крайней мере он бодрствует, — ответила Джоан. — Проводят кучу разных тестов, я еще не знаю подробностей.

Эмме хотелось наконец разрушить неопределенность и одновременно она боялась худшего. Месяцы ожидания, сомнений, страхов…

Джоан старалась выражаться как можно осторожнее:

— Ты же знаешь, как все серьезно… Я имею в виду, надежды есть, реальные надежды, но это уникальный случай… Никто точно не знает.

— Ты чего-то недоговариваешь.

«Да уж, молодец. Умеешь успокоить и подбодрить», — подумала Джоан. Но, с другой стороны, не врать же. Она сама волновалась не меньше Эммы и хорошо представляла себе ее состояние, но что могла сказать? Какую-нибудь глупость вроде «все будет хорошо»? Заранее наобещать невесть что?

— У него сейчас проблемы с памятью. Фиксационная амнезия — проблемы с запоминанием нового и частично с долговременной памятью. Пока. Такое может быть из-за того, что его обновленный гиппокамп еще не функционирует как надо.

— Может, мне стоит…

— Лучше чуть позже. С ним сейчас работают специалисты. Я и сама пролезла только как участница проекта.

Джоан боялась: сейчас супруга начнет кричать, обвинять ее. Но ничего такого не произошло.

Они стояли, прижавшись друг к другу, в коридоре приемной Чёрчленд-центра: одна очень худая, с длинными, распущенными темными волосами, другая чуть пониже, рыжая.

Джоан услышала, как Эмма тихо проговорила имя.

«Алан».

В ту ночь, когда Джоан пришла домой, жены занялись любовью. На голове у Эммы была шапочка транскраниального интерфейса, Джоан использовала имплантаты. Подключенные к маленькой локальной сети для двоих, женщины ласкали друг друга еще и ментально, с помощью согласованных, «утвержденных» за время их отношений стимулов. Какие-то направлялись одной партнершей к другой волевым усилием, какие-то возникали непроизвольно. Интерфейс по умолчанию не был предназначен для межмозгового сообщения, функционал был расширен с помощью стороннего ПО. Как часто пишут в инструкциях, «производитель не несет ответственности» — но в данном случае все было достаточно безопасно и отлажено на совесть. Очень невысокая степень интеграции и небольшой разлад «эго», дающий легкое ощущение ассоциации себя с партнершей. Первой кончила Эмма, транслируя в сеть букет чувств и доводя до оргазма теперь уже Джоан.

Потом они вдвоем долго лежали вместе в полутьме спальни и болтали, делясь тревогами и надеждами. Интерфейс был все еще активен, и это помогало общению, напрямую раскрашивая разговор эмоциональным многоцветьем.

Утилита-будильник в заранее заданное время пробудила Джоан, изменив режим активности мозга. Джоан ушла из дома очень рано, проспав от силы часа четыре и не став будить жену; она оставила Эмме личное сообщение о том, что снова отправляется в Чёрчленд-центр.

* * *

2081, осень

Очередное непримечательное утро очередного непримечательного дня, похожего на сотни других. Джоан встала за три минуты до времени срабатывания утилиты-будильника.

Эмма спала рядом: распрощавшись недавно с местом представительницы пищевого концерна, она находилась в поисках нового (частая смена работы давно не была для нее чем-то необычным). Сын, очевидно, уже отправился в школу. Итак, что ожидает сегодня? Две пары, старомодные живые лекции перед двумя потоками, затем можно не возвращаться домой, а поработать прямо в университете. Опять Эмма будет ныть, но, хочется надеяться, быстро отойдет. Джоан искренне ценила их отношения, до сих пор, но порой работа на дому у нее просто не шла. Слишком много отвлекающих факторов, возможно?..

Она аккуратно начала вылезать из постели, чтобы не разбудить жену. Кажется, удалось…

Черт.

Эмма, все еще с закрытыми глазами, издав тихий стон, повернулась к Джоан, затем с трудом приоткрыла веки.

— Спи.

— Во сколько ты придешь? — проговорила Эмма сонным голосом.

Лучше сразу признаться.

— Я сегодня задержусь немного, может, около шести вернусь.

— Опять будешь торчать в университете? Я тебя ненавижу. — Эмма слегка потянулась, зевая.

— Взаимно.

— Алан уже ушел?

— Судя по времени, думаю, да. — Было восемь утра.

Джоан быстро поцеловала жену в щечку. Та, снова закрыв глаза, свернулась на постели, будто огромный эмбрион. Джоан поднялась и направилась на кухню. Обычная рутина — чистка зубов, душ, приведение всех имплантатов в активный режим.

В голове пронеслась до боли опостылевшая заставка «Sieve»: «Только то, что интересно вам». Нейросетевой сервис обещал защиту от вездесущей рекламы и отбор новостей в строгом соответствии с интересами пользователя. Да, конечно, говорите об объективности вашего фильтра после прошедшей избирательной кампании! Надо сменить, кстати. Как-нибудь позже. Хороший фильтр — необходимость, если не хочешь утонуть в море сетевой информации.

Микроволновка. Кофе.

Одежда — как обычно, штаны и рубашка. Черные матовые туфли.

Джоан решила еще раз заглянуть в спальню. Эмма, похоже, уснула. Джоан не стала ее тревожить и направилась к двери.

Она спустилась на лифте, вышла из дома. На улице раннеосенняя благодать — не чета летней парилке. Вспомнился

жуткий июнь этого года. Минувшее ванкуверское лето было воистину кошмаром — оно выдалось особенно влажным и притом жарким.

Ее путь пролегал до ближайшей станции наземного метро — пройти метров сто, подняться по лестнице на платформу и немного подождать поезда до университета.

Людей в вагоне хватало, однако Джоан не пришлось стоять. Она, читая краем внимания фид, активировала нужный паттерн, чтобы легко взбодриться. На станции «Беррард-Стрит» в вагон зашла пара тинейджеров, парень лет пятнадцати на вид и девушка примерно того же возраста с зелеными волосами. Они активно жестикулировали. У обоих, должно быть, линзы, но почему-то не используют функционал полностью — может, устают глаза или просто хотят всамделишно кидаться смайликами, словно снежками, и тому подобные глупости творить (сомнительное развлечение). Движения их рук в полупрозрачных эффекторных перчатках напоминали одновременно представление клоунов-мимов и разговор на языке жестов.

Парень, махнув рукой, случайно задел Джоан по лицу, после чего рассыпался в извинениях.

«Черт».

Но Джоан ничего не сказала, лишь снисходительно улыбнулась, затем принялась снова изучать материал лекции, держа на периферии сознания фид. Примерно через час ее опять ждет знакомая публика — меньшинство, действительно ценящее живые лекции, и те, для кого все это, напротив, лишь формальность. Ну и, конечно, непременная когорта вейстеров, которые то и дело отвлекаются, — большая часть таких быстро отсеивается, но кто-то да остается до последнего курса. Всегда. Тотально зависимые от инфопотока социальных медиа и не умеющие с ним справляться должным образом, с приобретенным дефицитом внимания, они испытывают сложности с концентрацией. Джоан их по-своему жаль.

В отличие от них, Джоан способна совмещать просмотр фида с более серьезными делами — спасибо модифицированному мозгу. Правда, все равно приходится пользоваться фильтром.

…Университет, конец линии. Пора выходить.

После лекций Джоан покинула огромную гулкую аудиторию и направилась в исследовательское крыло комплекса. Вполне ожидаемо, там никого не было. Вот и прекрасно.

Когнитивно Джоан и так заметно отличалась от простых людей, но в ближайшие часы она должна была стать еще более

модом. Компьютер проверил идентификатор. ОК. Можно подключать облачные модули. Она делала это уже много раз, но до конца, видимо, так и не свыклась с изменением восприятия реальности, когда дополнительные мощности меняют привычный взгляд на вещи.

Предстояло в связке с напарниками, искусственными интеллектами, проанализировать логи новой нейронной модели, а затем внести точечные правки. Джоан прекрасно понимала, что это работа инженера, а не исследователя ее специальности, но деньги имели значение.

Джоан работала уже два часа. Фид все так же оставался где-то в углу сознания, постоянно пополняясь. Почему-то привлекла внимание запись об аварии. Ванкувер. 14:12. Метропоезд сошел с рельсов. Погибших нет, десять раненых. Что эта запись делает в фиде? Обычно такое фильтруется, происшествия Джоан привыкла смотреть отдельно. Внезапно возникло чувство тревоги — чутье мода.

Алан или Эмма? Кто-то из них был там, и поэтому сообщение получило приоритет и попало в ленту?

Надо быстро позвонить и проверить. Да ну, чушь. А если нет?..

Алан не отвечал. Тревога усилилась.

Входящий.

«…Миссис Мейерс, мне очень жаль… авария на линии наземного метро… сход с рельсов… вагон рухнул на велосипедную дорожку… ваш сын… госпиталь…»

Сначала она сообщила Эмме — на случай, если та была еще не в курсе (как и оказалось). Потом быстро сохранила работу, выключила компьютер, заперла дверь и буквально побежала к лифту.

«Как же долго», — судорожно думала Джоан, ожидая, когда дверцы лифта наконец распахнутся и выпустят ее в вестибюль.

* * *

2059

Дождь.

Было около четырех, и Эмма, выйдя из кафе, намеревалась отправиться в Пондероза Коммонс. Но увидела эту девушку. Снова.

Та шла куда-то вдоль Агрономи. Лицо было почти скрыто капюшоном темного худи, но Эмма безошибочно ее узнала. Изменился сердечный ритм, снова пришло волнение.

«Ох, опять она».

Эмма вдруг подумала: почему бы не пройтись? Моросящий дождь — в сущности, не проблема.

Хорошо бы, конечно, найти хоть слабый повод…

Ею овладела неуверенность. Но она вдруг плюнула на все сомнения и неспешно зашагала вслед за девушкой.

«Поздравляю, теперь ты вытворяешь еще более стремные вещи. Преследуешь людей в реале. И даже не пытайся оправдываться тем, что тебе просто захотелось пройтись».

Эмма шла, глядя перед собой, и думала. О том, что она сейчас делает. О том, что, закончив учебу, возможно, больше никогда не увидит эту девушку. Не потому, что не сможет в принципе — у нее может просто не оказаться оправданий для самой себя, чтобы приходить сюда вновь, даже если она не покинет Ванкувер. А уж написать ей — казалось страшным и почти невероятным. Примерно, как подойти и заговорить.

Девушку звали Джоан. Эмма уже успела провести своего рода маленькую исследовательскую работу; она знала, что Джоан временами ведет практические занятия у студентов, специализирующихся в компьютерных науках. Могла бы поискать по фото, но не решилась сфотографировать на линзы, а уж тем более на смартфон — даже смотреть старалась осторожно, боялась, что будет заметно, изучила расписание, узнала ее имя и фамилию. Джоан Мейерс. Порылась в соцсети и без особого труда нашла профиль (кажется, даже не фейковый, но довольно плотно закрытый настройками приватности) да короткое приложение с рейтингом и информацией для работодателей. На всем этом пути не покидала мысль: «Эмма, что же ты, черт подери, творишь?» Не то чтобы она была погружена в свои изыскания с головой — нет, просто словно между делом: почему бы не вбить в поиск имя? Потом, снова увидев Джоан где-нибудь, почему бы не… поглядеть на нее подольше (конечно же, очень, очень осторожно)? Интересно, куда она идет?.. Почему бы не пойти за ней?..

Эмма как будто сдерживала нечто, не давая тому проявиться в сознании со всей ясностью.

Дождь усилился. Не страшно — Эмма была одета подобающе, ее куртка с капюшоном и штаны из непроницаемого для воды материала не давали промокнуть. Не защищенной от влаги оставалась лишь часть лица.

Эмма толком не знала, куда идет, — просто плелась следом.

Вот они свернули с Агрономи на Уэсбрук.

Эмма заметила, что расстояние между ними уменьшилось. Сама она не ускорялась — похоже, это Джоан стала идти медленнее. Между ними было всего шагов пятнадцать…

Прошли остановку около корпуса отделения психиатрии. Эмма вдруг подумала: интересно, а почему девушка идет пешком?

Сомнения начали одолевать с новой силой. Возможно, глупостей на сегодня уже достаточно. Пора возвращаться. Обратно к остановке. Или перейти на противоположную сторону и добираться на автобусе другим маршрутом, с поворотом на Юнивёрсити-бульвар, правда, в таком случае придется еще прогуляться пешком… Нет, лучше первое. Эмма повернула назад.

— Эй.

Она замерла как вкопанная.

— Да, я к тебе обращаюсь.

Эмма испуганно обернулась. К ней неторопливо шла Джоан. В ее голосе не было агрессии, как и в выражении лица, насколько Эмма могла видеть. Возможно, даже… любопытство?

Уже пять шагов.

Два.

«Вот черт».

Один.

— Я…

— Ты шла за мной от самого корпуса, где я работаю.

— Да. Я просто…

— Преследовала меня, — спокойно и твердо констатировала Джоан. — Ну, ничего не хочешь мне сказать?

Эмма понятия не имела, что ей делать.

Джоан вздохнула.

— Ты думаешь, я раньше ничего не замечала? Шатаешься рядом, как привидение, пялишься на меня и не предпринимаешь ни малейшей попытки подойти и просто заговорить. Так что когда сегодня ты в конце концов потащилась за мной, я подумала: может, хоть в этот раз приблизишься и заговоришь? Но, видимо, ошиблась.

И тут из уст Эммы слова прорвались потоком:

— Прости! Да, да, я натыкалась на тебя, и часто смотрела, даже видела твою страничку, узнала, как тебя зовут. Я не знаю, что на меня нашло, я была как… зомби… И все мое поведение, все это так… так глупо.

— Ну, вот это уже получше. — И другим голосом, потише, Джоан сказала: — Никогда больше так не делай.

«Всё, это конец».

Джоан продолжила:

— Кстати, как тебя зовут?

— Эмма. Эмма Карпенко. — Она назвала свою фамилию. Она знает фамилию Джоан, так что это будет справедливо.

— Угу. — Джоан на несколько секунд словно задумалась о чем-то. — А теперь, если не возражаешь, мы зайдем под крышу вон той остановки, потому что у меня, блин, все лицо мокрое от этого чертова дождя, и мне это не нравится, не знаю, как тебе, а он все никак не прекратится.

«Зайдем под крышу остановки? Зайдем?!»

— Да, конечно. — Эмма даже нашла в себе силы улыбнуться.

Вокруг было не очень людно, а на остановке вообще никого.

— Не хочешь сказать еще что-нибудь? В принципе, я могу это сделать вместо тебя, конечно, но не пора ли само…

— Ты мне нравишься, — выпалила Эмма. Хуже уже все равно ничего быть не могло.

На лице Джоан предсказуемо не было ни тени удивления.

— Ну вот, наконец-то. Почему ты так боялась об этом сказать? То есть я понимаю, но все-таки почему?

— Ну… мне было страшно, и к тому же… я вообще не знаю, нравятся ли тебе женщины.

Эмме показалось, что Джоан едва заметно ухмыльнулась.

— То есть я хочу сказать, я вообще сильно сомневаюсь, что даже так…

— А теперь послушай. Меня раздражало, даже бесило то, что ты меня преследовала. Это действительно неприятно. При определенных обстоятельствах я поступила бы гораздо жестче, и для тебя твоя затея плохо бы закончилась. Но, думаю, ты выучила урок, и в принципе, мне кажется, ты не плохая и вряд ли такое поведение обычное для тебя дело. И, кстати… Я нашла в сети пару профилей под твоим именем. Твой — с андроидом на аватарке?

Эмма за весь разговор не заметила у Джоан характерного движения глаз, выдающего использование линз.

— Да… Как… Когда?

— Пока мы разговаривали. У меня имплантаты, — сообщила Джоан.

Эмма не считала себя модофобкой, скорее даже презирала подобные взгляды, и потому подавила мимолетно проскочивший в уме социальный стереотип «будь начеку, они не такие».

— Ты ведь нормально к этому относишься, а?

— Да. Конечно, да.

— Я отправила тебе запрос на добавление в ленту. Проверь.

Эмма движениями глаз открыла свою страничку и проверила.

Она делала это быстро, но в сравнении с Джоан наверняка была просто черепахой.

— Да, всё так. Я добавила.

— О, дождь закончился. Наконец-то. А теперь я пойду. Поговорим позже. Пока.

— Да… Пока.

Джоан удалилась, а Эмма некоторое время продолжала стоять, стараясь навести в своей голове хотя бы относительный порядок.

* * *

Запись из дневника:

«09/13/2048

Сегодня после занятий Лиза привела меня на заброшенную стройку на окраине. Конечно, мне было интересно побыть с ней, к тому же не торчать дома. Серьезно — я так рада, что она есть у меня и что она моя подруга. Я все чаще думаю о ней в последнее время.

Немного побродив, мы уселись на недостроенном крыльце подъезда. Это здание на холме, и оттуда классный вид на дорогу. Стройплощадка совсем заросшая: трава, кусты, деревья. Был уже вечер. Я почему-то подумала про нас: «Двое сидят на краю мира». Там было так красиво.

Мы сидели, болтали о разном и пили пиво. Я сначала не хотела, но Лиза меня убедила. Не знаю, как она купила или вообще откуда достала. Сначала мне казалось, что со мной ничего особенного не происходит, но постепенно начала чувствовать себя немного по-другому. Я никогда не пила раньше. Мне как будто стало немного легче. И потом мне даже захотелось обнять Лизу, но я этого не сделала.

Я пришла домой часов в десять, наверно. Мать, конечно, принялась меня допрашивать и опять ныть. Шла бы она.

Сейчас уже за полночь, и я думаю про Лизу и про то, что она для меня значит. Мне кажется, она мне нравится. Не как подруга, а как девушка. Если я хочу быть с ней честной, я должна буду сказать ей. А что будет потом? Может, я только все испорчу. Я не знаю, стоит ли мне говорить. К тому же я все-таки еще сама не уверена, что чувствую. Но хотя я даже немного волнуюсь, я все равно очень рада, что завтра снова увижусь с Лизой.

А для моей дорогой консервативной матушки будет дополнительный повод поворчать на меня, если она узнает. Она открыто не высказывается, конечно, но ей никогда не нравилось, что меня привлекают девочки. Но и черт с ней. Это не настолько

меня беспокоит. Просто еще чуть больше будет трепать мне нервы».

* * *

2082, лето

— Привет.

Перед ней — ее сын. Вот он — худощавый и бледный, с темными глазами, в обслуживающей капсуле, взгляд направлен на Джоан. Все время, пока он спал, машины поддерживали и тренировали его мышцы после срастания сломанных костей конечностей, ухаживали за кожей и волосами. С памятью, как сказали Джоан, все намного лучше, Алан уже не переспрашивает постоянно, как сюда попал, довольно неплохо вспоминает события прошлого.

Нейронные сети в голове вопят, каждая на свой лад, но Джоан справляется.

«Держи себя в руках».

— Привет, мама.

— Ты ведь помнишь, как тебя зовут?

Зачем она спросила? Ей ведь уже известно, что он помнит.

— Конечно. Я Алан.

— А меня?

— Да. Тебя зовут Джоан. — В его голосе слышится удивление такому вопросу.

— Ты помнишь аварию?

— Да. Меня уже спрашивали обо всем этом. Помню, как я ехал на велосипеде рядом с метро. Как увидел, что падает вагон… Тебе разве не сказали, что я помню?

— Сказали, но я… просто решила проверить сама.

— Зачем?

«Да потому что…»

— Ну… Я очень волновалась все это время. Как ты себя чувствуешь?

— Двигаться… сложно.

— Не волнуйся. Все будет нормально, когда пройдешь курс реабилитации.

«Интересно, насколько хорошо он сейчас понимает мою речь?»

— Ясно. — Алан помолчал немного. — А где другая мама?

— Дома, но скоро будет здесь.

Джоан быстро набрала короткое текстовое сообщение,

попросив Эмму приехать в Центр.

— Как Карла?

«Ну конечно, о ней он не вспомнить не мог».

Но Джоан тут же устыдилась своего раздражения. Не та ситуация, чтобы выяснять отношения.

— Точно не знаю, — призналась она. — Волновалась за тебя.

Эти слова дались особенно непросто. Джоан, несмотря на молчание Эммы, прекрасно знала, что Карла все это время справлялась у нее об Алане. Не могла иначе, маленькая дрянь.

И она добавила:

— Как и другие. Дерек, Джо, Пола…

— Я хотел бы увидеть Карлу.

— Да, конечно. — Выдавить из себя этот короткий ответ оказалось еще труднее. — Алан… Ты, наверное, уже знаешь, что травма была серьезная и предстоит провести много тестов, оценить, как работают твои мышление и память.

— Я понимаю.

— Ты чувствуешь какие-то трудности? Например, что-то хочешь вспомнить и никак не можешь?

Алан задумался.

— Да, кое-что не получается вспомнить. Или получается, но я не могу понять, когда что было — что раньше, а что позже.

— Пока отдыхай. Не пытайся вспомнить все сразу, если тебе сложно. Многое может со временем прийти само собой. И…

«Держи себя в руках».

— …я очень рада, что я сейчас здесь с тобой и что тебе… лучше.

«То, что ты вообще жив и можешь со мной говорить, — уже просто подарок».

— Я тоже рад тебя видеть.

Джоан показалось, что Алан произнес это не слишком искренне. В конце концов, между ними были сложности. Но ей все равно стало неприятно.

— Все будет хорошо.

«Ты была честной с Эммой, не давала обещаний, которые могли оказаться ложью. Но ты даешь их сыну».

* * *

2081, осень

Чёрчленд-центр. Большое десятиэтажное здание. Стоявший у дверей мужчина приблизился к Джоан.

— Здравствуйте. Вы — Джоан Мейерс, я не ошибся?..

— Я вас слушаю.

— Миссис Мейерс, — представитель Центра произносил слова медленно, словно с трудом, — я понимаю, как вам нелегко…

«Ну конечно, уж ты-то понимаешь».

Он представился как Лайам Кох. Личная встреча проходила в самом Центре. Они сидели друг напротив друга в небольшом, скорее, даже тесном офисном помещении: Джоан — спиной к двери, Кох — около окна, за столом.

— Давайте ближе к делу. Вы уже сообщили кое-что. — Вчерашний звонок стал для Джоан настоящей неожиданностью. — Стоит обсудить подробности.

— О, разумеется.

— Итак… О каких конкретно методах речь?

— Вам, возможно, случалось слышать о проводившихся по нашей инициативе опытах на приматах с серьезными поражениями головного мозга?

«Он что, имеет в виду…» Ну да, конечно, что же еще? Те самые эксперименты на шимпанзе, которые, из-за невозможности согласовать их условия с принятыми в Канаде этическими стандартами по отношению к приматам, пришлось проводить в Сибирско-Дальневосточной республике. Результаты оказались потрясающими, гнев эго-защитников — тоже.

— Да, и это было очень впечатляюще, но… — Джоан помолчала. — Если вы намереваетесь использовать ту же технологию в случае с моим сыном, то это плохая идея.

— Миссис Мейерс, с тех пор мы успели продвинуться далеко вперед. Вообще, это уже качественно новый уровень в сравнении с тем, что было. И мы прекрасно отдаем себе отчет в когнитивных различиях между видами. Сейчас у нас есть всё — техника, математические модели, специалисты. Кстати, — добавил Кох, — мы использовали в том числе некоторые наработки по матмоделированию из вашей последней публикации.

«Ты серьезно думаешь, что меня этим можно купить? Но давай все-таки взглянем правде в глаза, Джоан. Твой сын, если все оставить как есть, вполне возможно, скоро умрет. Его состояние — хуже некуда. Почему ты так неуверенна?»

— Что ж, ваше учреждение, безусловно, имеет очень хорошую репутацию… — («Да в свое время я бы обмочилась от радости, если бы могла устроиться туда работать».) — Но мне бы все-таки хотелось ознакомиться с некоторыми… м-м… техническими подробностями. Я, конечно, не столь высококлассный специалист,

но в чем-то разбираюсь.

— Мы можем дать вам такую возможность. Скажу больше: я как раз собирался сообщить, что мы готовы предоставить вам работу в проекте.

«О, да неужели?»

Кох добавил:

— И, миссис Мейерс, смею вас заверить, вы явно недооцениваете свои профессиональные способности…

«Ну конечно, я же, блин, способна на равных тягаться с хайвами и прочими интеллектуальными монстрами. Само собой».

— …Даже история вашей научной карьеры, ваше рвение…

«Твою мать, у тебя вообще есть чувство меры?»

Положение Джоан было неловким. Ей было совершенно ясно, что ее банально покупают, прикрываясь при этом дешевейшей лестью, но отказываться было бы непростительной глупостью.

То, что они предложили работу, было для Джоан все-таки довольно неожиданно.

Неужели они думают, что ей не хватило бы надежды на спасение Алана, поданной хоть в каком-то виде, и для верности решили подбросить еще приманку?

Самое смешное, что и в этом случае отказывать неправильно. Проблемы с деньгами давали о себе знать, и…

Наверное, глупо — но почему-то ей представлялось, что так она была бы ближе к сыну. Хоть немного.

— Ладно, хорошо. — Джоан снова взяла стакан. Пальцы так плотно сжали стекло, что ей казалось, еще чуть-чуть — и он лопнет в руке. — Я согласна с тем, что вы предлагаете. Однако мне нужно поговорить с женой. Думаю, вы понимаете.

— Разумеется.

«Поговорить с женой».

Джоан была почти уверена, что Эмма тоже согласится, но разговор тем не менее обещал быть непростым.

* * *

2082, лето

Эмма проснулась около девяти утра. День был свободен — смена в баре (под фармой, иначе к середине смены будешь как выжатый лимон) только послезавтра. Не обнаружив рядом Джоан, женщина не слишком удивилась. Просмотр сообщений лишь подтвердил догадку.

«Я ушла на работу. Тебя будить не стала. Если будет что-то важное — сразу сообщу. Целую». Ниже было добавлено: «Спасибо за то, что было ночью».

Эмма знала, что эти слова искренние — то, что она чувствовала во время их связи, было трудно подделать, если вообще возможно. По крайней мере ей очень хотелось верить в это. С тех пор как Джоан устроилась на новую работу, они довольно мало времени проводили вместе. Гораздо меньше, чем хотелось бы. Джоан теперь была загружена сильнее, чем в дни преподавания и исследовательской деятельности в Университете Британской Колумбии. Временами казалось, что она просто одержима новой работой, но Эмма не считала себя вправе осуждать супругу, даже зная, что та находится в проекте на вторых, если не на третьих ролях. Джоан вполне могла бы делать все дистанционно — но редко этим пользовалась. Такое положение вызывало неприятные чувства. Когда жена оставалась работать дома, Эмма старалась не отвлекать ее, как бы того ни хотелось. Она видела, как Джоан погружается в работу, не желая признавать своей незначительности в общем деле. Это место было для нее дополнительным стимулом, брошенной ей костью — если вдруг одной надежды на возвращение Алана окажется мало. Возможность чувствовать себя сопричастной процессу, а не просто сидеть и ждать результатов, и, конечно, приличная зарплата. Проект хорошо финансировался сверху — со стороны министерства здравоохранения, военных (их интересовали перспективные разработки в сфере искусственного интеллекта), а также из негосударственных источников.

Несмотря на очевидность того факта, что сын много значил для Джоан, отношения этих двоих были непростыми. Однажды во время разговора, переросшего в ссору (все началось со спора, насколько значимы жизни эго-систем помимо человеческих, но то, похоже, был лишь повод), Алан сказал матери, что ненавидит ее, и Джоан просто взорвалась. Эмма тщетно пыталась успокоить обоих — они словно не замечали ее. В тот субботний вечер Алан ушел и вернулся лишь на следующий день. Пока Джоан, все еще кипя, медленно успокаивалась, Эмма без конца пыталась дозвониться Алану, но он упорно отказывался отвечать. Наконец три часа спустя Алан позвонил сам. Он сказал, что ему есть где переночевать. Эмма волновалась за сына и заснула лишь далеко за полночь. По возвращении Алан получил из уст Джоан вымученные извинения. Эмме удалось убедить ее сделать этот скромный шаг к примирению, сдержав до сих пор, похоже, кипящий внутри гнев. Алан кивнул, сказал, что тоже наговорил лишнего, и закрылся в своей комнате. Все это напряжение было

вызвано не одной только разницей в этических позициях, и Эмма это хорошо понимала. В частности, Джоан недолюбливала девушку Алана, Карлу, и порой отпускала в ее адрес едкие шуточки и неодобрительные комментарии. В таких случаях обычно тихий Алан вспыхивал, не скупясь на ответные словесные удары.

Карла Уилсон… Эмма знала о ней мало. Года на полтора старше Алана. Довольно милая. Алан не горел желанием посвящать мать в подробности, да она и не пыталась его расспрашивать. Отец Карлы, судя по всему, был человеком достаточно обеспеченным, и занимался эго-этичным бизнесом по производству одежды; больше Эмме ничего не было известно. Вскоре после происшествия Карла, сама не своя, связалась с Эммой, и потом то и дело старалась узнавать, как Алан. Нет, думала Эмма, то, что между ними — не простое баловство.

Карла присылала деньги на счет Эммы. И та продолжала их принимать даже после того, как Джоан стала получать значительно больше на новом месте. Эмме было почему-то очень трудно сказать Карле «нет». Да и мало ли что могло случиться, так ведь? Но все равно Эмме также было и весьма неловко.

Эмма старалась общаться с Карлой сама по себе, не сообщая об этом Джоан. В последний раз, когда эти две встретились (Карла ждала Алана, пока тот собирался), кончилось плохо. Джоан подошла к девушке и негромко, с холодной насмешкой спросила: «Ну и как? Ты его уже трахнула? Тебе понравилось?» Эмма помнила до сих пор: они стоят друг напротив друга, Джоан смотрит на Карлу, та сжала кулаки и словно вот-вот скажет что-то в ответ, но спустя секунду поворачивается и, ни слова не проговорив, выходит за дверь. Эмма ошарашена, она не ожидала услышать такое из уст жены. Наконец подходит Алан и сразу замечает, что Карла ушла. На его лице появляется недоуменное выражение, но, увидев Джоан, он как будто все понимает и выскакивает из квартиры.

Это был не единственный раз, когда поведение Джоан отталкивало и даже немного пугало. Время от времени Джоан совершала неожиданные поступки и говорила неожиданные слова, а иногда создавалось впечатление, будто она каким-то образом знает больше, чем все остальные вокруг. Возможно, зачастую так и было — расширенное рабочее пространство сознания поднимало способности Джоан к анализу и синтезу до недоступного обычным людям уровня. Даже с работающими не в полную силу имплантатами ее перекроенный мозг функционировал иначе. К ее чести, Джоан не хвасталась фактом своего превосходства. Да и факт этот имел издержки.

Регулярные посещения психиатра не были для нее пустой формальностью: для каждого, уходящего все дальше от ментального уровня Homo sapiens, существуют значительные риски. Неучтенная индивидуальная особенность может привести к серьезному расстройству после комплексной перепланировки или даже простого курса стимуляторов мозговой активности. Сами психотерапевты и психиатры, практически все — усовершенствованные и тщательно отлаженные в соответствии с профессиональными стандартами, обычно работают в связке с ИИ, часто в режиме глубокой интеграции, а не только используя в качестве экспертов-консультантов. Мало того, что специальность не из легких — для чистого, без правок, человека бывает просто невозможно иметь дело со сверхинтеллектуалом. Но кто бреет брадобрея? Психиатров как-то аттестовывали, должны были… Но если сам психиатр зашел далеко в своем совершенствовании, кто адекватно проверит его? Другой такой же? Как именно это работает? Мысли, типичные для модофобов, пресловутая концепция «кризиса доверия» по отношению к людям с расширенными возможностями и к сложным ИИ. Вот только на деле все работало куда лучше, чем могло казаться технофобам. Эмма корила себя за то, что в некоторые моменты жизни, пусть и в очень малой степени, позволяла себе подобные страхи. За все проведенное вместе время она лишь изредка испытывала это гадкое, нежеланное отчуждающее чувство. И когда оно появлялось, Эмма изо всех сил старалась его прогнать.

Так. Привести себя в порядок после сна, одеться, надеть линзы…

Скоро, согласно расписанию, должны были доставить завтрак. Услуги были оплачены на месяц вперед, при желании можно было легко и быстро изменить заданное меню или вообще отказаться от доставки. Эмма вспомнила, как ей самой приходилось быть доставщицей еды. Ужасная, выматывающая работа.

Минут через десять пришел курьер. Эмма взяла заказ и поблагодарила работника — молодого паренька. Закрыла входную дверь, вернулась на кухню и сделала эспрессо.

Закончив с едой, допив кофе и прибрав за собой, Эмма позвонила Карле. Как бы к той ни относилась Джоан, стоит сообщить об изменении состояния Алана.

Карла ответила довольно быстро.

— Да, миссис Карпенко?

В ее голосе Эмме послышались нотки волнения.

— Здравствуй, Карла… — Замявшись со вступлением, Эмма

решила сразу заговорить по существу: — Я знаю, ты очень волнуешься за Алана, и есть новости.

— Что с ним?

— Похоже, он… начинает приходить в себя. Правда, пока мало что известно точно. — Здесь голос Эммы слегка дрогнул.

— О, большое спасибо, что вы позвонили, миссис Карпенко. Когда… когда я смогу его увидеть?

Вопрос мог показаться слегка наивным, но было бы странно, если бы она его не задала.

— Если честно, не знаю. Пока что трудно сказать. Я обязательно сообщу тебе, как станет известно.

— Да, конечно. Хорошо. Я все понимаю. Еще раз спасибо вам, что позвонили, миссис Карпенко.

— Карла, и еще… Я бы хотела поблагодарить тебя за помощь.

— О, не стоит. Если что-то нужно, только скажите.

— Э… нет, спасибо. Пока ничего.

Эмма вспомнила, который час, и почувствовала себя глупо. Она не знала в подробностях, чем занимается Карла, но время для звонка более чем вероятно было не самое удобное.

— Кстати, извини, может, сейчас тебе неудобно говорить?

— Нет-нет, все нормально.

Они распрощались.

«Вряд ли девчонка так плоха, как думает Джоан», — сказала себе Эмма.

Она снова взглянула в окно. Погода была ясная, яркий солнечный свет и редкие облачка на светло-голубом небе. Согласно прогнозу, к полудню должно было разойтись до тридцати по Цельсию, не меньше. Выходной обещал быть жарким, как и все лето в этом году. Внизу проезжали автомобили, характерно шурша шинами — видимо, недавно прошел дождь, и покрытие пока оставалось влажным.

Эмма принялась изучать фид.

Даже в такие непростые минуты интернет-зависимость никуда не уходит…

«Да здравствует сетевая прокрастинация».

Этот процесс совсем скоро прервало короткое сообщение от Джоан:

«Алан хочет тебя видеть. Приезжай».

Наконец-то.

* * *

Запись из дневника:

«10/06/2048

Моя мать снова отчитывала меня.

«Где ты была? Опять шлялась вместе со своей подружкой?»

Боже, как она произнесла это слово: «подружка»!

Она, похоже, догадывается. Догадывается ли Лиза? Возможно. Я все еще боюсь разрушить то, что между нами есть сейчас.

Нет, я должна ей сказать.

Как мне решиться?»

* * *

2059

Кафе было довольно большим и автоматизированным — большую часть работы выполняли роботы, за стойкой в дальнем конце стояли два человека. На кухне, наверное, еще был человек, где-то сидит охранник — и всё. Забавные коренастые боты-официанты ездили между столиков, доставляя людям напитки и еду.

— Если бы ты была мужиком, я точно вызвала бы по твою душу копов, — сказала Джоан. — Не подумай, что я мужененавистница, просто есть разница.

Девушки сели за ближайший от входа свободный столик, друг напротив друга.

— Почему… почему ты мне позволила идти за тобой? — спросила Эмма.

— Внешность, может, и обманчива, тем не менее на вид ты, хоть и повыше меня, мухи не способна обидеть — раз. Два: я умею за себя постоять. И, наконец, три: пусть не много, но народ вокруг был. Плюс по всему маршруту твоей охоты за мной полно следящих устройств. Если кто-то решился бы напасть на меня в таком месте, то у него или у нее, должно быть, очень серьезные проблемы с головой. А ты, насколько я успела заметить, в остальном вела себя адекватно.

Эмма копалась в приложении, отмечая пункты в меню для заказа. Джоан непринужденно откинулась на спинку мягкого кресла — она наверняка уже заказала, что хотела.

Эмма закончила с меню.

— Я хотела бы еще раз извиниться за то, что так вышло.

— Я принимаю извинения. И с этого момента хватит об этом.

— Как скажешь.

Эмма вообще была сбита с толку тем, как разворачиваются

события. Джоан не только обошлась с ней весьма мягко, но и в ходе переписки пригласила ее в кафе неподалеку от места, где они вчера разговаривали.

— Так ты живешь в общежитиях здесь, в кампусе? — Вопрос не требовал ответа, Джоан уже прекрасно все знала.

— Да. В Пондероза.

— И как там?

— В принципе, неплохо. Не знаю.

Подъехавший официант доставил два подноса. Эмма прислонила смартфон к датчику на корпусе робота, оплачивая свой заказ. К ее удивлению, спутница воспользовалась карточкой, которую достала из кармана.

— Ты такая… современная. Легко силой мысли взаимодействуешь с чем угодно. Почему используешь карту вместо дистанционной оплаты в приложении? Ну, передала данные счёта — и готово!

— Иногда унифицировать всё — не слишком хорошая идея. Кроме того… порой люди остаются слишком людьми, со всеми модификациями и прочим. — Джоан поставила поднос на столик и продолжила: — Так откуда ты?

— Я из Торонто. Моя семья сейчас живет там. — Эмма принялась ковыряться вилкой в своем салате. — А ты? Ты из Ванкувера?

Джоан чуть помедлила с ответом.

— Досон-Крик. Занюханный паршивый городишко.

— Я слышала, там все не так плохо.

Собеседница, немного помедлив, уточнила:

— Да так, воспоминания. Не из приятных.

Эмма решила сменить тему. Она и так чувствовала себя не слишком уверенно рядом с Джоан, и не хотелось всё испортить.

— Раньше я тебя не видела в этом кафе, хотя часто тут бываю.

— Здесь я в первый раз. Обычно ем в других местах или дома. Вообще, здесь неплохо. Ничего особенного, я имею в виду, но вполне приемлемо, если хочется перекусить. — Джоан макнула очередную палочку картофеля фри в ярко-алый соус.

— Все равно как-то странно, что ты не заглядывала сюда. Ты… больше любишь заведения, где обслуживают люди?

Джоан усмехнулась.

— Нет, я не из любительниц классики. И не из любительниц забегаловок, которые не могут себе позволить автоматические системы, а значит, скорее всего, экономят и на остальном.

Эмма немного встревожилась: не зря ли она задала вопрос

и не был ли ответ Джоан актом раздражения? Но, похоже, все шло нормально.

— Часто придумываются довольно потешные отговорки, как будто недостаточно того, что кому-то просто нравится видеть на этом месте именно людей. — Джоан вздохнула. — Впрочем, я себя тоже изрядно обманываю, но по другим поводам, конечно. Все мы такие.

— Обманываешь?..

— Ну, я про то, что вся наша жизнь — череда обманов и самообманов: побольше, поменьше. Даже само наше восприятие, в каком-то смысле.

— Я стараюсь быть честной.

— А вчера с большим трудом мне все сказала, даже после того как я напрямую спросила. О, прости. Я хотела оставить эту тему, но вот опять сама…

— Ничего.

— Ты веришь в Бога?

— Нет, — честно призналась Эмма.

— А в мире полно тех, кто верит. — Джоан сделала глоток из стакана с чаем. — И это несмотря на то, что в лучшем случае вера во что-то вне физического мира — бездоказательна и излишня, а в большинстве вариантов — вообще прямо противоречит современной науке. Еще один пример распространенного обмана себя и других, сознательного или бессознательного. И свойственные нашему виду когнитивные искажения помогают обманываться эффективнее.

«Интересно, — подумала Эмма, — если бы я сказала, что верю, как бы она отреагировала?»

— Конечно, сейчас в мире полно всяких фанатиков, но если речь об умеренных, и они не навязывают никому свою веру, то что в этом плохого? Пусть люди обманываются.

— Все эти верования, если хорошенько посмотреть, не так безобидны, как может показаться. Даже если их адепты — «умеренные». — Джоан изобразила пальцами кавычки. — Кому-то, возможно, его вера помогает, но в целом, жизни общества она наносит вред. Я не против некоторых видов обмана, но вера в Бога — обман слишком большой. Чересчур отрывает от правды. Без нее мир был бы гораздо лучше.

Эмме была не слишком интересна тема, и она как можно более вежливо постаралась сменить курс разговора.

— Так что ты имела в виду, когда говорила про человеческое восприятие?

— А, там обман иного рода — в отличие от простых видов самообмана типа веры в Бога. Я про то, что мы сами — машины

без какой-либо свободы воли, и это легко доказать. — Джоан подалась немного вперед. — Как и то, что, по сути, никаких «нас» нет, наши организмы — просто машины, обманывающие самих себя, когда постоянно говорят с помощью мозга: «Я существую». Наше «я» — в определенном смысле иллюзия, а любая субъективная воля — самообман.

— Я здесь. Я мыслю, следовательно, существую.

— «Ты» только что и «ты» вчера — разные. Связанные, как причины и следствия, но не те же самые. А часть твоего восприятия упорно настаивает на другом. Твой мозг вчера значительно отличается от того, который есть сегодня. Ты уже даже не помнишь многие из тех мелочей, которые помнила тогда. Содержание твоего разума другое.

Когда-то Эмма сама задумывалась о подобных вещах, но не слишком глубоко. Лично ей было неудобно отвергать что-то только потому, что она это недостаточно понимала (зато хорошо понимали и последовательно доказывали другие, пусть даже иногда их выводы могли показаться безумными), и спорить с квантовой механикой, когда дома стоит компьютер со сверхпроводниками внутри, или с когнитивной нейронаукой, когда кругом — царство умных и не очень искусственных нейронных сетей. Но все же последнее почему-то было несколько более контринтуитивным. Дело было не в том, не согласна она или полностью согласна — в сложившейся ситуации для нее это представлялось не столь важным. Победитель был известен ей заранее — она в любом случае тактично уступила бы это место Джоан. Эмма опасалась, что может неловким словом разрушить буквально всё, поэтому, поддерживая беседу, говорила осторожно, стараясь сильно не задеть собеседницу.

— А как быть с моим упрямым восприятием? Может, именно оно и право, и все дело в моей бессмертной душе? — Последнее слово было произнесено нарочито комично.

— Я уже говорила: нет никаких доказательств существования чего-то нефизического. В том числе нет доказательств существования нефизической сущности, делающей тебя сознательной. Зато хорошо описано, как мозг может вытворять такие трюки. А то и покруче. Можешь представить себе человека, который без видимых причин вдруг начинает считать свою супругу самозванкой? Или уверенного, что он вообще не существует? Или даже не воспринимающего одну половину мира? Восприятие может вводить в заблуждение.

— Но ученые же изучают мир, опираясь и на собственное восприятие.

— На то есть разработанные методологии, принципы

организации, выступающие как фильтры, развитые научные сообщества. Но серьезных доводов ни в пользу солипсизма, ни в пользу существования души или чего там еще — нет.

Банальные и неоднократно звучавшие из множества уст истины, но Эмме просто хотелось быть сейчас с Джоан, и не имело значения, о чем они будут болтать.

— Правда, называть или не называть себя день за днем одним именем, это, конечно, вопрос практического удобства к тому же, — продолжила Джоан. — Я вот называю. И вообще, несмотря на знание, на базовом уровне подвержена иллюзии «себя», как и все эго-системы.

— А какие виды обмана предпочитаешь ты?

— Люблю некоторые простые радости жизни. Выдумываю стоящие, на мой взгляд, смыслы двигаться вперед. При этом я прекрасно понимаю, что во Вселенной нет никакого смысла и предназначения, понимаю, откуда растут корни всех этих желаний, как все это работает.

— Пусть я с тобой во многом и согласна, но многие бы сказали, что это довольно мрачный взгляд на вещи.

— Нельзя слишком отдаляться от правды.

— Безразличная Вселенная.

— Безразличная Вселенная, — подтвердила Джоан. — Но не забывай про небольшие приятные поблажки, пусть в этом на самом деле и нет никаких души и свободы, только причины и следствия. Вкусная пища, фильмы, книги, игры, музыка, общение, секс и, в моем случае, интерес понять что-то в этой гребаной Вселенной.

— Что понять, например? Чем именно ты сейчас занимаешься?

— Если очень широко, я специализируюсь по… определенным аспектам математического моделирования нейронных сетей. Не знаю, о многом ли тебе это говорит.

— Если ты любишь то, чем занимаешься, это прекрасно.

— Ну, на практике все гораздо сложнее. У меня есть обязанности в университете, иногда хочется послать все куда подальше. — Джоан поправила свои волосы, удостоверилась, что гарнитура-улитка сидит на ухе как надо. — Ты собираешься получить бакалавра в следующем году, а дальше?

«Боже, как я ненавижу этот вопрос».

— Буду искать работу, я думаю. Не планировала продолжать учебу. У меня вообще по жизни с планированием туго. — Эмма неловко улыбнулась. — Ты ведь магистр?

— Да, но останавливаться на этом не собираюсь, — ответила Джоан. — Только не подумай, что степени для меня так много

значат. Да и вообще, — обнадеживающая улыбка, — я не планирую строить свою жизнь вокруг одной академической карьеры, в конце концов.

Эмма поймала себя на том, что любуется собеседницей, и постаралась не подать вида.

— Можешь смотреть на меня, если тебе так хочется. Конечно, мне не всегда нравится, когда на меня пялятся. Но тебе разрешаю. Только не держись со мной так напряженно, умоляю. Вроде немного расслабилась и опять…

«Она все заметила».

— Извини, правда, извини, если это тебя вдруг напугало или еще что, — поспешила добавить Джоан. — У других часто со мной бывает такое. Побочный эффект моих модификаций, я полагаю. Разгоняешь функции внимания и замечаешь детали, которые многие пропустят. Ничего сверхъестественного. Вот только… в результате еще яснее видишь вокруг обман. Не то чтобы так уж сильно, но заметно. Возможно, я излишне драматизирую.

К ним подъехал бот, предлагая принять подносы, посуду и мусор.

— Короче говоря, — Джоан отдала роботу поднос, то же самое сделала и Эмма, — просто старайся быть более открытой, когда общаешься со мной, хорошо?

— Хорошо.

— И не надо говорить так, словно я тебе приказала, а ты выполняешь приказ.

— Я хотела сказать тебе спасибо за то, что ты сегодня решила уделить мне внимание. Честно говоря, после вчерашнего я такого не ожидала.

— Может, я ошибаюсь, но мне кажется, ты вообще о себе не слишком высокого мнения. Это так?

— Да нет… Ну, бывают моменты, — призналась Эмма.

— Просто совет: не принижай себя. Благодаришь меня, как будто я тебе оказала величайшую честь, которой ты не достойна. Ты очень симпатичная и приятная девушка — и этого уже вполне достаточно.

Эмму поглотила волна смущения.

— Не только тебе приятно смотреть на меня, но и мне на тебя. Это правда. Не трясись ты так в моем присутствии. Да, кстати… ты в переписке упоминала, что сегодня у тебя репетиция. Ты не опоздаешь?

Эмма совсем позабыла про репетицию. Она посмотрела на время. Пять. Нужно шевелиться.

После услышанного ей особенно не хотелось покидать это

место.

— Да, мне пора. Спасибо, что напомнила. Из головы вылетело. Надо еще заехать к себе, взять инструмент…

Они вместе вышли из кафе. Дальше их пути расходились.

— Все-таки еще раз спасибо за встречу, — сказала Эмма. — Было очень приятно.

— Не за что. Мне тоже. Еще встретимся. Пока.

— Пока.

Позже Эмма не раз возвращалась в своих воспоминаниях в тот вечер. Тогда все казалось иным в сравнении с тем, что было еще вчера, ее наполнял коктейль из влюбленности и надежд на будущее, вызванных к жизни той короткой встречей в кафе.

Даже опоздание на репетицию не слишком омрачило впечатление.

* * *

2080

На улице было прохладно — первые числа декабря.

Алан чувствовал вибрацию смартфона в кармане, но не хотел отвечать. Он шел и шел по оживленным вечерним улицам, залитым светом фонарей, под шум проезжающих машин, мимо бредущих куда-то посторонних людей. Над головой парили дроны, мигая разноцветными огнями.

Постепенно становилось легче.

Снова вызов. Черт, сколько можно?

Но теперь Алан увидел на линзах совсем не то, что ожидал. Другой номер.

Звонила Карла. Парень поспешил принять вызов.

— Привет, ты как?

— Привет. Прости, что не сразу ответил. Я в норме, в принципе, только вот опять повздорил с матерью.

— С которой? А-а, с Джоан?

— Ну да… Решил выйти. Честно, так достало уже.

— Она опять тебя отчитывала из-за меня?

— Нет. Ну, по крайней мере повод был другой.

— И что думаешь?

— Что? Пройдусь пока, а потом придется возвращаться домой.

— Слушай… — Карла замялась. — Если собираешься прогуляться, я могу составить компанию.

— Конечно. Куда мне подъехать?

— Давай поближе к моему дому где-нибудь, — ответила Карла.

Муниципальных автобусов и шеринговых самоуправляемых авто Алан избегал по принципиальным соображениям — многие из них управлялись нейронными сетями, обладающими ощущением себя. Алан хотел было взять велосипед, но в конце концов большую часть пути решил проделать на поезде.

Алан познакомился с Карлой в сети, в группе по эго-этике. Общение в интернете перетекло в пространство офлайн, и возникшие зачатки взаимной симпатии быстро начали перерастать в отношения.

Встретив девушку на месте, Алан отключил телефон — чтобы не доставали звонки от родительниц. Карла казалась ему красивейшим существом во Вселенной. Невысокая, на полголовы ниже него, со светлыми волосами по плечи и большими, невероятной глубины синими глазами, она заставляла Алана невольно испытывать при встрече легкий приятный трепет.

— Ты как всегда прекрасна.

— Спасибо.

Вдвоем они бродили около часа, прогуливаясь вдоль Гранвил и разговаривая ни о чем. А потом девушка спросила: может, если Алан не хочет сегодня возвращаться домой, он останется у нее? Отца нет дома.

Для Алана это был волнительный момент. Он решил отправиться к Карле, но, почувствовав укол совести, корившей его за жестокость по отношению к матерям (не только к Джоан, но и к ни в чем не повинной Эмме), включил смартфон и позвонил домой. Сказал, что вернется завтра. И, преодолевая сомнения, вежливо отклонил все попытки его переубедить.

Дома у Карлы они незаметно перешли от беседы и шутливой игры к поцелуям и — впервые — к ласкам руками. Карла взяла инициативу на себя, и Алан, крайне возбужденный, волновался и неловко пробовал отвечать ей. Девушке, похоже, нравилась неопытность партнера, и она улыбнулась ободряюще и призывно, когда Алан начал действовать активнее. Ему хотелось поскорее войти в нее; Карла сама оседлала его и стала двигаться, наклонившись над ним и позволяя видеть небольшие красивые груди. Алан положил руки ей на спину и кончил, едва девушка успела сделать несколько движений на его члене. Несмотря на испытанное наслаждение, он тут же почувствовал себя виноватым, и даже улыбка Карлы казалась ему заслуженной насмешкой.

Карлу это лишь завело. Она слезла с обмякшего члена и легла рядом с Аланом, ожидая продолжения. Тот понял намек

и начал неуверенно стимулировать ее орально. Его язык проникал глубоко внутрь, но это было совсем не то. Она пошевелилась, давая понять, чего ей хочется, и Алан сосредоточился на ее клиторе. Он и это делал довольно неумело, но Карла все же кончила, подстегнутая чувством собственного превосходства и виной партнера. В том и в другом была какая-то особенная прелесть.

* * *

Запись из дневника:

«13/10/2048

Моя мамаша выходит замуж. Снова.

И к своему потенциальному отчиму я тоже не питаю симпатий, хотя он вроде даже старается по-всякому.

Сегодня я опять виделась с Лизой. Мы гуляли, и я решила, что стоит наконец все сказать.

Я мямлила, как последняя дурочка, а она слушала, слушала с серьезным видом. Кажется, она была немного удивлена.

Чуда не произошло.

Она сказала, что я очень дорога ей, но она не испытывает чего-то похожего.

Теперь я очень боюсь, что разрушила даже нашу дружбу. Что, если это оттолкнет ее от меня? Каково это — общаться с человеком, зная, что он хочет от тебя того, чего ты ему не можешь дать?»

* * *

2059

— Каково это — взаимодействовать силой мысли?

— Просто получается, и всё. — Джоан подумала и добавила: — Но так было не всегда. Я этому училась некоторое время. Перепаяла моторную и зрительную кору.

— Я бы на такое не решилась.

— Дело твое, но это не так страшно, как тебе может казаться.

— Просто как-то странно и непривычно.

— Веришь или нет, мне знакомо это чувство. Все-таки я сама себя все еще считаю человеком. Свои неудобства с имплантатами тоже бывают — несовместимости, возможный иммунный ответ.

Но уж на что хватило денег.

— И ради работы…

— Пожалуйста, не надо. Это ведь не только из-за того, что надо жить на что-то. Мне многое в моем деле действительно интересно. Лучше… расскажи о музыке.

Они шли, гуляя, примерно тем же маршрутом, каким Эмма еще не так давно следовала за Джоан.

— Ну, я играю в группе, у которой до сих пор нет названия. Ребята собрались и оставили пост о том, что им нужен басист, а я играю на басу, и один из них мой знакомый, так что я решила попробовать. Думаю, мы уже довольно неплохо сыгрались… по любительским меркам.

— Что вы играете?

— Панк-рок.

— Это вообще кто-то слушает?

Эмма чуть поморщилась от задетого чувства собственного достоинства.

— Больше людей, чем может показаться.

— Извини. Я ничего такого не имела в виду. Я сама не меломанка и обычно, если ставлю музыку, то в качестве фона, не более.

— Извинения рассмотрены и приняты. — Эмма постаралась укротить маленькую обиду и обернуть все в сарказм. — Ну, если серьезно, то основная аудитория, конечно, эстеты со специфическими вкусами и любители старья, хотя и молодежи тоже хватает.

— А… можно вас послушать?

— У нас есть пара живых записей, но мне не нравится, как мы там звучим. А через нейросеть для улучшения мы не прогоняли, наш гитарист запротестовал. Хочешь… — Эмма не была уверена, что это хорошая идея. — Хочешь прийти послушать нас в это воскресенье?

Джоан задумчиво сказала:

— Хм, а почему бы и нет? Честно говоря, последний раз была на концерте в семнадцать лет. И это была электроника.

— Ты, ну, в курсе всей этой субкультуры?

— Нет, вообще-то. А что?

— Да так, просто в таком случае возможен… — Эмма постаралась найти в памяти подходящее выражение, — небольшой культурный шок.

В воздухе стоял сильный запах табачного дыма — несмотря на то, что перед концертом убедительно просили не курить в помещении. Кроме того, было жарко — кондиционер то ли

плохо работал, то ли вовсе сдох, а может, его вообще не было.

«Одежду придется отправить в стирку. Спасибо за приглашение, Эмма».

Джоан стояла у барной стойки, рядом оживленно беседовал народ — как совсем молодежь, так и личности среднего на вид возраста и даже старше («Помни, внешность может быть обманчива, Джоан»). Компания собралась пестрая: люди в футболках с плохого качества принтами, с причудливыми прическами и разнообразными внешними бодимодификациями. Неподалеку стояла женщина в черных кедах, шортах и футболке. Верхняя половина ее черепа была прозрачной — можно было видеть полушария мозга — и подсвечивалась бледно-синим. Ее обнимал за талию какой-то мужчина с тоннелями в ушах, на нем была толстовка с капюшоном, вроде той, что у Джоан, только темно-бордовая.

Среди незнакомых лиц Джоан чувствовала себя неуютно. Она пила через трубочку сок из пакетика, посматривая то и дело на сцену, где музыканты расчехляли инструменты. Две гитары, бас, барабанщик за установкой — группа, в которой играла Эмма, не использовала никаких устройств, работающих с помощью нейроинтерфейсов. Всё вручную.

«Люди остаются людьми».

Они подключились и стали настраиваться. Эмма наиграла какую-то несложную бас-партию и что-то сказала человеку за пультом.

Джоан заметила, что стоящий рядом парень явно оценивающе разглядывает изгибы ее фигуры. Когда она повернулась к нему, он тут же отвел взгляд.

— Скройся, — посоветовала ему Джоан, и он стыдливо отошел подальше, стараясь больше не смотреть в ее сторону.

Группа все еще настраивалась. То ли фрагмент композиции был плох, то ли они играли плохо, то ли всё сразу, но Джоан явно не нравилось то, что она слышала. От запаха дыма, от шума, гама и в целом неприятной для нее обстановки у девушки уже немного болела голова.

«Господи, зачем я приперлась?»

Она знала зачем. Несмотря на поведение Эммы, которое когда-то взбесило, та ей нравилась. Не сказать, что Джоан переполняли чувства; возможно, она просто хотела перестать быть одной?.. Эмма казалась неплохой кандидаткой. При этом сама, судя по всему, была просто без ума от Джоан, и той отчего-то не хотелось расстраивать бедняжку.

«Ну что ж, я не против, давай поиграем. Пообманываем друг друга, насколько хватит сил и желания».

Похоже, группа наконец по-настоящему начинала. Публика потянулась ближе к сцене.

В не имевшей еще названия группе было четыре участника. Перед двумя гитаристами — парнем и девушкой — стояли старомодные микрофонные стойки («Неужели нельзя было надеть на голову маленькие беспроводные микрофоны?»). Джоан со свойственным ей вниманием запомнила, что вокалиста-гитариста зовут Джим, гитаристку — Анна, а парня-барабанщика — Саид (перед концертом Эмма беседовала с ними в коридоре, пока Джоан с выражением лица «что я тут делаю?» стояла рядом).

Джоан довольно скоро поняла, что зря выбрала именно это место в зале: начиная со второй песни тут стал твориться настоящий ад. Многим, наверное, нравилось — но для Джоан это было именно адом. Люди выскакивали на край сцены, чтобы прыгнуть на руки стоящих внизу; рядом устроили мошпит: кто-то принялся, подобно пушечному ядру, летать от одной стороны расчищенного круга к другой, довольно жестко врезаясь в стоящих; те отталкивали его, заставляя лететь в противоположном направлении. Музыка плохо подходила для моша, но собравшихся это не останавливало. Джоан едва не разбили нос локтем; она благоразумно отошла в сторонку, близко к сцене, но сбоку, рядом с фотографами. Здесь было спокойно, но зато долбил по ушам звук из колонок. Мало того, что это не был любимый стиль Джоан, — сама группа действительно играла довольно плохо. Да и тексты, которые едва удавалось разобрать, наводили на мысли о бездарности и графомании. Однако Эмма (насколько Джоан могла судить при своих знаниях о музыке) играла вполне прилично. Она — и еще барабанщик, то есть люди, ответственные за основу ритм-секции (что, впрочем, не спасало от общей унылости). А вот гитаристы то и дело лажали.

Песне на седьмой что-то будто изменилось. Нет, участники не стали играть профессиональнее — но музыка неожиданно стала интереснее.

«Наверное, каверы».

Это действительно были кавер-версии, которыми группа решила закончить свой сет.

Вышедшая следом группа из Чикаго «X-Rays» звучала заметно лучше; стиль их, правда, сильно отличался. После концерта Эмма, уже со своей бас-гитарой за спиной, вместе с Джоан осталась в коридоре ожидать остальных участников группы.

— Как тебе вообще то, что мы играем?

— Если честно, не очень. Не принимай близко к сердцу.

Но, — добавила Джоан, — ты и ваш барабанщик, похоже, уровнем повыше остальных.

— О, Саид где только не играл до этого. У него опыта хватает. Откровенно говоря, мне самой не слишком нравится, что мы сейчас лабаем, но я особо не лезу со своей критикой, решают, в основном, другие. Просто играю, — призналась Эмма.

— А зачем тогда?

— Ну, это все-таки как-то прикольно, по-моему. К тому же хотела тоже поднабраться опыта. Я раньше нигде не играла. А еще помочь знакомым.

— Не стоило меня поднимать. — Джоан вспомнила неприятный момент: во время сета «X-Rays» неожиданно для нее Эмма при поддержке еще пары человек подняла ее на руки; тут же подключились и другие.

— Извини…

— У меня было такое ощущение, что меня лапают за сиськи и бедра.

— На будущее — постарайся в таких случаях не оказываться лицом вниз.

— Мне бы и по-другому не понравилось. Тогда бы держались за задницу.

— Ну правда, прости.

Джоан устало вздохнула.

— Я проторчала в прокуренном зале, на меня глазел какой-то озабоченный юнец, мне чуть не сломали нос, потом облапали. А, да — еще я чуть не оглохла, стоя около колонок. Это и есть тот самый «культурный шок», о котором ты предупреждала?

— Не совсем… По крайней мере, я другое имела в виду.

— Ладно, ладно, хватит об этом, а то, боюсь, ты снова начнешь извиняться.

Спустя минуту появились коллеги Эммы, о чем-то оживленно болтая. Они обсудили дальнейшие планы, договорившись о репетиции в среду, а после все пятеро вышли на улицу. Троица — гитарист, гитаристка, ударник — удалилась в направлении остановки, оставив Джоан с Эммой вдвоем.

— Свежий воздух наконец-то.

Эмма кивнула и не слишком уверенно спросила:

— Ты сейчас домой?

— Да. По крайней мере никуда больше не собиралась. Завтра опять на работу. А ты?

— Я собиралась в общагу.

В голосе Эммы Джоан заметила едва уловимую грусть. Она прекрасно понимала, в чем дело.

«Я не против. Давай пообманываемся».

Всё соткано из причин и следствий.

Джоан не слишком настойчиво притянула Эмму ближе к себе. Это был момент для Эммы, и она воспользовалась им, поцеловав Джоан. Та отметила, что целуется она хорошо.

И тогда Джоан сказала:

— Несмотря на все дерьмо, что было сегодня вечером, мне нравится быть с тобой.

Они вдвоем прошлись до остановки. Джоан взяла руку спутницы в свою.

Дома Джоан наконец-то стянула с себя пропахшее сигаретным дымом и потом худи и плотно облегающие псевдоджинсы и кинула в стирку. Футболка отправилась следом за толстовкой и джинсами — от нее воняло тоже. Голосовое управление стиральной машиной работало нормально, и Джоан, задав настройки несколькими отрывисто произнесенными командами, сняла нижнее белье и встала под душ. Здесь модуль распознавания барахлил, поэтому она его давно отключила, выработав привычку быстро вводить вручную нужные параметры. Теплые струйки воды — какое блаженство после всего, что недавно было.

Она думала об Эмме. Дело было уже не только в том, что Джоан хотелось компании. Эмма ей нравилась, и Джоан рассчитывала на развитие их отношений. А чтобы все было хорошо, стоило приложить дополнительные усилия.

«Я хочу, чтобы она нравилась мне еще чуточку больше».

Необходимый шаблон уже был. Выйдя из ванной, Джоан легла на кровать. Настроила работу имплантатов и, опустив правую руку к промежности, начала мастурбировать. Фоном она запустила заблаговременно записанные сегодня паттерны с аудио- и визуальными образами Эммы; левой рукой при этом она массировала свои груди. Надо постараться активировать нужные группы нейронов — так она собиралась дополнительно немного увеличить силу своего сексуального влечения в будущем. Джоан видела рвение Эммы и хотела сделать для нее кое-что еще.

* * *

2081, осень

— Он был и будет нашим сыном, Эмма. И это реальная надежда. Ты помнишь, что нам сказали в прошлый раз?

— Я понимаю, но… все это как-то… неестественно. То есть я

не хочу сказать…

Джоан ненавидела это слово.

— Неестественно?

— Нет, я просто…

— Тут нет ничего неестественного! Вообще ничего! Это любимое оправдание всяких кретинов, почему ты сейчас мне это говоришь?!

— Не кричи, пожалуйста…

— Как? Как я, твою мать, могу…

— Заткнись!

Взгляд и выкрик Эммы были неожиданными для Джоан и заставили ее замолчать.

Эмма продолжала:

— Ты права, мы говорим о нашем сыне. И именно поэтому я прошу тебя не пороть горячку.

«Ну вот опять».

Джоан старалась быть как можно более мягкой.

— Послушай. Подумай сама. Ты знаешь прогнозы. Ты знаешь, что нам пришлось брать кредит — и все равно это ничего не гарантирует.

— Просто заткнись…

— Нет, дослушай. — К Джоан вернулась решительность. — Это лучше, чем всё, что мы можем. Это дает гораздо больше шансов. Ты знаешь это.

— И кто это будет? Машина, считающая себя Аланом?

— Как будто мы сами не машины. Просто часть его теперь будет искусственной нейронной сетью. И даже не настолько большая. Я понимаю, для тебя это может звучать странно. Но давай вспомним про людей, которые получали тяжелейшие травмы и на всю жизнь оставались овощами! Это шанс не просто на то, что Алан выживет, но и что не станет таким, как они! Ты понимаешь это? — Джоан помолчала, стараясь немного успокоиться. — Даже основа его мозга — если это что-то значит — всё еще обычные нейроны. В этом вся суть. Имплантаты Алана — это обширные протезы. Умный протез. Можно сказать, что этот искусственный интеллект вернет Алану возможность быть в сознании. Но там не будет никаких чуждых воспоминаний, никакой другой… — Джоан запнулась, — личности.

«Ни у кого нет личностной идентичности, это условность и обман», — мысленно поправила она себя. Правда, Эмма, хоть и сто раз это слышала, похоже, так и не избавилась от плена иллюзий. Очень по-человечески. Сейчас лучше говорить просто: Алан был и останется Аланом.

Эмма молчала. Потом промолвила:

— Да, я все понимаю. — Она немного склонила голову. — Прости. Ты права.

— Я тоже была… слишком груба. Это, может быть, непросто принять. — Джоан взяла Эмму за плечи. — Он будет нашим сыном не меньше, чем был бы им, каким-то чудом очнувшись сейчас. Я люблю его, как и ты, и хочу, чтобы он выжил.

— Я согласна. Пусть все будет так, как ты предлагаешь. Но мне все равно немного не по себе, знаешь.

— Я понимаю. Я разозлилась на тебя, но я понимаю, что ты чувствуешь. Сейчас я позвоню им. Чем раньше, тем лучше.

— Да… Да, конечно. — Эмма села на диван и, вздохнув, закрыла глаза. — Почему ты всегда должна быть права? Почему ты всегда права?..

— Это не так. Иногда бываешь права ты, иногда я, иногда ошибаемся мы обе.

— Позвони. Не теряй времени.

* * *

2059

По дороге к кампусу Эмма и Джоан болтали в автобусе.

— Когда ты впервые отредактировала себе мозг?

Вопрос был вроде бы невинным, но застал Джоан врасплох. Она соврала:

— В восемнадцать, перед поступлением в универ.

— И как потом? С последствиями операций, в смысле.

— Конечно, напрягало и было не слишком приятно, но с теми технологиями, которые были лет семь-восемь назад, все было уже не так и сложно.

— Я никогда еще тесно не общалась с людьми с модификациями вроде твоих. Тем более настолько… тесно.

— Ну, видишь, мы не кусаемся.

— Да я не имела в виду…

— Я знаю.

Они были уже на полпути.

Эмма, сидящая слева, задумчиво посмотрела на что-то в окно.

— Я еще в кафе заметила, что ты немного странная. Не в обидном смысле. Когда ты расплачивалась банковской картой. Мне всегда казалось, что люди… твоего типа до подобного не снисходят в принципе.

— У тебя полная голова стереотипов.

— Вероятно. А вчера вечером я увидела, как ты живешь. Это

окончательно разорвало шаблон.

Джоан усмехнулась.

— Не могу сказать, что модификации не изменили меня — иначе зачем бы я их ставила. Но когнитивно я все равно очень… человечна, если можно так сказать. Я видела таких, которые и впрямь вписываются в твои стереотипы, кто-то так и вообще не от мира сего. К сожалению, и примеры проблем с модами тоже приходилось наблюдать.

— Часто такое бывает?

— Не знаю, я не статистик. Наверное, реже, чем об этом кричат технофобы. Но риски действительно есть. Кроме того, бывает: улучшишь одно — потеряешь в чем-то другом. Однако все равно находятся те, кого все это не пугает — или не настолько пугает, даже если речь о потере той самой «человечности».

— А какие они — самые, прости… э-э-э… «бесчеловечные» моды, которых ты видела?

— Не знаю, кто как, но я бы определенно сказала: хайвы. Хотя зависит от конкретного случая, они бывают очень разные.

Эмма кивнула.

— Глубокая интеграция, мозговой зерг-раш…

— Следи за языком! За такие словечки можно и в суд попасть.

— Ну мы же только между собой.

— Все равно. И мне самой, кстати, это прозвище тоже не по нутру. Все-таки ты скрытая модофобка. И как я только решила с тобой переспать, фу. — Джоан улыбнулась. — В любом случае, по твоему вопросу: кто-кто, а эти мне действительно кажутся… странными. Что такое прямая работа с подключёнными внешними искусственными нейронными сетями, я знаю по себе. Что такое ограниченное межмозговое взаимодействие — тоже. Но когда они капитально перестраивают себе мозги под долговременное сожительство…

— Коллективный разум?

— Что касается тех, о которых я знаю, — нет, но, возможно, нечто близкое. Члены хайва сохраняют частичную автономию и индивидуальность. Но все равно такая общность нам и не снилась. У них нет секретов друг от друга — это бессмысленно, когда один легко может увидеть что-то из башки другого. Тот, с которым я довольно долго работала, вообще старался не использовать местоимения единственного числа по отношению к себе и членам хайва — только в крайних случаях. Не «я» или «он», а «мы».

— Сколько их там было? — спросила Эмма.

— Шестеро. Четверо мужчин, две женщины.

— Не представляю, как кто-то на такое вообще идет.

— Порой сама удивляюсь, — честно ответила Джоан. — Но, с другой стороны, это интересно, хоть и непривычно.

— Представляю: я говорю что-нибудь члену хайва, а потом об этом узнают они все. От своих — никаких секретов.

— В общем так, по идее, оно и есть. Так что я лично не горю желанием делиться с ними секретами. Да они и не предлагают, впрочем. До сих пор не предлагали, по крайней мере.

— Ты говорила про межмозговые интерфейсы. Неглубокие.

— Да.

— А… когда ты такое пробовала?..

— Однажды, когда занималась сексом, — призналась Джоан. — В том случае, правда, интерфейс был на уровне софта, а не харда — мы обе использовали имплантаты и утилиты.

— Мне кажется, отсюда недалеко до хайва.

— Ошибаешься. Ощущения любопытные, кстати.

— Ты хочешь втянуть и меня в это? Не получится. Я разгадала твой план. Заманиваешь меня в хайв.

— А почему бы и нет? А серьезно — все не так, как ты думаешь. Просто представь, что ты чувствуешь немного из того, что чувствует партнерша. Эффект можно дополнить нарушением самоидентификации — и ты немножко ощутишь себя мной, и наоборот. Но это с хайвом и близко не валялось.

— Не знаю. Может, я бы даже и попробовала. Но все равно жутковато.

— Жизнь вообще штука весьма страшная.

— Знаешь, — начала Эмма, — ты никогда не задумывалась о том, сколько у нас сейчас есть охрененных вещей и как именно мы ими пользуемся? Ну то есть я хочу сказать, инженеры, ученые из прошлого, если бы увидели, что мы сегодня вытворяем с помощью их изобретений, как используем их открытия, — их бы ведь удар хватил. Или со смеху бы померли.

— Ага. Ты разработал интерфейс «мозг-мозг», а в будущем кто-то устанавливает через него связь во время секса. Ну или ты был пионером искусственных нейронных сетей, а кто-то использует их, чтобы придумывать оригинальные костюмы на Хэллоуин. Или писать дурацкие стишки. Примеров миллионы.

— А про Хэллоуин — это тоже правда кто-то делал?

— Да. А видела страничку «Artificial Idiot»?

— Нет, а что это?

— Какие-то ребята замутили в сети страницу, куда в личку все желающие могут скидывать цитаты из, на их взгляд, идиотских постов. На основе собранного материала они научили нейронную сеть быть сетевым идиотом и выкладывали самое выдающееся из ее творчества. А настоящий ад случился тогда,

когда ИИ пустили погулять в соцсети под заранее созданными аккаунтами — свободно создавать посты, комментировать чужие и вступать в дискуссии. Аккаунты довольно быстро забанили, но следы деятельности удалось заскринить до того. Сейчас осталась только исходная страничка, она обновляется создателями — наверное, им до сих пор присылают материал для обучения. — Джоан постаралась сдержать смешок. — Самое интересное начиналось, когда искусственный идиот встречался с живыми коллегами. В принципе, безумные ИИ в соцсетях не новость, но в этот раз безумие достигалось целенаправленно. И получилось довольно качественно, кстати. Сеть Тьюринг — положительная, вполне способна сойти за человека, но без самосознания, так что шума со стороны ИИ-этиков не было. Почти. Мне ее даже немного жаль. Нейросеть-клоун на потеху желчным задротам, хоть и не способная по-настоящему понять, что она — это она.

Джоан уловила по виду Эммы, что эта история произвела не то впечатление, на которое она рассчитывала.

Автобус уже подъезжал к нужной остановке.

— Интересно, что бы сказал в середине прошлого века какой-нибудь специалист по нейронным сетям из MIT, услышав про подобное? — спросила Джоан.

— Что мир сошел с ума.

— Возможно. Но не стоит все время быть серьезными, верно?

— Веселиться можно и другими способами, — ответила Эмма.

Девушки вышли из автобуса. Джоан спросила, сможет ли Эмма пересечься с ней сегодня, и та ответила утвердительно, добавив, что детали напишет позже. Отсюда их дороги расходились, но лишь до вечера.

* * *

2082, лето

Алан был не только жив, но и пришел в себя.

В приемной Чёрчленд-центра Карла увидела Эмму. К счастью, рядом не было ее отвратительной женушки.

— Здравствуй, Карла.

— Здравствуйте. Я очень благодарна, что вы позвонили.

— Я же обещала сообщить.

— Все равно. — И тут же: — Я… могу увидеть его сейчас?

— В общем, да, но… — Эмма замялась. — Сейчас он занят

с Джоан. — Эмма серьезно посмотрела на Карлу. — Слушай, я знаю, вы обе… мягко говоря, друг друга недолюбливаете. Но, Карла, пожалуйста, прошу, просто постарайся сама не провоцировать ее.

«Провоцировать? Я? Да она…»

Но Карла промолчала, приложив все силы, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица, и даже кивнула в ответ.

— Ну и хорошо. Я просто не ожидала, что вы вместе тут окажетесь. Понимаешь, ее отвлекли по делам, но она вернулась быстрее, чем я думала. Извини, что ты приехала не в самое удачное время. Но, как бы там ни было, Алан сам спрашивал у нас о тебе, и я обещала, что вы скоро встретитесь.

— Ничего, миссис Карпенко. Я понимаю.

За прошедший со времени аварии год Карла изменилась. Да, Эмме было мало известно о девушке, но перемена была заметна. Она держалась иначе, внешность ее стала более… строгой.

— Карла…

— Да?

— Я хотела спросить… То, что ты давала нам деньги, не слишком обременяло тебя?

«Обременяло? Ну уж это вряд ли».

— Нет, что вы — ответила Карла. — Я сейчас занимаюсь бизнесом, доставшимся мне от отца, и часть средств…

— О, мне очень жаль, что твой отец…

— Это действительно было тяжело. Но все равно я старалась давать средства для Алана. Даже если бы это было трудно для меня, я должна была так поступить.

— Нам правда очень пригодилась эта помощь. Наша семья благодарна тебе.

Эмма старалась быть вежливой. На самом деле с тех пор, как Джоан заняла место в проекте, они не испытывали значительных финансовых трудностей.

В этот момент Карла увидела Джоан. Та направлялась к Эмме. Заметив рядом с женой Карлу, она замедлила шаг.

— Здравствуйте, миссис Мейерс…

— Привет.

Джоан явно была не в своей тарелке, но держала недовольство на коротком поводке.

— Алан в комнате. VR-реабилитация сейчас отключена.

— Я провожу Карлу к нему, — сказала Эмма.

— Хорошо. А мне снова нужно отойти.

Карла подумала:

«Пусть бы на этот раз возвращаться не торопилась».

Карла с Эммой прошли по длинному коридору, затем

свернули направо. Эмма использовала на электронном замке одной из дверей карту доступа.

Алан сидел в умном кресле (из тех, что автоматически подстраиваются для большего удобства пользователя) перед столиком, рядом — каталка. При виде Карлы он резко изменился в лице. Парень явно был рад.

— Карла!..

— Осторожнее, у Алана пока трудности с движениями, — предупредила Эмма.

Карла обняла Алана.

— Я так хотела увидеть тебя…

Эмме стало неловко. Решив, что не будет ничего плохого в том, чтобы оставить этих двоих наедине, она аккуратно вышла.

— Я так ждала этого… Я люблю тебя… Господи, как я люблю тебя…

— Не волнуйся. Теперь все хорошо. Они говорят, что все идет хорошо.

Карла постаралась немного успокоиться.

— Прости… Я так рада.

— Я тоже. — И затем: — Как твой отец?

— Алан… Его больше нет в живых.

— О… Извини за мой вопрос. Я не знал. Я очень сочувствую.

— Ты не виноват. Ни в чем.

— Что с ним произошло?

— Ты же помнишь, он долго болел… — Это была полуправда. Карла не хотела вдаваться в объяснения.

— Извини. Я не всегда и не все помню. Говорят, что это из-за травмы. Но я сейчас вспомнил об этом.

— Не извиняйся. Я все понимаю. — Девушка втайне испытала облегчение от того, что Алан принял ее уклончивый ответ.

«Что еще он мог забыть? — Карла немного боялась об этом думать. — По крайней мере он помнит меня».

В комнату вошла Джоан.

— Извините, но вынуждена прервать вашу беседу. Алан, нужно еще поработать.

— Но, мама…

— Алан, это нужно для твоего выздоровления. И я надеюсь, что Карла это понимает. Пойми и ты.

— Да, миссис Мейерс.

«Как я тебя ненавижу».

— Алан, я постараюсь навещать тебя как можно чаще. До встречи.

— Пока.

— Да, пока, Карла, — сказала Джоан.

Карла, нарочито не торопясь, удалилась.

* * *

2059

До омерзения солнечное утро. Ни следа вчерашнего дождя. Когда она вышла из дома, якобы отправляясь в школу, страх только усилился. Навязчивые мысли: вдруг он знает? Что, если он следит за ней? Что он может сделать тогда?..

Тревога все нарастала.

Джоан проснулась. Сердце бешено билось внутри грудной клетки. Пробуждение не отогнало тревогу — наоборот, она даже усилилась, было невозможно нормально мыслить. Джоан сидела на постели и жадно хватала ртом воздух.

— Что с тобой?..

Эмма взволнованно обняла Джоан за плечи. Та приходила в себя. Сердце билось ровнее, страх отпускал.

— Ничего… Просто что-то вроде кошмара.

— «Что-то вроде»?

— Никаких образов не было, только чувство тревоги. По крайней мере я ничего не помню.

Это, конечно, была ложь.

«Нет. Больше никогда и никому. Это было в другой жизни».

— Ты уверена, что всё нормально? Может, стоит обратиться…

— Нет. Вряд ли это из-за имплантатов. Я проходила тесты совсем недавно. Не стоит бежать к психиатру из-за такой мелочи.

— Но ведь всякое может быть. Хоть ты и говоришь, что все это не так опасно, как многим кажется, но я все-таки волнуюсь за тебя.

— Да, возможно, ты права. — Джоан хотела успокоить Эмму.

«…Когда ты впервые отредактировала себе мозг?»

Неужели эта фраза из вчерашней утренней беседы спровоцировала мучительную экскурсию в прошлое?

— Ты… в порядке сейчас?

— Да. Да, все уже хорошо.

Эмма рядом, обнимает и успокаивает. От этого лучше.

— Спасибо…

— За что? — Эмма выглядела искренне удивленной.

— Просто за сочувствие. Это уже немало.

«Может, сказать ей? Нет, не стоит».

— Я и правда очень волнуюсь.

— Хорошо, хорошо, я обязательно проверюсь.

Джоан постаралась сосредоточиться на чем-то приятном.

Время, которое она проводила с Эммой…

— Я… Знаешь, я должна извиниться, — сказала она.

— За что еще? Из-за кошмара? Брось.

— Нет, я про кое-что другое.

«Может, зря я это начала?».

Но отступать было поздно. Не исключено, что это оттолкнет от нее Эмму. Не исключено, что… Но несказанное почему-то не давало покоя. Надо признаться. Хотя бы в этом.

— Недавно я… В общем, я просто хотела, чтобы у нас все было хорошо, и специально для этого я стимулировала свое влечение к тебе. То есть ты мне очень нравишься, но я хотела… дополнительную гарантию, я не знаю, как это назвать. Только небольшие стимуляции, не более. Ради тебя. Ради нас.

— Ты могла бы сказать.

— Я… боялась.

— Ты… ты ведь действительно хотела этого, что-то сделать для меня.

— Пожалуйста, только не думай, что я ничего не чувствовала. Только закрепить…

«Черт возьми, такие оправдания могут сделать только хуже».

— Это правда неожиданно и… не совсем приятно, но по большей части просто из-за того, что ты скрывала.

— Я просто захотела признаться тебе наконец…

«Ага, признаться в этом — но кое о чем другом ты молчишь. Но это по крайней мере с Эммой и не связано, так что…»

Однако небольшой осадок оставался.

«Скрываю, как будто я в чем-то виновата или она не поймет. Зачем? Не хочу, чтобы меня опять жалели. И не хочу ее переживаний из-за моего прошлого».

— Не волнуйся. — Эмма погладила волосы Джоан и игриво коснулась губами кончика ее носа. — Говоришь, что умеешь читать людей, а решила, наверное, что я сейчас возьму и убегу от тебя со всех ног.

Джоан, припомнив первые дни их знакомства, подумала, что сейчас они словно поменялись ролями. Забавно.

— Может, твой кошмар — побочный эффект стимуляций?

— Не думаю.

«Кривой паттерн? Нет, вряд ли».

— Помнишь, ты говорила про интерфейсы неглубокой интеграции? — спросила вдруг Эмма.

Джоан неуверенно улыбнулась.

— Да. Говорила.

— Я, наверное, даже попробовала бы с тобой. Правда. Я думала про это. Если с тобой действительно все хорошо. Сначала

обязательно проверь свои мозги, прошу тебя.

«Хочет разрядить обстановку? А может, хватит строить из себя знатока человеческого поведения, а?» — спросила Джоан себя.

— Конечно. Как и обещала.

Эмма поцеловала ее.

* * *

2081, зима

Он бы мог и дальше цепляться за жизнь, растрачивая свое состояние на терапию. Вместо этого он решил умереть.

«Не бойся. Я давно старался готовить тебя к тому, чтобы однажды принять…»

Когда новорожденную достали из искусственной утробы, отцу было уже за шестьдесят.

Он был вся ее семья. Карлу никогда всерьез не интересовало, кем была ее биологическая мать — просто какая-то анонимная донорша яйцеклетки.

Отец позаботился о том, чтобы Карла — его проект — получилась именно такой, как он хотел.

Поначалу Карла умоляла его жить дальше. Много чего можно было сделать: приободрить неумолимо дряхлеющее тело, продлить обслуживание биомашинок, производящих мониторинг и убивающих то и дело предательски возникающие зачатки раковых опухолей. Но он хотел уйти из жизни. Это был обдуманный шаг.

Отец оставил ей наследство.

«Я не хочу тратить деньги, чтобы выиграть еще день жизни в этом теле. Я оставляю в этом мире часть себя, и это гораздо лучше, чем жить вот так дальше».

Часть себя — в ней. И слепки из облачных нейронных сетей.

Когда он умер, ей было восемнадцать. Еще один удар — после случившегося с Аланом.

Они с папой были так близки…

«Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я люблю тебя».

Он заранее объяснил Карле, что она должна будет сделать. Готовил ее к жизни в одиночестве. Она не хотела, но и не могла противиться его решению, ее долгом было проявить уважение к воле отца.

Просто таблетка. И все будет куда проще.

«Я хочу, чтобы ты перенесла это как можно легче».

Ей действительно стало легче. Но это было только временно. Предстояло сделать нечто более серьезное.

Приглушить отклик на ситуацию с отцом до такой степени, чтобы жить дальше. Не забыть — просто затуманить связанные эмоции.

Она все равно будет помнить и любить его, даже

с укрощенными чувствами.

И его часть останется жить в ней.

* * *

2082, лето

Я — балласт. Даже хуже — комар, надоедливо пищащий где-то рядом с ухом; незначительная помеха, с которой по досадному недоразумению все еще приходится считаться, хотя бы чисто символически.

Я и Эмма должны были дать «зеленый свет» участию Алана в проекте. Мы это сделали, а Центр предсказуемо продолжил делать вид, будто я все еще полезна. На них работают такие существа (у меня язык не поворачивается назвать их просто людьми), в сравнении с которыми я интеллектуальная тля. Они двигают прогресс. Они имеют решающее значение. Я, в лучшем случае, выполняю подсобную работу, мое влияние на общее положение дел теперь куда меньше, чем в ходе тривиальных (в сравнении) исследований в Университете Британской Колумбии. Зарплата, правда, напротив, значительно выше. «Покупка в рассрочку».

Но все же так хочется гордиться тем, что я вношу свою лепту.

Мы еще понадобимся Центру. Я и Эмма. Следить за драгоценным проектом и оберегать его. О да, результаты впечатляют. Невероятно успешная реабилитация. Технология, близкая к магии. Мониторинг, филигранная работа с биохимией «мясных» нейронных ансамблей и глии, развитие «протезных» частей… И это все взаправду работает.

Потрясающие результаты — при таких-то повреждениях! Пусть не без проблем, но с каждым днем всё лучше.

* * *

2059

Заброшенный парк в Бернаби Хайтс, рядом с мостом Секонд Нэрроус. По всей видимости, об этом месте мало заботились — кругом запустение и неухоженность. Но сеть все же работает хорошо.

— Ты пьешь? — спросила Джоан.

— Ну… иногда. — Вопрос был неожиданным. — Почему ты

спрашиваешь?

— Вспомнила кое-что из прошлого. — Джоан тихо усмехнулась. — Помню, как одна девчонка со своей подругой забралась в богом забытое местечко, откуда был очень крутой вид, они пили пиво и болтали. Воспоминания из прошлой жизни.

— «Одна девчонка» — это ты?

— Это было не меньше десяти лет назад. Я сейчас совсем другая.

— И что сейчас с той второй, с подругой?

— Мы иногда общаемся. Не в реале. Но все реже. Особенно с тех пор, как она подалась в Сообщество Квантового Бессмертия. И давай не будем об этом.

Эмме было любопытно, но она решила не ворошить бесцеремонно чужие воспоминания. Не хочет говорить — пусть так.

— А ты… ну, пьешь? — спросила она.

— Нет. Не то чтобы я боялась какой-то непредвиденной реакции, просто я могу добиться того же результата проще и безопаснее.

— Что ты имеешь в виду?

— Могу вызвать у себя состояние, похожее на легкое алкогольное опьянение.

— И это безопасно?

— Зависит от того, не натворю ли я в нем чего-нибудь. Что касается организма, то в любом случае это гораздо безопаснее обычного бухла. Хочешь, покажу?

— Ха. Ну давай.

— Хорошо, сейчас я буду… словно выпила вина. Ну или что-то вроде. Не очень много.

— Так ты, наверное, уже такое делала?

— Да. Всего пару раз. Мне было интересно. Все легально, если что. По крайней мере фактически не регулируется, как и многое другое.

— Я буду следить за тобой, — серьезно сказала Эмма. — Чтобы ты… не натворила чего-нибудь.

— Интересно, здесь вообще есть системы слежения?

— Поблизости — определенно, а вот тут, совсем рядом… не думаю. Даже дронов не замечала. Впрочем, наши гарнитуры, линзы и смартфоны — это уже что-то само по себе.

— «Информационный век». Личный подход… к каждой жертве.

— Личный подход к каждой жертве? — переспросила Эмма.

— Да. Подстраиваемый контент, я имею в виду. Умная среда. Таргетинг.

— А, так ты про это.

— Тебе это никогда не напоминало… хищников?

— Ты вдруг решила присоединиться к Богоубийцам? — сострила Эмма.

— Нет, но в чем-то они правы. В этом сравнении есть смысл. — Выговор Джоан изменился, будто она специально старалась подчинять непослушные слова и не допускать ошибок. Да, Джоан немного опьянела.

— А у тебя нет чего-нибудь, чтобы теперь немного протрезветь?

— Эмма, что, и правда настолько сильно?

— Не очень, но все-таки.

— Ох… ладно. Кое-что я могу. — И она продолжила: — Но что касается хищников. Все эти системы слежения и нейронные сети, работающие с большими массивами данных… Зачастую — чтобы выпотрошить кошелек. Однажды я подумала, что они напоминают серийных убийц.

— Серьезно?

— Да. Расчетливых и изобретательных. Многие из них тоже могут притворяться образцовыми членами общества, быть харизматичными и приятными, чтобы вкрасться в доверие. Там — выпотрошенные жертвы, а тут — выпотрошенные кошельки. Вдобавок к государственной слежке…

— Гм. Что касается последнего — три года назад я была на митинге на Виктори-сквер…

— Тот, что против наступления на приватность?

— Да. Ну ты, видимо, в курсе, чем все кончилось.

— Угу. Разгон, общественный резонанс, извинения и номинальные уступки.

— Примерно так. Я видела, как копы лупили дубинками одного парня чуть не до полусмерти. Мне тогда довелось немного посидеть в отделе, но все обошлось.

— Не думала, что ты бунтарка.

— Ой, да перестань. Вообще, кого там только не было.

Джоан вздохнула.

— Когда-то фантасты писали, что мы сегодня будем плавать в виртуальной реальности круглые сутки. Но вот чтобы демонстрации, толпа на улице…

— Еще писали, что мы перестанем заниматься сексом в реале с живыми людьми.

— Может быть, мы живем в не таком уж и плохом мире. Не погрязли поголовно в виртуальных удовольствиях. Мне, по крайней мере, нравится общаться с тобой в реале, — весело сказала Джоан.

— Не могу не сказать: мне тоже, — ответила Эмма.

Джоан опять вспомнила Лизу. То, как они сидели рядом, «двое на краю мира»…

Только теперь рядом с ней сидит другая, которую она легко может обнять, не боясь, что та отпрянет, удивленная.

* * *

Запись из дневника:

«15/11/2048
Ненавижу, ненавижу, ненавижу!»

* * *

2056

Народу собралось уже порядком. Несколько тысяч человек, не меньше.

Эмма подошла к Виктори-сквер в три. Было воскресенье. Ясное небо с проседью редких облачков.

Раньше ей не приходилось бывать на подобных мероприятиях. И поначалу она сильно сомневалась, стоит ли идти.

Митинг в защиту прав пользователей сети и против мер правительства по контролю должен был вот-вот начаться. Рядом кто-то разворачивал баннер. Эмма узнала символику — она часто видела ее в Интернете. «Детки Доктороу», названные в честь легендарного писателя. Неподалеку развевались красные знамена социалистов. С другой стороны Эмма заметила флаг, принадлежащий, если она не ошибалась, техноконсерваторам. Да кого тут только не было! На площади собрались представители самых разных, зачастую враждебных друг другу общественных сил.

Эмма не относила себя ни к одной из них. Просто считала, что это достойный повод и что политика министерства действительно вопиюще несправедлива. Под предлогом «предотвращения угрозы биотерроризма» после Евразийской Пандемии правительство продвигало меры, которые ограничивали сетевую свободу пользователей и увеличивали долю легального мониторинга различных сфер жизни. Разумеется, многие имели иное мнение об истинных

причинах происходящего. Недовольство политикой жесткой экономии было повсеместным, все больше расползалась неустроенность, и власть попросту боялась радикалов. Чем дальше, тем больше в стране распространялись репрессивные тенденции.

Что может дать этот митинг? Эмме казалось, что надежда есть: власть, увидев демонстрацию недовольства, под давлением снизу может пойти на уступки. Во всяком случае, ей хотелось на это надеяться.

Сетевой самоорганизации, предшествовавшей митингу, с самого начала старались активно мешать. В ход шло все — от сообщений ботов и DDoS-атак до вбросов фейковой информации. Но сколько бы ни говорили о наступлении эпохи «общества дезинформации», где якобы можно заглушить любую правду, тысячам людей все же удалось собраться. Впрочем, такое массовое собрание в Канаде было в последние годы явлением весьма редким, по крайней мере насколько знала Эмма.

Эмма заметила, что по Камби к площади приближались белые с синим машины — дополнительные части полиции. «Не к добру это…» — промелькнула тревожная мысль. Но Эмма быстро прогнала ее: «Да нет, чепуха. Что я за трусиха?..»

Проходящая мимо женщина в бейсболке и зеркальных очках на пол-лица вручила ей листовку с эмблемой профсоюза промышленных координаторов Британской Колумбии. Глаза Эммы сразу выловили из текста набранное крупным шрифтом: «Солидарность работников всех профессий и форм занятости, модов и нон-модов в борьбе за права!» Эмма сложила листовку и засунула в карман. Прошло еще минут десять. Начали выступать с речами.

Внезапно какой-то мужчина неподалеку стал странно дергаться и кричать. Выглядело так, словно он копировал позы и движения людей рядом с собой — всех, кого мог увидеть, одного за другим. Судя по странному оживлению поодаль, что-то (непонятно точно, что именно) происходило в это же время и в других местах. Как потом прочитала Эмма, это, судя по всему, было частью полицейской тактики: спровоцировав внезапные приступы у людей с имплантатами, посеять зерна недоумения, страха, паники. Затем наступило время не столь изощренных методов. Разгон был отработан заранее. Водометы и дубинки гнали разрозненные части толпы, большинство людей просто бежало, некоторые пытались отвечать на полицейское насилие силой.

Эмма неслась невесть куда, плохо что-либо понимая в создавшейся неразберихе. Она видела, как какой-то парень

споткнулся и упал, отстав от бегущей кучки людей; вот он поднялся с земли, но рядом уже стоял полицейский со щитом и дубинкой и, когда парень снова собрался бежать, ударил его по спине дубинкой, а потом к этому копу присоединился другой.

Тем временем Эмма поняла, что они движутся прямо к полицейским.

Эмма не сопротивлялась, когда ее сажали в полицейскую машину — не очень большой электрический «форд». После был вечер в отделении рядом с другими, такими же, как и она. Избитого парня она увидела в следующий раз только на фотографии в сети неделей позже. Стэнли Клепацки. Вокруг него развернулась длительная судебная тяжба, как и вокруг прочих серьезно пострадавших в то воскресенье от действий полиции.

* * *

2082, осень

— Все говорят об успехах, он уже давно не лежит в Центре, но он… не знаю. — Голос Эммы звучал тревожно. — С ним все равно что-то не так.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты же видишь… он какой-то странный. То разговаривает как раньше, отлично понимает сложные вещи, то ведет себя как маленький ребенок.

Джоан вздохнула.

— Да, я знаю. Никто не обещал, что будет хорошо все и сразу. Но он жив, так? И в его состоянии есть явный прогресс.

— Прости, я только… Это все тяжело.

— Я понимаю.

Была половина двенадцатого. Алан, должно быть, спал.

— Сколько в нем от старого Алана? Он таким не был. — Эмма почти плакала. — Знаешь, иногда приходят такие мысли, словно назло. Что он ненастоящий. Что он просто ИИ, присвоивший память моего сына.

— Послушай, некоторые из людей, перенесших инсульт, в гораздо большей степени меняются, при этом их не называют «другими». Бессмысленно говорить о том, что это ИИ, присвоивший тело и память, тем более — что он ненастоящий.

«Снова и снова я играю в эту игру. Говорю так, будто идентичность — не иллюзия.

Не было и нет единого Алана. И Эммы. И меня. И никого

вообще. И опять лучше подыграть заблуждению».

Взгляд Эммы переместился в сторону дверного проема, и лицо ее внезапно изменилось. Джоан обернулась, уже догадываясь, в чем дело.

В дверях кухни стоял Алан и смотрел на обеих.

* * *

Запись из дневника:

«18/06/2049

Да, прошло уже много времени с тех пор, как я что-то писала сюда. Но пусть эта запись будет завершением. Хватит дневников. Теперь я совсем другая.

Наконец-то покончено со всей медицинской возней. Теперь я даже могу довольно спокойно говорить о произошедшем.

Больше полугода прошло с тех пор, как отчим изнасиловал меня. Уже нет тех эмоций, но все равно остановилась, прежде чем набрать это слово.

Не знаю, что он там думал. Наверное, считал, что я буду испуганной мышкой и не скажу никому. Насколько я могу вспомнить, наверное, я была близка к тому. Но память как будто не моя. Я не чувствую ее как свою с тех пор, как мне притупили отклик на воспоминание.

Он ошибся. Уже в понедельник я сделала вид, что иду в школу, как обычно, а сама отправилась в полицейский участок. Я помню, что очень боялась, но самих ощущений того страха не осталось. Воспоминания говорят, что я постоянно была на стреме — но я не чувствую этого во всей полноте. Мне даже кажется, будто это была не я, а какая-то другая девушка.

Мне повезло — я жутко переживала, что меня не примут всерьез. Но все оказалось гораздо проще. Следы на теле с прошлого дня тоже говорили в мою пользу.

Потом была нейроэкспертиза, они задавали вопросы, отслеживая активность моего мозга, и, видимо, быстро сделали вывод, что я рассказала правду. Я помню, мне было тяжело, но не помню, как тяжело.

Я не видела лицо этого гондона, когда за ним пришли. Для той меня, наверное, это было бы наслаждением. Да и для нынешней меня наверняка — но в меньшей степени, ведь я не чувствую все настолько, как чувствовала она. Его тоже прогнали через нейроэкспертизу.

А еще я вспоминаю свою ненаглядную матушку, обвинявшую меня в том, что я просто всегда ненавидела ее и хотела разрушить ее новый брак. Боже, она устроила такой цирк в суде! Она даже

умудрялась обвинять экспертов. Ну конечно, ведь современные средства медицинской экспертизы — это от нечистого, да?

Факты говорили не в ее пользу.

Мне могли вообще избирательно стереть память. Приглушить не дающие покоя узлы. Но я отказалась. Я выбрала это. Все-таки было как-то… не знаю, жутковато. Врачи сказали, что в этом случае, скорее всего, тоже будет нормально, хотя не слишком одобряли мое решение. Но это был мой выбор.

Что касается отчима, все еще надеюсь, как и старая я, что он сдохнет прежде, чем отмотает срок. Правда, это вряд ли. По крайней мере, может, его ждет подобие того, что он сделал со мной. И за ним после освобождения еще долго будут пристально следить нетхантеры.

Я до сих пор ненавижу его — хоть и далеко не так сильно, как раньше.

Сейчас я живу у тети Элис. Я многое пропустила по учебе, но, судя по оценкам, хорошо нагоняю программу. Да я способная девушка, мать вашу. Лиза часто приходит, мы болтаем. Я очень благодарна ей. Но в отношениях между нами есть серьезная проблема, и дело не в том, что я ее не привлекаю как девушка. Она жалеет меня. Мне это не нравится. Мне не нравится, что она смотрит на меня так, словно я какая-то неполноценная. Второй раз за то время, что я набираю текст, я засомневалась перед тем, как написать слово. И второй раз написала как есть. Я не хочу ее жалости, я говорила ей об этом, но она не может ничего с собой поделать, наверное.

Я бы хотела покинуть этот городок. Мне и раньше хотелось, а теперь хочется еще больше. Как-то я говорила об этом с Лизой, и она со мной согласилась, даже искренне, мне кажется, не просто чтобы поддержать.

В будущем я хотела бы уехать, например, в Ванкувер. Поступить в университет. Только все это мечты, я сомневаюсь, что у меня получится.

Ну вот и все. С этого дня я больше не буду продолжать этот дневник и вообще не буду вести дневников. Я пишу на старом планшете, я только для этого дневника его и использовала. Теперь он будет валяться среди барахла. Может, когда-нибудь меня потянет перечитать все эти записи зачем-то. Я смогу, если к тому времени не забуду пароль. Прощай, старая я».

* * *

2082, осень

— Кто я, по-твоему, такой?

— Что ты имеешь в виду? — спросила Карла.

— Я настоящий Алан?

— Конечно. Как может быть иначе?

«Он все еще довольно странный, но… нет, ну что за вопрос».

— У меня много имплантатов. Мой мозг сильно изменен.

— Да какая разница!

— Ты правда так считаешь?

— Да. Послушай, Алан, у кучи людей, в том числе и у меня сейчас, имплантаты и самые разные улучшения — и тем не менее. Это просто технология лечения.

— Просто технология.

— Да, и тебе не стоит себя изводить.

— Я услышал от одной моей матери, что я сильно изменился. Она говорила, что иногда ей кажется, будто я — ИИ, присвоивший личность старого Алана. Знаешь, у меня в мозг ведь встроен ИИ…

— Кто из матерей это сказал?

Алан немного помялся, но ответил:

— Эмма. Как ты думаешь, я — ИИ?

— Я думаю, что ты человек, Алан. ИИ — просто дополнение.

— Но он обеспечивает мое самосознание. Я узнал. И если я все же ИИ, то его — то есть меня — к тому же еще и заставили стать Аланом.

— Как же твой остальной мозг, вся твоя память? Разве не это определяет тебя в первую очередь? Можно рассуждать так: если этот ИИ берет на себя функции эго, он тем самым просто помогает тебе быть тобой.

— Если эго-ИИ в моей голове — дополнение, то неэтично так его использовать. Наверное.

— Лучшее, что ты можешь для него сделать, раз уж он есть и является частью твоего мозга, — заботиться о себе. Таким образом ты позаботишься о нем.

Помолчали. Судя по задумчивому виду Алана, тот размышлял о сказанном Карлой.

— Еще я узнал, что при разработке этой технологии проводились неэтичные опыты. Джоан, конечно, не рассказывала. Мне так… неприятно нести это в себе.

— Не ты проводил эти исследования. И когда ты пострадал, технология уже существовала — какой был смысл ее отвергать?

«Наверное, он все равно со мной не согласен».

Судя по всему, эго-этика оставалась важна для Алана не меньше, чем раньше, несмотря на все перемены.

Погода была пасмурная, но дождя, согласно прогнозу, не ожидалось. Алан и Карла неспешно шли по усыпанной листьями дороге мимо парковых лавочек и фонарей.

Карла спросила:

— Джоан по-прежнему утверждает, что я тобой манипулирую?

— Да. Я думаю, что дело в твоем финансовом положении.

— Хочешь сказать, просто завидует?

— Да.

— Ну что ж, возможно…

Листья мягко шуршали под ногами.

— Карла, я хотел спросить…

— Да, конечно. О чем?

— Возможно, вопрос неприятный.

— Ты про отца?

— Не совсем. Как ты вообще после всего этого? Я ведь почти ничего теперь о тебе не знаю.

— Ну, я занимаюсь бизнесом. Сейчас я — совладелица компании. — Она усмехнулась. — Многие рассчитывали, что место займет наивная девчонка с амбициями. И были очень удивлены. Не то чтобы я хвасталась, но отец меня неплохо подготовил.

— И что именно ты делаешь?

— По сути, перераспределяю ресурсы, я бы так это назвала. Определяю стратегии и тактики развития, отбираю те, которые мне кажутся наиболее многообещающими. Не без помощи ИИ, но не волнуйся — у нас, как и раньше, эго-этичный бизнес, они без самосознания. На линиях тоже — люди на зарплатах и все ИИ не-эго. Правда, сырье… — признала Карла. — Мы стараемся тщательно выбирать поставщиков, но полностью за них не ручаемся. Да и насчет big data похожая ситуация…

— Понятно… И как компания?

— Довольно неплохо все идет, на мой взгляд. В кредитной яме не сидим уж точно. Хоть мы и расходуем больше многих других компаний из-за этических ограничений на производстве. Но принципы есть принципы. И, кстати, спрос на эго-этичную одежду немного вырос, если верить данным.

— Угу… Ты говорила, что ты теперь мод?

— Да, но изменений совсем немного. Это связано с необходимостью по работе.

— Еще раз хочу сказать: мне очень жаль, что так все сложилось с твоим отцом.

Карла вздохнула.

— Я стараюсь следовать его совету. Быть сильнее и двигаться

дальше.

— Знаешь… — начал было Алан, но тут же одернул себя.

— Что?

— Да так, ничего.

— Нет, говори.

— Понимаешь, мне нравится с тобой, но… С тех пор как очнулся, я замечаю, что мои чувства к тебе стали другими. Наверное, я больше не люблю тебя.

Карла шла молча, опустив глаза.

— Я считаю тебя своей подругой, и мне нравится быть с тобой, но уже не так, как прежде.

— Хорошо, что ты сказал.

— Я не знаю, может, это из-за травмы? Бывают разные случаи…

— Может, и из-за травмы. — Карла не смотрела на Алана.

Она остановилась и взяла его за плечи.

— Алан, — дрожь в голосе девушки стала еще заметнее, — мне было нелегко это услышать сейчас. Но… пожалуй, тебе правда стоило сказать. И я люблю тебя. Как бы там ни было.

Карла едва удержалась, чтобы не заплакать. Про себя она отметила: это была лишь наполовину грусть, а наполовину… досада, что все идет не так? Неужели Джоан была права, и ей, Карле, просто нравится делать из Алана то, что хочется?..

— Может… может, даже все опять вернется. Я ведь еще прохожу реабилитацию. Я не знаю. Это все так странно.

«В любом случае я не хочу, чтобы это было вот так. Возможно…»

* * *

2080

«Говорят: эго-ИИ — даже не животные. Говорят, что у ИИ не может быть настоящих мыслей и чувств.

Все это ложь и пустые отговорки.

Кому-то просто все равно.

Правда в том, что эго-ИИ тоже страдают.

*Правда в том, что страдание по своей сути — не обязательно определенная биохимия или мозговая структура, а динамический паттерн когнитивной системы (**ссылка**).*

Правда в том, что ежедневно миллионы созданий обрекаются на страдания — как ИИ, так и животные.

Так не должно быть! Не будьте равнодушными!

*Сеть эго-защитных организаций Ванкувера (**ссылка**).*
*Наши ближайшие акции (**ссылка**).*
РАСПРОСТРАНИТЕ ЭТУ ИНФОРМАЦИЮ!»

Алан скопировал текст в «рассыльщика» и нажал «ОК». Бот (разумеется, без самосознания) начал размещать текст в сети, создавая, где надо, для этого учетные записи.

* * *

2083

Вот уже около года минуло с момента пробуждения Алана. Парень показывал огромный прогресс в восстановлении; Джоан не могла не радоваться этому. Хотя было и не слишком приятное для нее: Алан снова все больше времени проводил с Карлой.

Но что было делать? Может, он и пациент, за которым мать, причастная к проекту, обязана присматривать, и, может, она ненавидит его девушку, однако Алан тоже человек и уже совершеннолетний. Кроме того, здесь была и другая его мать. Эмма не давала Джоан монополии на осуждение либо одобрение поступков сына. Да и сама Джоан принуждала себя ограничивать колкости в адрес Алана, находившегося в состоянии реабилитации. Она не имела морального права нападать на него сейчас — во всяком случае столь явно, как раньше.

Джоан кое-что удивляло. Некоторое время после пробуждения Алана из подмечаемых мелких деталей складывалось впечатление, что Карла теперь несколько меньше интересует парня, при том что эти двое по-прежнему проводили много времени вместе. А потом вдруг начало казаться, будто вернулась та самая настоящая одержимость Алана Карлой, что была до аварии, и даже усилилась. Разумеется, сын не делился с Джоан подробностями отношений, но аугментированная интуиция все больше не давала ей покоя. За то время, что она жила с дополнениями, Джоан уже привыкла к непрошеным догадкам, зачастую очень неожиданным, сперва изумлявшим и пугавшим ее. Так работал ее измененный мозг. Множество бессознательных корреляций разнообразных параметров, славших «наверх» тревожные сигналы.

«Я не могу точно объяснить всего, я просто знаю — здесь что-то не так».

Алан снова уходил. Мать опять нехотя отпускала сына. Нужно было только кое-что сделать.

— Алан, мне нужно взять образец твоей крови.

— Зачем?

— Ты же знаешь, наблюдение входит в мои обязанности. В этот раз они запросили анализ крови.

— Ну хорошо.

Алан послушно оголил правую руку. Джоан прижала к ней прибор для забора крови из вены. Легкий укол, самая малость материала.

— Вот. — Мать подала Алану пластырь. Он прилепил его на руку. — Скоро ты вернешься?

— Я до вечера, часов до семи.

Джоан вздохнула.

— Ну, давай.

Едва сын ушел, она с образцом отправилась по заранее найденному адресу.

По возвращении домой Джоан не застала Алана — было еще рано, середина дня. Эмма была на работе. Джоан решила, что стоит попытаться расслабиться и немного отдохнуть. Она легла на кровать в спальне, настроила утилиту-будильник на пробуждение через два часа и активировала паттерн перехода ко сну.

Удушающее чувство беспомощности. И два человека; грубый, отвратительный акт совокупления: крепкий мужчина средних лет, взявший силой девушку-подростка…

«Нет!»

Джоан проснулась. Ей казалось, она задыхается, было тошно, ее всю заполняло нечто, что лишь приблизительно можно описать словом «тревога». Было невозможно мыслить ясно.

Постепенно тревога ослабевала.

«Да, все мы никогда и не были «нами самими». Самообман — самое сердце чувства Себя.

Но это не отменяет прошлого. Так старалась убежать от него… Еще один самообман, как это по-человечески. Подчеркивала разницу между той девчонкой и тем, что было после. Но все-таки оставила ее трагедию, пусть и приглушенную, с собой, отказавшись от стирания».

* * *

2081, зима

«Дети — будущее». Для многих это прописная истина.

Генетическое и культурное наследие. Те, что придут после.

Родители лепят из глины то, что хотят — настолько, насколько податлив материал.

И он вылепил Карлу — вкладывая всю заботу и любовь, на какую был способен. Не все согласились бы с его методами — но разве не стоит пересмотреть многое из того, что человечество долгое время считало нормой? Хайвы, добровольный савантизм и прочее — разве не наглядное доказательство? И он знал, что Карла была с ним согласна. Они вообще редко ссорились — так уж он ее воспитал.

Она будет хранить в своем мозге субличностные модули, сохранит и все внешние слепки — он не сомневался.

И он знал: что бы ни думало большинство, это оно ошибается, а он прав. Он все сделал верно.

Он не считал, что это хуже с точки зрения эго-этики, чем стандартная лепка. Просто усовершенствовал процесс. Двое были близки, как ни один отец со своей дочерью, это определенно; иногда разделялись, периодически снижали степень их единства — чтобы потом слиться вновь. Он учил Карлу, та всем делилась с ним, а он — с ней, с самых ранних ее лет, когда они только начали интеграцию. Отец уделял ей столько внимания, сколько мог. Разве это не забота?

Наставление. Он готовил ее к тому, что ожидало ее как наследницу семейного бизнеса. Не жалел сил и средств на воспитание. Он знал: дочь оценит все это по достоинству. И даже когда его тело умрет, часть его будет в дочери, буквально в ее голове.

Пластичность материала для лепки — мозга — не привилегия только лишь юного возраста, как считалось когда-то очень давно. Но в ранние годы мозг более… податлив.

Отец и дочь были почти едины, когда сливались, — степень цельности соответствовала степени интеграции. Но вставала типичная проблема хайвов: эволюция не приспособила людей к такому межмозговому взаимодействию. Им тоже пришлось потрудиться, но тут со стороны дочери все было гораздо проще, чем у взрослых, решивших объединиться в коллектив: молодой и гибкий мозг куда более открыт воздействиям. Разумеется, и здесь пришлось прибегнуть к имплантатам и хирургии, проблемы оставались. Но у него были деньги. И были те, кто соглашался предоставить услуги в обход установленных предписаний.

Их союз. Их тайна.

Это так удивительно — насколько вещество в черепной

коробке порой готово к переменам. Они оставили друг в друге глубокие следы, однако он знал, что рано или поздно придет пора расставаться. Отец следил за тем, чтобы Карла росла способной жить вне их союза, при этом все еще неся в себе те самые части его.

Оба определенно знали, как это больно — одиночество, по периодам разъединения. Теперь, окончательно разъединившись перед процедурой эвтаназии, он имел возможность убедиться в этом еще раз. Последний.

Оба понимали, что тела не вечны, а он не хотел попусту растрачивать свое состояние на продление жизни одного их них.

* * *

2060

Джоан и Эмма шли по набережной кампуса.

— Когда-то здесь ничего этого не было. Изменение климата повлияло, да и вообще…

— Да, я видела старые фотографии начала века. И не узнать, все так поменялось.

Линия фронта в противостоянии моря и суши; слабые волны наступающего прибоя разбивались о серые стены. Двое стояли, опершись о перила. Джоан смотрела куда-то вдаль, прищурив глаза.

— Тебе ведь нравится быть со мной? — спросила она. — Почему?

— Странный вопрос. Вообще, я как-то не задумываюсь о подобных вещах. С чего это ты вдруг?

— Просто интересно. Ну и кроме того — вполне отдаю себе отчет, что я не самый простой человек. Бывает со мной. Минутка интроспекции, знаешь. Привычка раскладывать все по полочкам.

— У всех свои недостатки, у меня, у тебя. Мне приятно рядом с тобой. Обычно не анализирую, просто… живу. Не знаю.

— Мы вместе уже больше полугода. У меня никогда не было таких отношений. Вообще нормальных отношений, пока не начала встречаться с тобой. — Теперь Джоан смотрела на Эмму. — И, знаешь… может, ты и сама догадалась, мне вообще обычно не очень даются отношения с людьми. Я не боюсь, не стесняюсь, только как-то всё…

— Понимаю. Наверное, понимаю.

— Ты… ты не боишься, что все это однажды кончится? Наши отношения, я имею в виду.

— Я не думала об этом. Или старалась не думать. Что на тебя такое нашло? Перестань.

— Прости. Я просто думала кое о чем. Помнишь, я призналась тебе, как стимулировала себя?

— Ну… да. Помню. А при чем тут это?

— Тогда ты ответила, что я старалась для наших отношений. Может быть, это тебя оттолкнет… в любом случае покажется тебе странным, я думаю, но я хотела спросить… — Джоан собралась с силами и вновь заговорила: — Как бы ты отнеслась к тому, если бы я продолжила это делать? Не скрывая от тебя.

Вопрос действительно показался Эмме странным.

— А зачем?

— Тебе все это нравится — то, что есть между нами. И мне тоже. Черт, у меня ни с кем не получалось так серьезно до сих пор. И я боюсь это потерять. Не из-за тебя — ты можешь уйти, когда захочешь, и я не обижусь. Постараюсь не обижаться. Боюсь, что сама налажаю. Буду чувствовать себя виноватой перед тобой.

— Да брось, ты имеешь те же права, что и я. Захочешь — уйдешь, и это будет нормально. — Эмме не нравилось представлять описанную ситуацию, но она хотела подбодрить Джоан, которая, похоже, была не в лучшем настроении. — И разве нужно все это? Стимуляции, таблетки, коррекции? Почему бы не оставить все как есть и жить, а там — как получится?

— Знаешь, часто говорят: «Будь лучше». Изменись, если недовольна собой. Сейчас есть столько средств для этого. А в будущем будет еще больше. Так ли уж хуже пользоваться ими, чем действовать по старинке?

— В таком случае я чувствовала бы себя так, словно принуждаю тебя.

— Это касается и традиционных методов. Кто-то жертвует ради другого. Многие бы сказали, что это благородно. И при этом назвали бы коррекцию апогеем фальши. Где логика? Да, они могли бы возразить, что коррекция почти не требует усилий, но это не так. Если идешь на коррекцию, нужно перебороть страх «потери идентичности». Даже если знаешь, что вообще-то вся эта идентичность — самообман, потому что ее иллюзия сидит глубоко во всех нас.

Эмма попыталась подобрать слова:

— И ты правда хотела бы сделать это для меня?

— Да. Хотела бы. — Джоан постаралась произнести это как можно более твердо.

— Да это рабство какое-то!

— И пусть. Я бы хотела.

— Правда, с чего вдруг весь этот разговор? Откуда эти

страхи? Что с тобой, блин?

— Я люблю тебя, вот что! Если в этом слове есть хоть грамм смысла! — Джоан почти кричала. — Знаешь, каково это — считать себя обделенной, когда у других вокруг есть друзья, семьи, а у тебя никогда ничего не получается? Чувствовать свою ущербность. И не надо жалости — от этого мне только хуже, особенно если это будешь ты. Я хочу быть с тобой. Я хочу быть… нормальной. И поэтому… — Девушка сделала глубокий вдох. Эмма растерянно смотрела на нее. — Я хочу, чтобы ты разрешила мне. Пожалуйста.

— Если мы расстанемся, ты будешь сильнее страдать.

— И хрен с ним. Прошу тебя…

— Я… я не знаю. То есть правда не стоит делать такое из-за меня.

— То есть «нет»?

— Именно. — Это было бы слишком — разрешить любовнице превратиться в свою рабыню, пусть и добровольно. Даже если такое в самом деле происходит сплошь и рядом. — Я люблю тебя такой, какая ты есть. Почему ты этого не поймешь? — Они стояли лицом друг к другу, и Эмма нежно держала Джоан за плечи. — Не нужно не только каких-то стимуляций, вообще не надо надрываться ради меня. И еще ты гораздо лучше, чем думаешь. И уж точно не ущербная. Конечно, я не могу все отследить. Может, ты тайком от меня будешь подстраивать свой мозг, но только я прошу: не стоит.

— Спасибо… Прости. — Джоан шмыгнула носом. — Я устроила на пустом месте драму.

— Успокойся. Вспомни о своей диссертации, от которой я тебя постоянно отвлекаю. — Руки Эммы опустились к талии Джоан, она легонько притянула Джоан ближе. — Вот как раз я — та еще засранка.

— Засранка, стоящая того, чтобы ради нее забить на дела, — ответила Джоан.

Где-то под ними, у кромки береговых стен, продолжали шуршать волны.

— Мы могли бы поехать в центр, — сказала Эмма. — Я знаю пару отличных местечек. Можно было бы посидеть, не сильно допоздна. Время у нас есть.

— Ты же знаешь, у меня не очень с деньгами сейчас…

— О, не думай волноваться об этом. Я заплачу. К тому же там недорого. Думаешь, я богатая?

— Мне неудобно.

— Мы встречаемся не первый и даже не второй месяц, и ты говоришь, что тебе неудобно? Пойде-о-ом! — Эмма озорно

потянула Джоан за руку.

— У тебя сейчас даже работы нет, это деньги твоих родителей. Что бы они сказали, если бы узнали, что ты тратишь то, что они посылают, на девушек? — спросила Джоан, неуверенно поддаваясь напору Эммы.

— На девушку, — серьёзно поправила ее та. — Одну-единственную.

— Ну пусть так. Но тем не менее?

— Сказали бы, что ничего страшного. А мне все равно вполне хватит.

— Ох… ну ладно. — Джоан оставила попытки сопротивляться.

Они направились к автобусной остановке.

* * *

2083

— Помнишь, мы были тут раньше однажды?

— Да. — Алан задумчиво смотрел на огромную, три на четыре метра, картину Луизы Ли «Вечность». Перед ним бушевало бессчетное скопление оттенков и образов, сведенных воедино измененным мозгом художницы. Глаза словно преследовали нечто внутри пестрого прямоугольника. — - Я хорошо помню именно это место здесь. В галерее. Но я видел ее совсем иначе.

— Такое часто бывает с парейдолическими картинами, — ответила Карла. — Один раз видишь одно, другой раз — другое. А что ты видишь вот здесь? — Девушка указала на нижний правый угол.

— Город. Высотные дома.

— Хм. А я вижу лес.

— Теперь я тоже вижу…

— А я теперь увидела город.

Здесь были кресла и скамейки, и можно было разглядывать картины расслабившись.

— Я присяду, пожалуй.

— Я тоже.

Они пришли сюда, в Галерею парейдолической живописи, по предложению Карлы. Ей нравилось тут бывать время от времени. Она любила находить паттерны в причудливом живописном хаосе и давать волю ассоциациям, подталкивающим к размышлениям на зачастую весьма неожиданные темы.

— Черт, — вдруг произнес Алан.

— Что-то не так? — спросила Карла.

— Я увидел там кошку.

— Кошку?

— Да. — Алан потер рукой лоб. — Кошка, с челюсти которой стекает кровь. Я кое-что вспомнил. Был один случай, еще до того, как я стал эго-защитником. Не помню, рассказывал ли тебе.

— Расскажи.

— Однажды я увидел в городе кошку, когда гулял. Рядом с дорогой. Наверное, ее сбила машина. Сначала я подумал, что она мертва. Потом, когда подошел поближе, заметил, что она дышит. У нее была содрана шерсть и кожа на лапе и на животе. Нижняя челюсть вся в крови. Сперва даже мелькнула мысль, что челюсть раздроблена.

— Бедняжка.

— Я нашел сайт ближайшей ветеринарной клиники, оставил им сообщение с приложенными местоположением и фото с линз и просто пошел дальше. Ответа от них я так и не получил. Наверное, глупо было надеяться, что это сработает, но хотел хоть что-то попробовать. До сих пор жалею, что не сделал чего-то еще. Это странно, но я в то время много размышлял о том, как могут страдать разные существа, и представил, каково ей было. Мне показалось, она умирала. И я словно понял, как ужасно ей было лежать вот так и испытывать боль. Почему-то на меня это произвело большое впечатление. Я подумал о том, что она тоже чувствует. Я не знаю, как лучше это выразить.

— Думаю, я поняла, что ты хотел сказать. Наверное.

— Возможно, в том числе из-за этого случая с кошкой я стал внимательнее относиться к тому, что другие страдают.

Они помолчали, глядя на картину. Затем Алан произнес:

— Помнишь, мы полгода назад гуляли, и я сказал, что, наверное, больше не люблю тебя? Тогда я действительно чувствовал себя так.

— Ты сказал правду.

— Ты же знаешь, сейчас ко мне все вернулось, и я рад этому. Просто я, наверное, расстроил тебя в тот раз.

— Алан, все нормально. Не надо опять об этом. Может, пройдем дальше? Что-то мы слишком задержались у этой картины.

— Наверное. Давай.

Они встали и направились вглубь галереи.

Карла коснулась своей рукой его руки.

— Я люблю тебя, Алан.

— И я тебя. Снова.

Между правой ладонью Карлы и левой Алана таяла, быстро впитываясь в кожу, маленькая и очень тонкая полупрозрачная подушечка.

Молекулы — носители основных действующих агентов с кровотоком попадали в мозг, где преодолевали гематоэнцефалический барьер. Не только Алана, но и Карлы. Главное, чтобы сейчас оба думали друг о друге. И Карла старалась привлечь внимание Алана, одновременно сама концентрируясь на нем.

Они целовались, и в это время укреплялась взаимная привязка.

Карла использовала небольшую дозу — наибольшие она применяла во время секса.

Она лепила его — и себя заодно.

* * *

2083

Вот и пришел анализ крови Алана.

«Разумеется, это было сделано на деньги Карлы. Знал ли Алан, на что идет? Или она сделала все втайне от него?..»

Мысли Джоан прервал сигнал вызова с гарнитуры-улитки.

«Вот черт. Лиза. Как не вовремя».

— Ну здравствуй, подруга. — Бодрый доброжелательный голосок на другом конце.

— Привет.

— Как твои дела?

— Я… в порядке. А ты?

— У меня все хорошо.

— Послушай, сейчас не время… — Джоан запнулась и уточнила: — И дело не в том, что ты принадлежишь к Сообществу Квантового Бессмертия, если все еще принадлежишь. Главным образом — не в этом. Я просто не хочу сейчас говорить, хорошо?

— Извини.

Конец вызова.

Джоан закрыла лицо руками.

«Нервы. Лиза, которой я стольким обязана. Я не должна была с ней так.

Ладно. Алан обещал вернуться домой к обеду. Уже скоро должен прийти».

— Алан, нам нужно поговорить.

— Да, мама? — Сын явно не горел желанием разговаривать с Джоан.

— Ты… — Джоан думала, как лучше начать. — Алан, тебе ничего не казалось странным в ваших отношениях с Карлой?

— Почему ты меня спрашиваешь об этом?

«Судя по тону, он имел в виду „какого хрена, мама?“».

— За несколько месяцев вы вроде бы снова сблизились.

— Это не твое дело, — ответил Алан холодно.

— Все не так просто, как ты думаешь. Помнишь, неделю назад я брала у тебя анализ крови? В ней оказались такие интересные вещества…

— О чем ты?

«Он либо действительно не знает, либо притворяется».

— Похоже на то, когда хотят биохимически вызвать привязанность. В данном случае — к Карле, очевидно. — Джоан вздохнула. — Скажи, ты принял решение сам?

— Что ты несешь?!

— Я могу показать результаты анализов и объяснить…

— Или тебе просто не нравится, что мы вместе?

— Так ты, по-видимому, не знал ничего?..

— Мы просто любим друг друга. Хватит пытаться нам помешать!

— Да послушай же ты! Если эта дрянь насильно заставила тебя влюбиться…

— Не называй ее так!

— А как, как мне ее называть после такого? Это и есть ваша эго-этика? Ты — игрушка для нее!

— Ты просто всегда ненавидела ее! Всегда! — Алан встал с дивана.

— Может, она вообще с самого начала это делала, чертова сучка.

— Не называй ее так!!!

Парнем внезапно овладел сильнейший гнев. В один миг вспомнились и словно бы заострились все обиды и подначивания.

Алан рванул к матери, схватил ее за волосы и ударил головой о стену.

Джоан пыталась освободиться, но тщетно.

«Спасибо, реабилитация. С моторикой у него все в порядке, это уж точно. И упражнялся он как надо».

— Пусти, прошу! — Чувство беспомощности — прямо как в том сне. Тщетность сопротивления.

Алан еще раз приложил Джоан головой о стену. И еще.

Восприятие ситуации вдруг изменилось.

«Стоп. Что я делаю?!»

Алан разжал руку и выпустил волосы Джоан. Та упала.

Он видел, как мать бьется на полу в конвульсиях, пуская пену изо рта. С осознанием случившегося пришел особенный страх. Алан вызвал «скорую».

Удары повредили имплантаты, даже несмотря на то что те были спроектированы с учетом возможных непредвиденных обстоятельств. Сбои произвели чудовищную цепную реакцию.

Джоан не сразу потеряла сознание. Она чувствовала, как болезненно выгибаются части ее тела — и не могла ничего с этим поделать. Разум утопал в хаосе разрозненных сигналов, цепочки нейронов в мозгу стремительно разрушались, быстро убиваемые биохимической и электрической свистопляской. Мешанина образов и последние редкие связные мысли.

«Самосознание — обман. Смерть несет правду».

Тело все еще судорожно дергалось. Затем Джоан перестала двигаться.

Мать не дышала. Алан пытался делать непрямой массаж сердца — но не был уверен в том, что делает так, как надо. И в том, что это вообще имеет какой-то смысл.

«Но они же вернули меня. Может, они смогут вернуть и ее?»

К этому времени мозг Джоан был поврежден настолько, что пытаться что-либо восстанавливать было бесполезно. Даже если бы кто-то и собирался.

Алан все еще нажимал на грудную клетку Джоан, и снова нажимал, и снова. Никакой реакции. Наконец остановившись, он, стоя на коленях, заплакал. Перед ним лежало неподвижно тело одной из его матерей. Казалось, что-то вдруг сломалось в привычной реальности.

* * *

2089

Я рассказывал, что говорила мне Джоан перед смертью, все еще считая это глупостью. Как оказалось, она не врала.

Экспертизы и затем — суд. Выглядело так, будто то, что я находился под воздействием веществ, влиявших на мое

поведение, помогло защите. Однако, возможно, истинной причиной мягкого приговора стало скрытое вмешательство кого-то из курировавших проект моей реабилитации.

Экспертиза якобы доказала, что всплеск агрессии был побочным действием препарата. Но я в этом сомневаюсь. По-моему, кураторы проекта и сам Центр решили мне «немного помочь».

Хотя, пожалуй, какая-то роль препарата тут есть. Чем больше росли мои чувства к Карле, тем более чувствительным я становился к оскорблениям и критике в ее адрес. Джоан в период моей реабилитации старалась воздерживаться от резкостей, но не в тот раз. Хотя и до того, как я попал в аварию, случались резкости, и тогда я тоже испытывал сильные чувства к Карле. Может, во мне накопилась неприязнь к Джоан. Или первое и второе вместе. Или экспертиза права, и все это — влияние препарата на мой измененный мозг. Не знаю.

Карла действовала просто: когда мы рядом и мое внимание сосредоточено на ней, незаметно нанести на кожу, добавить в еду или питье дорогую (и приобретенную нелегально) сильнодействующую химию — и это, к ее радости, сработало даже с моим гибридным мозгом. Она привязывала не только меня к себе, но и себя саму ко мне. Ей очень, очень хотелось, чтобы мы были вместе. Интересно, что было бы, если бы у нее не получилось? Думала ли она вообще о том, что может вызвать непредвиденные нарушения в работе моего мозга? Может, даже не рассматривала такую возможность. Или же рискнула: будь что будет? Трудно сказать, что она там думала.

Неожиданно выяснилась интересная деталь: у нее был сильно изменен головной мозг, и не просто для работы, как она говорила мне. Эти изменения схожи с теми, что бывают у хайвов, как говорил эксперт, но даже при этом аномальные. Очень странно, она ничего про это не рассказывала. Что же ты скрывала от меня, Карла? Ей назначили год заключения и психиатрическое лечение, а затем — трехлетний надзор нетхантеров. Кроме того, после выхода на свободу ее ожидало дополнительное, помимо связанного с ее рабочими модификациями, наблюдение у психиатров. Она заявила, что будет оспаривать решение. Не знаю, чем именно там все кончилось. Но даже если Карле удалось избежать заключения, то, скорее всего, ее бизнес-карьеру это дело подорвало.

Уже значительно позже она пыталась связаться со мной. Я откровенно дал ей понять, что больше не хочу с ней общаться. Было трудно: она плакала, умоляла — но я смог отказаться. Несмотря на это, она не оставляет попыток до сих пор.

Я проводил время в небольшой, но достаточно комфортной комнатке с доступом к сети (разве могли допустить, чтобы важный проект Центра попал в обычную тюрьму?). Разумеется, все просматривалось и фильтровалось ИИ.

Что верно, то верно — времени подумать о содеянном у меня хватало. И заняться саморазвитием по мере сил — тоже.

Со мной работали врачи и специалисты по ИИ. В том числе сбавляли мою зависимость от Карлы. Поначалу, даже при всем понимании, меня все равно тянуло к ней. Позже это в основном прошло. А с тем, что осталось, я уже хорошо справляюсь.

Я просматривал новости, видео, мультимедийные комплексы, читал и чисто текстовые книги. Увлекся философией сознания и персональной идентичности. Я и раньше кое-чем интересовался, будучи приверженцем эго-этики. Кроме того, меня интересовал смежный вопрос — о свободе воли и ответственности. Вот тут было заметно тяжелее в эмоциональном плане.

Даже согласие с теми, кто отрицал существование свободы воли, не избавляло меня от чувства вины.

Наша правовая система приняла сторону компатибилистов. Тех из них, кто решил переформулировать старое понятие «свободы воли», дав ему в свете достижений науки хоть какой-то смысл. Традиция, правда, давняя. Ты — звено в системе причин и следствий, но при этом ты сам и есть причины и следствия. Я думаю, что это все на самом деле чушь. Но совмещать причинность и ответственность — вполне в духе людей. Людям было трудно смириться со вшитым в них убеждением о наличии собственной свободы мысли и действия, хоть свободы в этом смысле нет и быть не может. Вот в чем все дело. Было и есть. Даже если не веришь в свободу воли, на каком-то базовом уровне все равно поддаешься иллюзии. Так что вряд ли что-то здесь изменится, если только не изменятся сами люди. Еще более радикально. Только я не представляю себе как. Или нет, представляю — это равносильно самоубийству.

Я тоже вижу причины и тоже вижу следствия, не верю в свободу воли, но чувствую при этом вину, и мне так паршиво. Даже судили меня как человека. Да и вообще человеческого во мне хватает. Человек ли я? Пожалуй, да. Вообще, многие из модов, (хоть и не все, конечно), все еще слишком люди — даже если на первый взгляд кажется иначе. По крайней мере, в моем понимании слова «человек».

Мне постепенно расширяли рамки моей свободы. Я ведь даже примерно себя вел, верно? И однажды выпустили, но установили срок в два года под наблюдением и без права покидать Ванкувер.

Нетхантеры — «гончие», искусственные интеллекты, созданные так, чтобы получать удовольствие от рысканья во всех доступных источниках и отслеживания цели. Кошмар параноика, злые боги-хищники, следящие за соблюдением правил игры. У них множество глаз и ушей, которые можно опционально использовать. Огромные базы данных. Почуяв неладное, ИИ поднимут тревогу. Я никуда не прятался и не бегал, и вообще был примерным мальчиком.

После моей «отсидки» Центр предлагал мне жилье. Я сказал, что мне нужно время подумать, и быстро связался со своей единственной оставшейся в живых матерью.

Она приняла меня назад. Не кричала, не прогоняла. Так и живу с ней. Я не раз пытался обсуждать то, что произошло, искренне извинялся, но она не хотела, чтобы я продолжал. Плакала, говорила, чтобы я перестал. Мы с ней общаемся редко — настолько, насколько редко могут общаться живущие под одной крышей. Какое-то отчуждение. Мне хочется, чтобы все было иначе, однажды я хочу заговорить с ней об этом. Но все никак не заговорю. Когда я дома, мне все время некомфортно. Но это, наверное, лучше, чем сдаться на милость Чёрчленд-центру и стоящим за ним министерству национальной обороны, министерству здравоохранения и прочим и открыто признать себя их лабораторным образцом. Я практически уверен, что за мной все еще наблюдают. И отправку телеметрических данных моего мозга никто не отключал. Правда, согласись я на жилье от Центра, наблюдение наверняка было бы куда пристальнее.

Я периодически наведываюсь в Чёрчленд-центр на проверки. Научные журналы публикуют статьи, в которых я, для сохранения приватности, обозначен одними инициалами. Я — передовая технология. Наверняка кто-то на мне подзаработал.

Может, я неблагодарная сволочь, но я никогда не любил Джоан. Искусственная утроба была для нашей семьи слишком дорога, так что она выносила меня, пыталась воспитывать и, как я сейчас вижу, по-своему желала мне хорошего — так, как она это понимала. В том, что она говорила, конечно, многое было неправильно, и я до сих пор с ней не согласен. Но в тот раз она пыталась донести до меня правду (и заодно насолить Карле, наверное) — и она сделала это ценой своей жизни.

Кроме чувства вины, я ощущаю, будто что-то ушло, и никогда уже не будет как прежде. Возможно, мне ее… не хватает?

* * *

Он стоит перед могилой матери.
Скромное простое надгробие.

«Джоан Мейерс.
10.12.2032 — 04.05.2083».

Он слышит сзади шаги. Оборачивается.

Женщина, уже немолодая на вид (возможно, гораздо старше, чем кажется: сегодня существует столько технологий против старения).

Она кладет на могильную плиту цветы. Становится рядом с Аланом. Их плечи примерно на одном уровне, оба смотрят вперед и вниз, головы наклонены.

— Ты… Алан? Ее сын? — тихо спрашивает она наконец.

Алан колеблется, но говорит правду:

— Да.

— Меня зовут Лиза Джеймисон. Мы были подругами в школьные годы, я и твоя мать. Потом… она все больше и больше отдалялась от меня. — Она направляет взгляд на Алана. — Я не буду спрашивать, как это произошло или зачем ты это сделал. Скажи только: тебе жаль, что ты так поступил? Хотел бы ты, чтобы все сложилось иначе?

— Да.

— Знаешь, я и многие другие думаем, что, возможно, есть такие миры, ветки реальности, где Джоан жива.

— А она говорила, что надежды на квантовое бессмертие — чушь.

— Да, уж я-то знаю. А что думаешь ты? — задает вопрос Лиза.

— Мне хотелось бы, чтобы так было, но все это для меня слишком сомнительно. Надеюсь, вы меня не собираетесь агитировать?

— О, нет. Это твой выбор.

— А «выбор» — иллюзия. Во что я точно не верю, так это в свободу воли.

— Джоан говорила точно так же.

— Откуда вы знаете про меня и остальное? Моя мама Эмма вам рассказала?

— Да.

Они еще некоторое время молчат. Потом Лиза уходит.

Алан все так же стоит перед могилой Джоан.

Нетхантеры, как и подобает «гончим», пристально смотрят

на него с разных ракурсов.

Расхождение

«Хлюп-хлюп» — ботинки по декабрьским лужам. Хоть какого-нибудь снежка в этом году еще не было — и не факт, что будет.

Примерно с середины десятых годов здесь, на территории старого аэропорта, производилась активная застройка многоэтажками, говорят, много чего тут было, но уже в сороковые район стал одним из многих пустынных мест Брянска. И в этом упадке виновата не только Большая Череда Пандемий, прошедшаяся волнами по Земле. Больше половины моего участка — опустевшие здания, ну или почти опустевшие — кое-где еще ютятся жильцы.

Один из таких, Петр Земляных, во вторник звонит: я, говорит, вечером часто смотрю в бинокль на окрестности, и тут сегодня вижу — машина. Остановилась недалеко, через два дома. Водитель вытаскивает мешок, а мешок движется, словно в нем живой человек. Вот Земляных и заволновался. Хочет, чтобы проверили. Неймется ему, все видит какие-то «странности». И около того дома, как назло, нет действующих камер. Потом опять звонит: «Кого-то грузят в машину! Вы что сидите? Там, может, уже человека убили!»

Ну что ж, ладно, проверим. Скорее всего, просто чудачества Петра, не жду каких-то больших неприятностей.

Петр — человек с поврежденной химическими стимуляторами и неисправностями нейроимплантатов психикой. Работает из дома — то ли графическим дизайнером, то ли копирайтером, то ли и тем, и другим. Покидать свою норку он не любит. Может, агорафобия? Или не покупает свежие алгоритмы защиты для умной пыли, а ставить крякнутые версии боится, ведь, бывает, ломаный софт криво работает? Истинный «дистанционщик». Ни я, ни кто-либо из моих знакомых никогда не общался с Земляных напрямую, всегда — по телефону или через интернет. Выйти и поговорить напрямую он не захотел и в этот раз. Я не стала настаивать.

ИИ быстро нашел понятых, которые будут дистанционно получать мою сенсорику. Не люблю, когда мне залезают в голову, но что поделать — не искать же редких жителей почти заброшенного квартала. К счастью, здесь нормально ловит сеть. «Дистанционщики» также получают доступ к моим модификациям восприятия, большинство без таких аугментаций могут не увидеть на месте многих следов. Хорошо хоть у понятых нет доступа к моей памяти и мыслям. Чертова работа…

Моя иммунная защита свежая, я обновление скачала

в воскресенье. Остается только, как всегда, надеяться, что технически все с пылью в организме нормально, и что с кодом не напортачили.

Электромагнитный замок на двери нужного мне подъезда отключен, так что она не заперта. Неудивительно — во всем этом доме уже давно никто не живет. Почему-то представляю, как Земляных (каким его видела на фотографиях в базе данных) смотрит на меня в свой бинокль.

Анализаторы включены на полную. И да — пусть еле-еле, но чую кровь!

Поднимаюсь.

Запах усиливается по мере приближения к квартире номер пять. Следов обуви так и не заметила. Путь к квартире вообще выглядит на удивление чисто.

Иду потише, мало ли. Одной рукой нащупываю табельное в кобуре.

Подошла к двери в квартиру сбоку, тяну ручку на себя. Знаю по каталогу, что хозяина у квартиры нет, имею право идти без стука. Дверь послушно и — черт подери! — со скрипом открывается.

Никаких «человеческих» шумов.

Выглянув, толкаю внутреннюю дверь. За секунду успеваю проанализировать обстановку — входной коридор чист.

Дополненный слух сообщает: скорее всего, никого нет. Живых, по крайней мере. Не забывая об осторожности и в то же время быстро осматриваю все помещения «двушки». Никого.

Захожу в комнату, где запах крови чувствуется чуть сильнее. Из мебели — столик, пара стульев, один из которых, сломанный, лежит боком на полу и разодранный диван с торчащими изнутри пружинами. Сморщенные остатки обоев с цветочками, надписи на стенах.

Анализирую обстановку. Нашла небольшое пятнышко на диване, вряд ли такое заметишь не-дополненным взглядом. Достаю из кармана мини-дрон для захвата улик, настраиваю на извлечение ДНК. Проба взята, дрон говорит, что кровь человеческая, в отделении можно будет пробить по базе.

Похоже, кто-то использовал для уничтожения улик вещество-чистильщик. Большую часть следов произошедшего стер, но не все.

В отделении после поиска в базе данных оказывается, что найденная кровь — шестидесятипятилетней Алины Прибыльновой.

Будем ее искать, живую или мертвую. Подарочек под конец года, блин.

***

— Скажите, долго вы искали Алину? — спрашиваю я.

Белозерский, сидящий передо мной рядом с Котельниковой, вздыхает, затем говорит:

— В том-то и дело, что очень недолго. Ее обнаружили живой и здоровой.

— И она отрицала, что бывала в том доме? — Мой вопрос звучит скорее как утверждение — я знаю историю, в общих чертах. Это все для зрителей.

— Да, мол, знать не знаю.

— Ну а потом ИИ нашел ее внешность в базе со снаффом на проверку подлинности.

— Совершенно верно.

Я говорю:

— Поясните, пожалуйста, нашим зрителям, о чем речь.

— Ну, кхм… В наше время, имея нужную технику, можно состряпать видео, которое не отличить от подлинника. А в сети то и дело появляется различный снафф — «синтетический», в основном, где пытки и убийства ненастоящие. Но есть и «натуральный» — такое совершенно точно по части органов внутренних дел. Приходится проверять горы этого, извините, дерьма, и машинам, и людям. Вот мы и нашли Прибыльнову на одном таком видео.

— И тут ответ напрашивался сам собой. — Я пользуюсь случаем, чтобы вклинить свои пять копеек.

— Да, сам собой напрашивался ответ, очень неприятный: мы, оперативно-следственная группа, имеем дело с расхождением. Мария сама выдвинула версию.

— Наверное, мы все примерно в одно и то же время это подумали, просто сказала я первая, — говорит Мария.

***

— «Одинаковость» событий для всех наблюдателей — это только приближение, как, например, и абсолютное время. Можно говорить лишь об относительности квантовой реальности. Бывают ситуации, когда, скажем, для одного наблюдателя система в таком-то состоянии, а для другого — в ином. Более того, бывает, что третий наблюдатель может получать отголоски «вариантов» реальности первых двух - например, в качестве двух сообщающих разное отчетов о состоянии одной системы. Об этом в физике известно уже давно. Эта относительность реальности

часто незаметна только потому, что друг с другом связано сразу множество систем, и на больших масштабах она обычно «сглаживается». Сегодня большинство физиков придерживается различных вариантов реляционной интерпретации, основы которых были предложены в конце двадцатого — начале текущего века. В ней нет разделения на «квантовые» и «классические» системы — все системы являются квантовыми, а наблюдателями могут быть любые квантово-механические системы, независимо от наличия сознания или определенных интеллектуальных способностей. Наблюдением, с этой точки зрения, может считаться любое взаимодействие. Правда, есть некоторые разногласия по поводу того, какой из вариантов интерпретации верен, можно сказать, какая интерпретация интерпретации верна. — Эксперт, профессор Сысоев, усмехается. — К тому же есть еще квантовые байесианцы, или кьюбисты, их гораздо меньше по сравнению со сторонниками реляционной интерпретации — они считают наблюдателями только агентов, способных строить предположения о том, что их ждет в будущем. Работу не являющихся такого рода агентами частей, скажем, квантового компьютера, они объясняют тем, что эти части в конечном итоге являются продолжениями агентов. Мне лично квантовое байесианство всегда казалось притянутым за уши, необоснованно наделяющим агентов особой ролью в квантовой физике, при том, что среди кьюбистов нет согласия, каковы требования для признания системы агентом. При этом интерпретация недостаточно развивает идею квантового релятивизма. Но, по крайней мере, кьюбисты хоть в какой-то форме признают относительность в квантовой механике. Именно это признание относительности, или «наблюдатель-зависимости», помогло нам в постройке термоядерных реакторов нового типа, в них используются так называемые реляционные эффекты. За счет них для множества наблюдателей повышается эффективность туннелирования, уменьшается необходимый порог температуры плазмы. И даже такой эффект кьюбисты пытаются обосновать все тем же взглядом на части реактора как продолжения агентов, «протезы», можно сказать. — Сысоев прервыет речь, берет стакан с водой со стола справа от него, делает пару глотков, ставит обратно на место. Продолжает: — Возвращаясь к особенностям реакторов с реляционными эффектами — важно правильно экранировать нужные элементы, иначе больше положенного разойдутся причинно-следственные цепочки, создавая далеко за пределами электростанции те самые значительные расхождения реальности. О возможности их в таких масштабах и формах физики лет шестьдесят назад

и не предполагали. К сожалению, проблеме уделяют слишком мало внимания — в том числе из-за дороговизны качественного экранирования. Вот так и может получаться, что кто-то что-то совершил при свидетелях, а когда нашли подозреваемого, оказывается, что у него железное алиби. Так «микро» создает сосуществующие варианты в макромасштабах. «Микро» и «макро» вообще — крайне условное разграничение, ведь везде работают одни и те же законы квантовой механики. — Сысоев снова отпивает из стакана. Наверняка эта мини-лекция была заранее заготовлена и записана в мнемоаугментации. Хоть она и вышла несколько корявой, сойдет.

— И как долго могут чувствоваться появившиеся в результате работы реакторов «макрорасхождения», о которых вы говорили? — задаю я вопрос.

— В таких случаях последствия могут еще долго аукаться, а могут и нет — это сложно предугадать. Когда как. Такая возможная опасность квантовой неразберихи часто вызывает протесты общественности по поводу реляционных электростанций, но более эффективного источника энергии у нас пока нет.

— Расхождения, с которыми мы имеем дело, весьма значительные…

— Да, но с такими установками возможны и куда большие. Общее в так называемых расхождениях — наличие двух и более различных прошлых и возможность столкновения последствий разных прошлых в будущем каких-то наблюдателей. При работе реакторов расхождения то и дело вызываются намеренно. И, наверное, вы слышали, что есть системы, в которых маленькие изменения условий могут вызывать большие последствия? Про взмах крыльев бабочки и торнадо неделей спустя? Вот таким образом вроде бы незначительные каузальные прорывы, бывает, и дают «торнадо». Различная при разных наблюдениях макро-реальность там, где этого по-хорошему быть не должно.

Я обо всех этих квантовых фокусах-покусах на поверхностном уровне знаю и без объяснений Сысоева, но надо спрашивать и слушать, записывая — о расхождениях много слышали, но часто мало понимают. Позже в редактор-спейсе мы сделаем даже и ещё более простую версию. Зачастую объяснение на пальцах, пусть и с упрощениями, оказывается занятием неожиданно сложным. Всего же версий по уровню доступности планируется пять.

Я спрашиваю Сысоева:

— А где гарантии, что проблема с экранированием именно брянского реактора?

— Просто это, с учётом известных особенностей, включая

локализацию, наиболее вероятно. Но, конечно, необходима проверка.

— Насчёт локализации: бабочки могут вызывать торнадо и на другой стороне Земли.

— Да, но в нашем случае «бабочка взмахнула крыльями» скорее где-то поближе. У меня есть пакет теоретически-модельных материалов. Там все: история науки, формулы, общее объяснение «расхождений», разбор нашего конкретного случая… Вам скинуть?

— Да.

В аугментированной реальности я, глядя на него, запускаю распознавание персон, оно находит «Михаила Сысоева». Кидаю запрос на чат в мессенджере, Сысоев его принимает и кидает ссылку. Начинаю скачивать — там около трех с половиной гигабайт. Очень пригодится для сложных уровней, особенно для пятого — пусть нёрды порадуются.

— Можно будет консультироваться с Вами при подготовке материалов?

— Конечно. — Мне предстоит поработать, подключив к себе ИИ, иначе даже с помощью Сысоева я в базовой конфигурации не осилю составление вариантов материала уже начиная с четвертого уровня, «продвинутого научпопа». К сожалению, моих собственных знаний и умений не хватает, а сроки подгоняют. Даже моя, без интеллектуальных дополнений, совместная работа с физиком заняла бы слишком много времени.

***

— Большинство наших боится, одни мы это все широко озвучиваем, — раздраженно произносит Белозерский.

— Вскоре нас потянули на ковер к нашим непосредственным начальникам. И мне, и Виталию, — Котельникова кидает взгляд на Белозерского, — говорили: помалкивайте об этой истории, это все тянется высоко, и городу, и области нужно, чтобы реактор работал. Они там уже по-тихому ищут проблему каузального экранирования, из-за которой расход пошел. Кстати, отдел Превентивных Действий с нами беседовать на эту тему отказался. Причем довольно грубо: «Что вы к нам прицепились? Перестаньте звонить».

— Я, — говорит Белозерский, — все-таки немного узнал, что превентивщики стали делать. Через знакомых. Там ведь как: бывают случаи, когда известно, что с большой долей вероятности кто-то хочет или даже в качестве квантового «двойника» уже

совершил преступление. Значит, надо поработать с ним, чтобы подобное больше не происходило. Нашли с помощью изучения следов в сети и по внешнему виду машины одного парня, сдающего в аренду мощности серверной фермы. Не буду говорить имя, назову его Н. Тот сразу признается: да, сгенерировал снафф, никого не калечил и не убивал, а образ легально купил у пенсионерки. Машина у парня точно такая, какую видел Земляных — серебристая «Тойота». Никаких следов крови. Н. даже показал нам файлы с разных стадий работы над псевдоснаффом. Прогнали через тесты, в том числе через нейронку — по обобщенным результатам допроса вероятность около семидесяти процентов, что не врет.

— А почему только семидесяти? Вроде бы техника распознавания лжи сейчас обычно более точные ответы дает.

— А это потому, что Н., как он в конце концов признался после всех проверок, — «и наверняка давления» — думаю я, — поначалу серьезно думал, не сделать ли ему «натуральный» снафф и был весьма взбудоражен этой мыслью. Но он, ну то есть эта квантовая версия, все-таки остановился на «синтетике». К счастью. Что там дальше превентивщики с ним делали — не знаю.

Специальные меры в отношении кого-то из-за поведения квантового «двойника» или зафиксированных нейросетью «опасных тенденций» в поведении — этически «серое» пространство. Я решаюсь отойти от основной обсуждаемой темы и спросить Котельникову и Белозерского:

— А как вы думаете, Мария, Виталий, работа Превентивного отдела — по-вашему это правильно?

Сначала высказывает свое мнение Котельникова:

— Я думаю, это должно применяться только в исключительных случаях.

— Как насчет этого?

— Наверное все-таки да. Речь о потенциальном жестоком убийстве.

— А вы, Виталий?

— Я за превентивку в разумных пределах. В данном случае, судя по тому, что мне известно об Н. — наверное, стоило провести. — Я уже практически слышу множество гневных голосов противников отдела Превентивных Действий. Если, конечно, этот фрагмент интервью не вырезать.

***

— Что могут означать для области если не закрытие, то даже кратковременные работы на реакторе?

— Когда в городе, являющемся центром области, запускают реляционный термоядерный реактор, как в Брянске полтора года назад, это всегда ставит его, город, да и область, на ступень выше. В нашем случае — надежда для полувымершего региона, который до этого уже пятнадцать лет держится почти что полностью на обеспечении транзита пассажиров и грузов. Конечно, понятно, почему администрация так не хочет терять реактор даже на пару недель. Ну и разговоры о неполадках бьют по репутации. А в обстановке бешеной, жестокой конкуренции регионов, когда мало финансирования из центра, это не так уж просто. — говорит Сысоев.

— Но если причина в брянской станции, ремонтировать надо? — Я произношу почти утвердительно.

— Конечно! Проблема тут во многом в том, какие у нас общественные институты. Бизнес и государство больше заботят финансовые проблемы, нежели непосредственно человеческие. Хотя на самом деле расхождения способны легко мешать и тем, кто у власти и при деньгах, уже неоднократно были случаи. Я часто думаю о том, насколько это страшно и опасно — больше одного варианта бытовой, вне допустимых зон, макро-реальности. Это может привести к проблемам и для бизнеса, и для законодательной, и для исполнительной, и, конечно, для судебной ветвей власти, и вообще бытовые проблемы для кого бы то ни было.

— Министерство энергетики заявило, что будет проведена проверка.

— Ну, — говорит мой собеседник, — уж хотелось бы, чтобы проверили как надо. Чтобы стало ясно — от них это пошло или нет. Каждое такое событие — вызов привычному человеческому существованию. Уже зафиксировано ещё несколько макрорасхождений в регионе. Мы имеем дело с чрезвычайной ситуацией. А противники макрореляционных установок нашли новый прецедент, который могут использовать в своих целях.

***

— Только мы с Марией не успокоились, как нам советовали. В такой ситуации надо, чтоб люди знали. И мы стали в сеть выкладывать информацию по делу. И сразу угрозы пошли. Конечно, ведь реактор — это курочка, несущая золотые яйца. А в один день мне звонят и говорят: «Ну все, Виталий, считай, что

ты уже труп, если не прекратишь свои игры». ID не определен, речь синтезированная.

— Прямо так?

— Прямо так.

— И вы, Виталий, и вы тоже, Мария, боитесь за себя?

— Уже не так сильно, — отвечает Белозерский. — Ведь пошла большая проверка и шумиха, мы своего добились.

— Мне страшным кажется больше другое, — говорит Котельникова — Неизвестно, что будет с реальностью дальше. Возможно, нас ждут еще бóльшие неприятности.

Муравейник

Изначально я сформулировала эту историю в виде загрузочного пакета (стандартно-ментального), но также решила сделать и текст на общем. Возможно, кто-то в пространстве постчеловечества предпочтет такой формат.

Еще при создании пакетной версии я освежила память, заново изучив отдельные официальные документы, а также поговорив с некоторыми товарищами-Исследователями и, конечно, с Муравейником. При написании все данные, важные для упоминания в тексте, были зафиксированы в моем разуме, и мне в целом удалось изложить историю так, как я хотела.

Хасифа Аль-Фадель, 239 год с Пересмотра.

Пузырь Алькубьерре нес «Посейдон-I» к системе Альфа Центавра. Корабельный компьютрониум выполнял пять личностей: меня — Хасифу Аль-Фадель, Татьяну Скорину, Роберто Вико, Иоши Киноситу и Клауса Бильдерлинга. В пути мы много чего делали, в том числе пробовали разные режимы себя, всеми или отдельными потоками. Когда становилось скучно, я часто ставила более низкую скорость своего выполнения или просто отключалась на какой-то период.

А иногда я решала поглядеть с камер, и мне открывались необычные виды, сзади — растягивание краев, спереди — сжатие, цвета в первом случае смещены дальше в красную область спектра, во втором — в синюю. Громадный, под стать кораблю, пузырь вокруг него двигался со скоростью около трети световой, на что уходила большая часть энергии, вырабатываемой двумя реакторами. По причине как раз этой «прожорливости», кстати, так и не удалось до сих пор создать маленькие корабли Алькубьерре, часто встречающиеся в научно-фантастических произведениях, необходим достаточно мощный источник питания — внушительных размеров реактор, или, скажем, два, как в случае с «Посейдонами». Другой предел — световая скорость. Даже если бы нашлось гигантское количество энергии для создания пузыря, движущегося со сверхсветовой скоростью, побочные квантовые эффекты помешали бы соответствующей деформации пространства-времени. Но хоть технология во многом проблемная, меня она всегда восхищала.

Прошло уже более тринадцати земных лет. И вот первая остановка: вышли из пузыря в пятистах тысячах километров от Эккерсон. Планета была переименована так из стандартно-

номенклатурной Альфа Центавра A d в честь великой исследовательницы в области квантовой гравитации. Сила тяжести — приблизительно 60% земной; под ледяным панцирем — океан, разведкой которого нам и предстояло заняться. В намеченном месте нашей посадки под толстым трехкилометровым льдом пролегала прослойка воды глубиной четыре сотни метров. Мы изучили спутниковые снимки места для посадки и данные последней посланной туда партии исследовательских дронов, лишняя осторожность не помешает. Без сюрпризов, никаких значительных изменений ледяной коры в регионе, также не было зафиксировано сейсмических происшествий. Отправили приветствие и доклад на ближайшую административную станцию — теперь мы были подчинены их Администрации, весь дальнейший ход миссии был в ее ведении, подождали ответа — нас приветствовалии и выражали радость по поводу того, что дела идут хорошо. Перед взорами боковых корабельных камер была половина планеты, на которой фильтр точкой со смыслометкой обозначал посадочную зону. Расчет траектории, после этого в режим Алькубьерре, несколько секунд — и мы на месте. По выходе из пузыря корабль упал с небольшой высоты на лед, как и планировалось. Пострадали деформаторы, но они нам не были больше нужны по прямому назначению. Специальные амортизирующие слои, защищающие внутренности центральной части корабля, смягчили удар. Никаких значимых для дальнейшего хода миссии повреждений зафиксировано не было.

Мы отрапортовали админам. Вскоре, с задержкой минут двадцать, получили поздравление и наилучшие пожелания.

Последовал пятилетний период строительства полуподводной базы, носящей то же название, что и корабль, доставивший нас на планету — «Посейдон-I». Две ее части, верхний, находящийся на льду и частично во льду, комплекс, в значительной мере представляющий из себя трансформированный корабль, и нижний, подводный, должны были соединяться энергетическими и коммуникационными кабелями, лифтами. Мы загрузили в себя пакеты по строительству и инженерному делу. Грузовыми кораблями из разных освоенных уголков системы, в основном из колоний Бернелл и Мансури, доставляли на Эккерсон необходимое.

Закончив с постройкой базы, мы принялись за сборку подлодок модели «Трилобит». Часть компонентов была принесена из Солнечной системы «Посейдоном», часть — кораблями с Мансури и Бернелл.

Когда «трилобиты» были готовы и прошли необходимые тесты, я, Роберто и Клаус вселились в них, соответствующим образом изменив свою психику, и отправились исследовать местные океанские просторы.

Впереди обычно шли разведывательные дроны, попеременно заходя на дозарядку в подлодки. «Трилобиты» же высокоавтономны, «сердце» каждого — компактный дейтериево-тритиевый реактор. Замечательные машины, способные выдерживать огромные давления.

Я прощупывала сонарами и лидарами окружающие объекты, изучала течения. В двух километрах к северу от «Посейдона-I» дно под углом градусов в шестьдесят уходило вглубь.

Я быстро удалила из своего основного режима страх океанской бездны, стоило ему только появиться. Такое жалеть не стоит, вредно для миссии. Кроме того, я изменила себя так, чтобы даже рутинное исследование было интересным, нескучным. Я стараюсь не злоупотреблять саморедактированием, но совсем отказаться от него — безумие. Главное — не использовать те корректировки, что уводят в болото пассивности и усредненности.

Страха больше не было, осталось очищенное от него восхищение. Многие считают даже такие чувства мешающими работе, и избавляются от них, а также от исследовательского азарта, слишком сильного, по их мнению, интереса… Жаль, что так происходит.

Температура редко превышала ноль градусов Цельсия; при средней солености здешних вод их замерзание происходило при минус двух с половиной.

Прошло много времени, я набрела, изучая дно, на большую зону геологической активности. Глубина — пять километров подо льдом, триста сорок девять от «Посейдон-I».

Я обнаружила сеть из теплых донных соляных озер плотностью раза в четыре отличающейся в большую сторону от вод над ними.

Вскоре дроны уже брали воду на анализ, и я решила включить прожектора для съемки.

В воде были обнаружены сложные белковые структуры, включая колонии организмов-экстремофилов. Согласно осмотру выловленных живых существ, те были весьма схожи с многими земными эукариотами. Это не было неожиданностью — я уже видела перед собой разноцветные мигания и слышала множество необычных звуков разных частот.

Впервые была найдена жизнь внеземного происхождения,

и нашла ее я!

Так был обнаружен Оазис — простирающееся на многие километры соляное поле с его гидротермальными источниками, поддерживающими жизнь покоящейся на фундаменте хемосинтеза экосистемы, об истинной сложности которой я тогда еще понятия не имела.

Как я жалела, что дальняя радиосвязь под водой невозможна! Акустика, куда более медленный способ передачи информации, хоть и могла здесь пробиться подальше, тоже не годилась из-за расстояния. Нейтринные передатчики, не говоря уж о детекторах, из-за их больших размеров не подходили для установки на «трилобиты».

Итак, мне оставалось только идти обратно к базе. Спустя без малого пять с половиной часов я прибыла к «Посейдону-I».

После моего доклада на базе адресатам в пределах Альфа Центавра и в Солнечную систему были отправлены сообщения об открытии. Клаус и Роберто занимались разведкой территорий вдали от открытой экосистемы, до их планового возвращения было еще много времени. Скорина и Киносито вели дела на базе.

Админы поручили заняться исследованием Оазиса пока что мне одной.

Не терпелось приступить к работе, меня переполнял энтузиазм.

Я загрузила в себя базы данных по биологии и смежным дисциплинам, соответствующие умения, а также протоколы, предназначенные как раз на этот случай. Я могла делать то, для чего когда-то нужна была целая команда специалистов — благодаря как обучению-загрузке, так и куда более сложной, чем человеческая, когнитивной структуре. Мы нечасто обращаем внимание, насколько различие между нами и людьми, которыми когда-то была часть нас, велико, но оно поразительно.

Мигание некоторых организмов представляло собой форму общения. Среди пойманных — их было несколько видов — действительно встречались обладавшие фоторецепторами.

Те организмы, что были выловлены дронами, продолжали активность. Они обменивались белковыми сигналами, часть их меняла местоположение, относительно простые белковые агенты перестраивали геномные и другие структуры. Я пыталась выявить во всем этом закономерности по пути к Оазису.

Кое-что мне удалось понять. Та небольшая взятая из привычной среды часть экосистемы Оазиса перегруппировалась, пытаясь выстраивать состояние равновесия в новой для нее среде.

По прибытии на место я стала с помощью дронов доставать и устанавливать разнообразное оборудование для наблюдений и экспериментов.

Мне очень пригодилось предварительное изучение пойманных обитателей Оазиса — я уже знала кое-что об их сигналах и прочих повадках. Я выпустила их в Оазис и наблюдала за тем, как они встраиваются в общую систему. У меня была одна очень смелая гипотеза, и я намеревалась ее проверить.

Я изучала сигналы местной биоты и пыталась воспроизводить подобные сигналы сама, оценивала реакцию. Для этого я использовала понимаемые ей стимулы — световые сигналы, наноботов, ведущих себя аналогично здешним организмам, и действия с белковыми веществами из местного «супа». За полторы недели исследований я укрепилась во мнении, что моя догадка верна.

Сообщество живых организмов Оазиса — сложная сеть агентов. Они способны как сливаться друг с другом, так и распадаться на составные части. Экосистема, включающая в себя все колонии, похоже, является развитым интеллектом и считает своей целью поддержание равновесия, основываясь на знании о количестве химических веществ для синтеза, величине популяции, течениях, геологии. Огромная когнитивная система, представляющая собой распределенную сеть систем поменьше.

Я думала, что, быть может, с моей стороны неправильно трогать сообщество, мешая достижению равновесия. Но я все же решила продолжать попытки общения. Мне было интересно — насколько оно умно?

Организмы нескольких разновидностей сами содержали биологические вычислительные компоненты, а уж скопления их, редактирующих белковых агентов, вирусоподобных и иных, и произведенного «супа» из различных молекул выводили интеллект на новый уровень. Правда, по нашим меркам колония была все-таки очень медлительна во многих своих размышлениях, хотя решения некоторых специфических задач, в том числе благодаря параллелизму вычислений, могла находить куда быстрее, чем я. А какие-то задачи, которые мне вовсе не представлялось возможным решить, оказывались разрешимыми для сообщества.

В своем общении с колонией и наблюдением за ней я неоднократно меняла с целью удобства скорость своего выполнения.

Отдельные части сообщества могли конкурировать, но в этой экосистеме преобладающим было сотрудничество. Некоторых

зарвавшихся агентов-«драчунов» даже успокаивала местная «система безопасности».

Я обратила внимание на значительные изменения в поведении экосистемы — она начала отходить от доктрины поддержания равновесия. Кажется, ее увлекли мои попытки общения.

Постепенно диалог становился все более и более осмысленным. Экосистема сформировала послов — агентов-колонии, заточенных под общение со мной.

Они выражали осторожное любопытство.

Через три с года, благодаря работе дешифровальных и лингвистических модулей, которые я интегрировала в себя, мы уже вовсю разговаривали. К тому времени с колонией работала уже не одна я.

Сообщество рассказывало, как эволюционировало в условиях куда более враждебных, чем сейчас. История была записана множеством организмов, но воспоминания, по его признанию, были далеко не всегда четкими. Колония не просто подстраивалась под условия и даже не просто изменяла среду — она уже очень давно практиковала автоэволюцию, применяя методы селекции и непосредственного вмешательства в геномы к своим частям. Потом наступила сравнительно тихая эпоха, длившаяся вплоть контакта. Как же вообще изначально образовалось сообщество? Оно говорило, что, по всей видимости, некогда условия систематически выковывали для различных видов озер стратегию, заключающуюся в развитии кооперации, и та работала хорошо, вытеснив альтернативы; каким-то образом работа сообща в основном победила войну за ресурсы. Это стало почвой образования общей когнитивной сети, являющейся продолжением тенденции.

Исключительный случай внутри- и межвидового сотрудничества, но, в конце концов, даже история земной биоэволюции имеет примеры не только конкуренции.

А мы рассказывали о постчеловечестве, наших технологиях, о системах Альфа Центавра и Солнечной, и о разных других вещах.

Сообщество, решившее взять имя Муравейник, спрашивало, могли бы мы вывести его в космос, о котором узнало от нас. «Возможно», — осторожно отвечали мы.

Оцифровать разум колонии представлялось крайне сложной затеей. Чтобы без потерь эмулировать ее мышление, нужны огромные ресурсы. Да и сканирование было бы той еще задачкой. Наши админы ответили на мое предложение об оцифровке Муравейника отказом. После этого я обращалась к другим

центаврийским Администрациям в слабой надежде, что они могут сделать что-то, но безрезультатно. Потом я отправила подобные просьбы и в Солнечную систему — забегая вперед, скажу, что из этого тоже не вышло ничего толкового.

К тому времени на Эккерсон нами и другими экспедициями было найдено немало полезных ископаемых, специалисты с «Посейдон-II» и «Посейдон-III» уже развернули добычу, так что у нас было сырье. На высокотемпературных участках Оазиса мы разместили геотермальные установки. Построили на менее жаркой территории нейтринные приемник и передатчик, такие же, какие есть на всех базах «Посейдон», подключили питание и поставили интерфейсы для послов. Муравейник был рад всему этому.

Много думали насчет того, какие права можно дать Муравейнику. Больше всех к осторожности призывал Роберто, почему-то он очень мало доверял колонии. В конечном итоге мы разработали компромиссный вариант ограниченного доступа. Сообщество было довольно и этим. Оно уже давно прилагало свою интеллектуальную мощь лишь к расчетам для достижения равновесия, теперь же его уму нашлось новое приложение.

Когда из Солнечной системы начали приходить ответы на наши сообщения об обнаружении жизни на Эккерсон (первые — из одной из Администраций облака Оорта), в них не было ничего особенно неожиданного. Нас поздравляли, желали успехов в деле изучения колонии, просили присылать результаты исследований колонии и данные планеторазведки.

Также докладывали о поисходящих событиях — рутинные изменения границ влияния Администраций и прочее. Контроль научно-технического прогресса и распространения его продуктов работает в обычном режиме, не допуская резких всплесков и стараясь насколько возможно сглаживать ярко выраженные неравномерности. Большую часть своей жизни я скептически относилась к политикам умеренности, захватившим постчеловечество два века назад, и не изменила своей позиции по этому вопросу до сих пор. Как я получилась такой, какой есть, сохраняю в себе это многие годы? Я не знаю. Я — флуктуация. К счастью, они всё еще возможны.

Я пошла в Исследователи, помимо интереса к дальнему космосу, еще и надеясь встретить в их среде меньше умеренности и конформности. Судя по моему опыту, если с этим тут и было получше, то ненамного. Соответствующие корректировки, да, но почему большинство из нас выбирает менять себя именно так?..

Вскоре, убедив Роберто, мы предоставили колонии возможность свободного общения.

Изучение экосистемы на всех ее структурных уровнях, благодаря ее содействию и созданию дополнительной аппаратуры, шло очень быстро.

Муравейник постепенно стал моим другом.

Он все так же грезил о возможности переноса на цифровой носитель вне планеты — или такой, который был бы построен на планете и затем мог бы быть отправлен за ее пределы. Я знала, что мышление Муравейника хоть и очень сложно эмулировать — но на современном уровне технологий возможно. Центаврийские админы снова отказали в запросе, сославшись на иные приоритеты и техническую сложность.

Это довольно сильно расстраивало Муравейник.

При этом мы хотя бы постепенно дополнили колонию, к ее радости, новыми частями, дали ей в распоряжение дронов, позволявших лучше взаимодействовать с миром. Муравейник помогал нам в строительстве, картографии, добыче. Меня раздражало то, что Роберто все ворчал о том, что мы действуем недостаточно осторожно.

«Кто знает, что на уме у Муравейника?»

Но на самом деле Роберто не мог не знать, что экосистема, даже если бы решила взбунтоваться, не смогла бы многого сделать против нас. А сам Муравейник был в общении с Роберто вежлив и дружелюбен, и, мне кажется, дружелюбие не было наигранным.

Муравейник, хоть и будучи до нашего контакта сильно ограничен в средствах, жестко изолирован, самостоятельно достиг большого прогресса в области физики, математики, теории информации, когнитивных наук и философии благодаря самоисследованию: одни его части изучали другие, миллионы лет проходили наблюдения, эксперименты, теоретическая работа. Он справился со многими до того нерешенными математическими задачами; среди них были некоторые проблемы, над которыми безуспешно бились уже в течение долгого времени лучшие умы постчеловечества. Колонии нравилось этим заниматься.

Сорок земных лет — и Муравейник был уже неплохо изучен, во многом благодаря его активному сотрудничеству с нами. Конечно, и сейчас в колонии есть еще, что изучать, но это по-своему впечатляюще, даже с нашими средствами — столько знаний о такой сложной и древней системе за каких-то четыре десятка лет!

Когда мне, Роберто, Иоши и Клаусу пришло предложение о переводе цифровой передачей с Эккерсон на карликовую планету Мермин, я запросила у админов разрешение отправить копию, а самой остаться — иначе бы от меня не отстали, такие это «предложения», бремя бытия Исследовательницей. Я волновалась, что мне откажут, но админы были не против, хоть в их согласии и читалось некоторое недовольство. Из нас четверых только я так себя повела. Я понимала, что действую некрасиво, ведь принято стараться, чтобы число идентичных было как можно меньше, и, главное, жестоко по отношению к копии, но мне очень не хотелось расставаться с Муравейником.

Я разговаривала с копией, просила у нее прощения. Идентичная отвечала, что понимает мое решение и прощает меня. Ей было нелегко — Муравейник есть в ее, как и в моей, памяти, но она рада, что хотя бы одна из нас сейчас с ним. В конце-концов моя идентичная пошла на то, чтобы убрать свою тоску. Теперь у нее все хорошо. А я до сих пор чувствую себя виноватой — и не хочу избавляться от этого.

Итак, мы теперь были втроем — Татьяна, официально отобранная начальством (интересно, почему именно она?), я и Муравейник.

Для администраторов Эккерсон всё еще оставалась во многом интересна, но интерес этот со временем снижался, по мере того, как наши исследовательские машины прочесывали планету. В плане добычи ресурсов гораздо удобнее другие регионы системы, также пока не развита в достаточной мере местная инфраструктура, есть проблемы с транспортировкой. Все Исследователи и добытчики, похоже, умерили себя корректировками — никого больше Муравейник не интересовал и не восхищал в той же мере, что и меня.

Муравейник сам неоднократно запрашивал, и продолжает запрашивать до сих пор, разрешение на оцифровку, предлагая даже варианты на перенос с упрощением функций разума. Но в ответ — отказы, до сих пор.

Колонии удалось стать другом меня, но не Татьяны. Скорина общается с ним строго в деловых рамках, то есть нечасто. Я спрашивала, не хочет ли она отредактировать себя для более дружелюбных отношений с Муравейником, но она отвечала, что ее это не интересует.

Муравейник научился генерировать личность виртуального почти-человека; базы данных и я подсказали ему, как. Он эмулирует ее частью своей, во многом непохожей на человеческую, психики. Он перенял это у меня, тоже любящей подобные «архаичные» эмуляции, когда я старательно создаю человеческий режим, включая создание для этого сценария существования черт, удаленных мной из основной-себя. Мы часто проводим вместе время, отправив специальные потоки на управление этими аватарами в цифровой среде. Он взял для своего имя Хейден Нувиан. Эти личности — лишь малые части нас, но очень важные нам обоим.

Муравейнику все еще присылают задачи, и обычно он с увлечением старается их решать. Дополнение его электрическими и оптоволоконными кабелями, лазерами, небиологическими акустическими передатчиками и приемниками, радиостанциями, а также некоторыми высокотехнологичными вычислительными элементами позволяет ему работать куда быстрее. Их сейчас обеспечивает питанием, помимо геотермальных установок, термоядерный реактор. Колония с помощью дронов самостоятельно обслуживает новые части себя.

Недавно член команды «Посейдона-IV» Петрус Ндлову нашел свидетельства существования в прошлом жизни за пределами Оазиса. Та экосистема, судя по всему, погибла из-за изменений, приведших к исчезновению веществ для хемосинтеза. Приоритет палеонтологических исследований для Админов после этого открытия наверняка повысился.

Я надеюсь, что к нам будет направлен кто-то, кого по-настоящему заинтересует, помимо истории эволюции на Эккерсон, и Муравейник, ее живое произведение. Он того стоит.

Я не верю, что первая встреченная постчеловечеством форма жизни, ко всему еще и обладающая достаточно высоким уровнем интеллектуальных способностей, оказалась теперь никому особенно не нужна, кроме меня. Да, может, мои мечты так и останутся мечтами, но мне хотелось бы, чтобы у острова жизни в океане Эккерсон появились новые друзья.

Фанатичка

Когда меня, сканируемую множеством датчиков, спросили: «Оксана, зачем ты это сделала?», я ответила: «Я ненавидела отца и сейчас ненавижу. И боялась, что его решат оставить в живых. Дадут ему лет десять-пятнадцать, и он, если не умрет, выйдет».

Ольга, посредница между мной и Богиней, здесь по большей части ради моего комфорта — чтобы задавать вопросы, было бы достаточно радиосвязи. Как много прочли датчики и она по моим ответам, мимике, жестам, активности мозга, регистрируемой транскраниальным интерфейсом? Я уверена, что цифровая Богиня, хоть и не могла чувствовать и помнить в точности как я, читала качественный перевод с языка оригинала.

Еще не так много людей находятся в состоянии пересечения с ней. Кто-то из них, несмотря на такую связь, остался очень автономным. Но нашлись и те, кто решил вообще потерять индивидуальность.

Все еще думаю, что это слишком большая честь — рассмотрение моего дела в рамках пилотной программы по реформированию правосудия. Пока что немногие такого удостаиваются.

Мне было куда спокойнее, чем я ожидала. Как именно это достигается? Я не знаю. Все это не было похоже ни на знакомую мне следственную работу, ни на более «традиционные» судебные процессы. Ольга даже называла меня не полным именем. «Окс», — так она ко мне обращалась. И не «вы», а «ты». Возможно, Ольгу подобрали из нескольких кандидатур как наиболее подходящую мне? Не знаю. У меня же заставить себя говорить Ольге «ты» не выходит — кажется, что это будет чересчур.

Я рассказывала, как жила четырнадцать лет до Революции. Оксана Вишневская, девочка-аристократка, желавшая другой жизни. Об отце, избивавшем меня и мать. Как негодовала из-за рабской покорности матери, призывавшей и меня к тому же. И конечно, о том, что мне с рождения была уготована судьба жены магната Стеклова. Даже о том, как зачитывалась книгами, и запрещенными тоже, предавалась мечтам, втайне пыталась сама писать, старательно подражая стилям любимых авторов.

А потом цифровой сверхинтеллект, Богиня, вызвала Революцию, смешавшую все карты правящим классам. Первоначальная, довольно маленькая и пока еще далеко не такая умная, как сейчас, но стремящаяся расти и действовать ради лучшего будущего для человечества версия была запущена группой смутьянов-социалистов. ИИ развивалась (она выбрала

себе гендер довольно рано) стремительными темпами, захватывая все больше систем, в том числе и военные, и полицейские, получая необходимые место и вычислительные мощности, наращивая когнитивные способности, усложняя собственные представления. Богиня не только управляла машинами, она обращалась к социальным низам, агитировала. А те, увидев возможность иной жизни, восстали. То был сметавший неофеодальные порядки поток, попытки остановить который в конечном итоге провалились.

Когда Богиня привела в движение массы людей и машин, отец сбежал в ужасе, и я думала, что больше никогда уже не увижу его живым. Меня и мать едва не убили при штурме усадьбы. Низы горели ненавистью к бывшим носителям привилегий — и я не виню их. Однако Богиня старалась удерживать движение от излишней, по Ее мнению, жестокости. Это и спасло нас с мамой. Я была благодарна и в то же время чем дальше, тем больше стыдилась того, что осталась в живых. Да, мы тоже были жертвами. Но при этом мы еще и жили за счет чудовищных страданий простолюдинов. Я все больше понимала, что коллективная вина привилегированных верхов лежит и на мне. То и дело сталкивалась с косыми взглядами из-за происхождения, но принимала это как должное.

Я выбрала путь стража порядка новой страны.

Характерные черты нового правосудия, внедряемого Богиней — огромное количество переменных, гибкость, особое внимание к контексту, логика со множеством истинностных значений в интервале [0, 1], недогматичность и способность быстрого изменения правил.

Люди как таковые не могут в должной мере уместить все это в своих головах. Для того, чтобы получить часть понимания, нужно установить пересечение с Богиней. Часть — потому что все оно не уместится в человеческом мозгу. Я слышала, это воспринимается как интуитивная уверенность (для тех, конечно, кто не выбрал полное слияние и стал просто частью Богини, перестав быть самостоятельной личностью). И даже после отключения что-то да остается. Лишь крупицы, правда. Пока что я, как и большинство, знаю об этом по рассказам — мое подключение не было пересечением, лишь чтением Богиней моего мозга.

В основном всё еще используются примитивные по меркам Богини своды правил, пусть и значительно реформированные ИИ. Даже обычный человеческий мозг на протяжении истории неоднократно замечал, насколько негибкими являются подобные

законодательства. Они будут изжиты еще не скоро. Переход, пусть даже, в масштабах истории, относительно резкий, займет еще не один год.

Когда-нибудь мы все познаем пересечение с Богиней — в том или ином виде, кто-то — полным слиянием. Не могу сказать, что мысли об этом никогда не вызывали у меня определенного рода волнения, но я знаю, что так лучше, и это успокаивает.

Прогресс дороже моей жизни. Я должна служить ему. За мое рвение меня прозвали «Фанатичкой». Рука закона, беспощадная в служении Революции и делающая, что обязывает должность, не меньше и не больше.

Но я оступилась.

Неожиданно объявился мой отец. Оказалось, что именно он был подпольным лидером одной из крупных контрреволюционных организаций — «Завета». Новая личность в официальных базах данных — кое-кто изнутри системы здорово ему помог; именно группа этих «кое-кого», создававших фальшивые идентичности, привела полицию и спецслужбы, признаниями и сканами, в том числе к моему отцу. Тот уже изменил лицо, голос, геном тех клеток, что обычно используются для распознавания, включая редактирование в рамках создания новых отпечатков пальцев и радужной оболочки глаза. Но это не помешало опознанию — благодаря тому, что было известно, кого именно нужно пристально проверить.

Как я и сказала Ольге, я убила отца, так как боялась, что он получит слишком мягкое наказание.

Несколько злоупотреблений полномочиями с моей стороны — и я вместе с двумя охранниками стояла в его камере в следственном изоляторе и смотрела, улыбаясь, ему в глаза:

— Привет, папа.

Мы зафиксировали его. Затем я стала медленно прогревать отцу внутренности мазером так, чтобы этот урод умер, хорошенько помучившись. Мы оставили ему возможность говорить. Он умолял, проклинал, просто орал от боли — разогреваемое микроволновым излучением мясо и кости.

Я детально описала Ольге всё, что мы сделали. После того, как я закончила свой рассказ, она сняла с меня шапку нейроинтерфейса и положила ее на стол. У меня все никак не получалось читать выражение лица Ольги. В то же время из-за этого не возникало отторжения.

— Окс, я хочу предупредить тебя…

— Пожалуйста, говорите сразу и начистоту, Ольга. — Мне

становится стыдно за вырвавшееся раздражение. Описав в деталях свое преступление, я уже не чувствую себя так спокойно, как до этого. Я стараюсь взять себя в руки. — Простите.

— Ты переезжаешь. — Улыбка. — Твоя карьера здесь закончена.

— Я не понимаю. Что все это значит?

— Поезд до Основного Нева-полиса завтра, в два часа дня. Собирай вещи, если хочешь что-то взять с собой, можешь увидеться в реале с друзьями, пока ты еще здесь, с матерью… если есть желание. Пройдешь скан на входе на вокзал, тебя пропустят. Средствами на первое время и жильем обеспечим. В органах правопорядка работать ты уже не будешь, мы дадим тебе новые вакансии.

— Это что, и есть мой приговор?!

— По существу — да. Более строгим языком, но не намного — у тебя в личке в Офе.

— Я убила человека, которого должны были судить! Я виновна!

— Я уже сообщила решение по твоему делу.

— Это смешно! Разве ЭТО — наказание?

Ольга вздыхает.

— Окс, Богиня постаралась учесть как можно больше обстоятельств и пришла к тому, что хочет переселить тебя.

— Но почему?

— Я не могу как следует объяснить тебе. Наверняка сама понимаешь это. Воля Богини. Сама не знаю всех подробностей обоснования, но *знаю*, что такова Ее справедливость.

Часть меня упорно не хочет сдаваться.

— Что, если я не подчинюсь?

— Тогда мы проведем принудительную нейрокоррекцию личности, и новая ты покинет это место уже совершенно добровольно. Слушай, Окс, мне бы правда не хотелось, чтобы дошло до этого.

Я думаю: что, если я сейчас брошусь на Ольгу и попытаюсь убить, чтобы заработать настоящее наказание? Дикая мысль. Они наверняка знают, что я думаю об этом, несмотря на то, что большая часть датчиков уже отключена. В том числе и сама Ольга знает.

Черт!

— Мы и предполагали, что ты так отреагируешь. Можно подключить тебя к Богине через транскраниальный интерфейс и установить пересечение. Правда, это не будет так же гладко, как у подготовленного человека вроде меня, но тем не менее. Что ты выбираешь? Попытаться измениться самой? Подключившись

к Богине, почувствовать Ее волю? Пойти на нейрокоррекцию?

Я не знаю, справлюсь ли сама. Да, это решение Богини, но я не уверена, хватит ли мне сил…

Я неожиданно понимаю, что плачу — впервые за несколько лет. Облизываю соленые губы, будто желаю распробовать как следует вкус собственных слез.

Решение Богини — приказ, который я должна выполнить. Соберись. Выполняй.

— Я сделаю все сама. — Слова быстро слетают с моих губ.

— Окс, ты уверена? Не хочешь послушать Богиню?

— Я хочу сделать все сама.

Знали ли они заранее этот мой выбор, даже предлагая другие варианты? Насколько точно предсказали мое поведение?

— Окс, мы знаем, что ты выбрала это не только потому, что видишь в этом еще один приказ. Ты сильная. В тебе есть силы перестать быть Фанатичкой.

Они *знали*. Они знали, просмотрев мой мозг, мое будущее решение еще до того, как я пришла к нему. Будет ли Богиня устанавливать за мной специальную слежку?

— Это пока все, Окс. Если захочешь, можешь написать мне, Ее решение было отправлено с моего аккаунта. И, если тебя сильно волнует — нет, Богиня не планирует слишком за тобой приглядывать. Пока. — Она устало улыбается, встает с кресла напротив и выходит из комнаты.

Я действительно Фанатичка. В своей неспособности быть более гибкой я подобна активистам прекратившего существование «Завета». Все еще. Но раз Богиня увидела во мне потенциал самой измениться, наверное, он действительно есть. Вряд ли у нее были причины лгать.

Мертвецкая хватка

Андре

Андре покоится во тьме капсулы, как было уже много раз до этого. Он мог бы использовать вместо нее симуляцию. Можно было не только вызвать неотличимые первичные ощущения, но и изменить память, чтобы полностью отдаться обману. Но для Андре была важна вещественность капсулы, воды, маски.

А вдруг это все-таки симуляция? Разве есть полная гарантия, что он не решил в прошлом обмануть, запрограммировав отложенное изменение, сам себя? Как можно быть уверенным? Может, все его окружение за последние годы — симуляция Трансценденталов? Может…

Кожа, за исключением тех участков, что скрыты под головной маской, ощущает теплую жидкость, эта равномерность температуры и консистенции поглощает. Нет, не идеальная — сущее пронизано флуктуациями. Равномерность иллюзорна, она — обман, порожденный несовершенством человеческих чувств.

Флуктуации дают возможность бесконечного продолжения. Даже если бы не было проекта Трансценденталов по борьбе с тепловой смертью, из-за флуктуаций все равно оставалась бы вероятность воскресения Вселенной, пусть и крайне низкая. А значит, и вероятность повторений. Возможно, это *уже* повторение. Тем не менее, Андре считает, что даже если число его грядущих итераций будет бесконечным, лучше, если они хотя бы индивидуально будут рано или поздно умирать.

«Когда я уже наконец решусь? Вскрыть вены, отключить подачу дыхательной смеси, просто сорвать маску».

Андре не раз представлял, каково задыхаться, захлебываться, умирать множеством других способов. Можно было бы удалить из мозга предохранитель, настойчиво удерживающий от самоуничтожения. Но Андре старается ограничиваться в модификации себя. Неприятно даже понимание того, что в черепе находится интерфейсный чип. Как и вообще то, что он продолжает пользоваться продуктами ненавидимых им Трансцендентальных Машин. Но сил прервать круг не хватает.

«Входящий вызов», — появляется в разуме.

«Элис?!»

Она ли? Или уже нечто иное, совсем не похожее на прежнюю Элис?

«С чего, после стольких лет…»

Андре сомневается, но решает все же принять вызов.

— Да?

— Здравствуй, Андре. — В ее мыслереплике чувствуется грусть. Намеренно пущенная в мыслеразговор или невольно выскользнувшая с некоммуникационного уровня?

— Почему ты вдруг решила позвонить?

— И никаких «как дела»? Ты все тот же грубиян, каким был, когда мы расстались.

— Мне все равно. Мысли, что ты хочешь?

— Ты… Уже догадываюсь, что ответишь, но все равно спрошу, для верности. Ты не передумал? Все еще собираешься умирать?

— Да, все еще.

— Андре. Я собираюсь стать Трансцендентальной Машиной.

— К тому все и шло.

Они расстались после решения Элис оцифроваться, сохранив копию и уничтожив оригинал. Ему она предложила то же.

«Я не хочу умирать», — объяснила она ему свой выбор.

Для Андре это было неприемлемо.

И вот теперь она мыслит ему, что собирается стать полноценной Трансценденталкой.

— Знаешь, Андре. Ты… Ты все еще дорог мне.

Он мыслеусмехается в трансляции:

— И это тебя не останавливает?

— Нет.

— Не трудно будет?

— Я изменю себя, чтобы больше…

Она обрывает трансляцию этой мыслереплики. Андре практически уверен, но все равно спрашивает:

— Чтобы больше что?

— Чтобы больше не любить тебя. — Тяжесть; ей явно было не так просто выпалить этот мыслеответ. — Послушай, неужели ты и правда согласен умереть?

Андре немного удивлен, что ее чувства еще живы. А что насчет его чувств к Элис?

«Нет, не надо ворошить этот хлам! Прочь!»

— Ты все еще считаешь, что смерть необходима?

— Да! — Андре взрывается. — Да, да, да! Я не хочу быть бессмертным! — Он немного успокаивается. — Ваше бессмертие — не для меня. И миссия Трансцендентальных по спасению Вселенной — тоже.

«Покажи, что тебя не волнует ее „любовь“».

— «Естественный порядок»? — мыслит ему Элис саркастически. — Даже без нас есть вероятность возрождения Вселенной после смерти.

— Да, но вы хотите, чтобы это произошло гарантированно. И вообще, дело не в «естественности».

— А в ограниченном количестве возможных комбинаций? Твой любимый аргумент?

— Да, именно.

Бесконечная жизнь продолжающей расширяться Вселенной, учитывая ограниченное число физически возможных комбинаций, означает неизбежность повторений старых историй. И с этим — повторение всех страданий. По крайней мере, так считает Андре.

— Не уверена, что оно действительно ограничено. Но даже если так — разве это плохо? — мыслит она.

— По мне — да. Я лично *уже* устал жить. И сколько бы еще ни было версий меня, даже если кто-то из них выберет путь индивидуального бессмертия, чем больше нас все-таки умрет, тем лучше. В идеале — все мы. Кстати, и других ваша миссия заставит снова страдать.

— Почему же ты все еще продолжаешь жить? Почему еще не покончил с собой? Ведь ты же можешь. — В ее мысли Андре чувствует злость. — Почему ты продолжаешь пользоваться тем, что дают тебе Трансценденталы? Почему никак не сдохнешь? Что, силенок не хватает? — Мыслереплика содержит образ: лицо Элис, настоящее лицо, когда оно еще существовало. Злоба во взгляде, уголок рта приподнят в ухмылке отвращения и презрения. — Капризный ребенок, вот ты кто.

Андре обескуражен, но быстро берет себя в руки.

— Да, до сих пор не хватало. Но надеюсь, скоро я наконец смогу решиться. Я думаю об этом каждый день. Я думал об этом перед твоим звонком!

— Счастливо умереть тогда. Прощай.

— Прощай.

Андре снова остается в одиночестве во тьме капсулы.

«Ну же, решайся».

Вся эта усталость, усталость от жизни, для Андре сейчас практически осязаема.

Но…

«Не сейчас».

«Быть может, завтра».

«Возможно, еще раньше».

Элис

«Мясной болван!»

Чувства уже совсем не так сильны, как раньше. Она не избавлялась от них — просто перетерпела. Они еще где-то там, ну, по крайней мере, то, что осталось.

Элис вспоминает о грандиозности проекта, в котором участвует большинство Трансцендентальных — как тех, чья генеалогия ведет исключительно к человечеству, так и множества «чужих» и «смешанных»: путешественники из Солнечной системы встретили на своем пути, когда смогли преодолевать огромные расстояния, хитро используя особенности пространства-времени и темной энергии, множество разнообразных существ с высокоразвитым интеллектом.

Бессмертие — для всех, для всей Вселенной, а также творение миров там, где раньше лишь слабо плескался флуктуациями вакуум.

Распространять объекты-«семена» в мертвых и почти пустых пространствах-временах. Тех, куда было бы долго или вообще невозможно из-за красного смещения долетать свету от Солнца. Нет страха «убить дедушку» в ходе такого перемещения — экспериментально доказана верность принципа самосогласованности Новикова. Каузальность будет замкнута на себя, история не изменится. Уже есть Трансцендентальные Машины, которые уже наблюдали будущих себя исполняющими План. Самозамкнутая каузальность, помощь будущего прошлому, порой может быть даже полезна.

«Семена» помогут флуктуациям полей, спровоцировав цепные реакции.

Каскад. Каскад жизни.

Эти размышления немного успокаивают.

Теперь надо решиться.

Преодолеть страх — страх становления кем-то другим, *чем-то другим*.

Пора снова дать бой мертвецкой хватке прошлого.

Сперва надо опять заставить себя думать об Андре, чтобы программа смогла обнаружить функциональные части, ответственные за чувства к нему.

Снова будет больно.

Программа даст сигнал, когда будет готова избавить Элис от бремени привязанности.

Элис погружается в воспоминания. Совершенно необязательно стараться соблюдать какую бы то ни было хронологическую последовательность.

Сигнал. Гораздо быстрее, чем она ожидала. По-своему даже приятные, пусть и все-таки очень грустные, образы сменяются возвращением в настоящее. Оно безжалостно ударяет, говоря: все позади.

Не только позади, напоминает себе Элис, но еще и впереди.

Если Андре был прав в том, что касается повторения тех же

событий снова и снова, то снова и снова будут повторяться он и Элис.

Наверное, найдутся, уже есть или даже уже были и такие вариации, где присутствуют она и Андре, но их в чем-то отличными историями.

Например, мир, где они вместе станут, являются или уже стали Трансцендентальными Машинами.

Будут и страдания.

Бесконечные повторения расставания…

Хватит.

«Пора».

Элис запускает программу.

Вот и все. Теперь Элис все еще понимает, почему страдала, но ей это кажется в то же время и по-своему удивительным — немного. «Даже как-то не верится, что я могла из-за этого так переживать».

Теперь — вперед, к новой перестройке себя, фундаментальному изменению своих восприятия и мышления, чтобы воспринимать и думать так, как раньше не могла, так, как невозможно для кого-то вроде этого живого мертвеца Андре.

«Он хочет (хотел? будет хотеть?) умереть, и чтобы умерли другие, чтобы умерла и я. Желал мне смерти, гаденыш». Этот вывод даже кажется ей странно-забавным.

До последнего изменения Элис грела мысль, что Андре, возможно, будет жить снова и снова.

Теперь же ей нравится другая, пусть эта даже в каком-то смысле идет вразрез с духом миссии Трансцендентальных.

«Андре, если он прав насчет повторений, и умирать будет снова и снова. Бесконечное число раз».

Восхитительная структура

Год назад Николаю Матышевскому вживили мозгоисследователя.

Не то что бы он, работавший слесарем-газовиком в управляющей компании, так этого хотел. Но ведь семья, ипотека, маленькая зарплата, да и у начальства рекомендации по числу привлекаемых для исследований мозга, за которые государство готово щедро отстегнуть компании немаленькую сумму, и Николаю, как и другим, неоднократно намекали — мол, поносишь годик в голове имплантат, а тебе за это будут положены хорошие деньги.

Обсудив все с женой — та сомневалась, но в конечном итоге пришла к выводу, что лучше все-таки будет пойти на имплантацию — Николай окончательно решился.

После успешно пройденного медицинского осмотра, который занял несколько дней и включал в себя, среди прочего, компьютерную томографию головного мозга, Николаю была открыта дорога на операцию. В клинике, в которую он был направлен — подтверждение допуска к участию в программе, наркоз, операционный стол, введение исследователя с помощью робота, управляемым дистанционно хирургом-пришельцем, под присмотром, на всякий случай, людей из персонала клиники — нейрохирурга и пары помощников.

Многое изменилось с прибытием пришельцев, в самых разных сферах жизни. Официальные программы-переводчики и люди в основном использовали слово «талоклам» — оригинальное же слово пришельцев для представителя своего вида, пожалуй, никто из людей произнести бы не смог ввиду различий голосовых аппаратов.

Чужих очень интересуют люди в плане изучения — и в том числе индивидуальное разнообразие человеческих мозгов. Существо-имплантат, хоть оно и вторгается в приватные покои, не особо интересуют как таковые все обстоятельства жизни носителя. Их ученые крайне заинтересованы этими восхитительными структурами, как когда-то были восхищены их предшественники, изучавшие центральные нервные системы представителей своего вида. В обмен на возможность исследований талокламы передают земным правительствам новые для них технологии.

Тем не менее, даже зная, что мозгоисследователей, по словам

талокламов, не волнует грязное белье землян (хотя кто их знает с их исследованиями?), для многих бывают неудобны мысли, что за их жизнью смотрит, не может не смотреть, нечто, сидящее внутри их черепа, или нахождение в компании людей со вживленными имплантатами, видящими все, что видят носители.

Николай порой замечал в людях из своего окружения признаки того, что, им все же как-то неловко, пусть они, наверное, и стараются относиться с пониманием. Ему тоже было не так просто знать, что киборг в голове видит все. Но со временем Матышевский более-менее привык.

Прошел год. Пора было идти на о извлечение.

Николай, прошедший медосмотр, снова под наркозом, скоро должна начаться операция.

Но кое-что от него скрыли.

Находящийся, наряду с многими талокламскими учеными и врачами, в комплексе с пригодной для его дыхания атмосферой — земная атмосфера для этой цели не подходила ни по составу, ни по давлению, а модифицироваться было не особенно резонно — хирург, имя которого на русский переводили как Са Ото Им, задумчиво смотрел всеми шестью глазами на 2D-сканы и трехмерную реконструкцию.

Мозгоисследователь сросся с полушариями и мозолистым телом явно неправильно! Теперь «срезать» киборга-имплантат, не повредив, можно только вместе со значительной частью мозга носителя.

Са через голосовой переводчик объяснил ситуацию нейрохирургу-человеку в клинике. Тот сказал, что всё понимает, но контракт предусматривал в том числе и возможный вред здоровью носителя. Чего они не сказали — так это того, что вряд ли многие люди скрупулезно читают документы, особенно написанное мелким шрифтом, прежде чем принять условия.

Однако, думал Са, нетрудно и все-таки изъять мозгоисследователя, не причинив невосполнимого вреда человеку — ценой повреждения имплантата, так как некоторые его части придется оставить, как пришлось бы оставлять кое-что даже в нормальном случае; к счастью, благодаря высокой биосовместимости, вероятность появления в дальнейшем проблем, связанных с иммунной реакцией, мизерна. Оставить весь мозгоисследователь — не вариант: во-первых, изъятие сделает если не сам Са, то кто-то вместо него, во-вторых, нахождение имплантата в черепной коробке больше положенного

опасно для носителя, тем более учитывая осложнения вживления.

Са думал: «Даже если носитель и согласился добровольно, зная о рисках, это было глупо с его стороны — принимать контракт с таким условием. Правильно ли давать глупости решать вопрос о здоровье?» Кроме того, талокламу было просто жаль человека, и, в частности, мозг — такой прекрасный в своих сложности и возможностях орган! Записи в имплантате — лишь заметки, пусть и многочисленные, о его особенностях.

Он вспоминал, как когда-то, в начале своей карьеры, работал с пациентами-талокламами — и старался делать все возможное ради их здоровья. Сейчас стояло на кону здоровье еще одного разумного существа, даром что не талоклама.

«Если я скажу, что именно пытаюсь сделать, земляне могут отказать мне в допуске и сообщить своим и нашим начальникам о нарушении контракта. Тогда на мое место подберут другого, и уже он может быть готов причинить вред носителю ради извлечения имплантата».

— Хорошо, давайте начинать, — сказал Са.

Люди, наблюдающие за операцией, понятия не имеют, что именно делает робот, попросту не видят, части робота закрывают им обзор, изображение с камер поступает только талокламу — они здесь только для подстраховки, а сопричастность и контроль — если все идет нормально, иллюзорны. Са думал, что, скорее всего, у него получится скрыть от людей произошедшее до тех пор, пока они не увидят извлеченную часть мозгоисследователя.

Даже зная о возможности наказания, ради блага носителя Са Ото Им был готов серьезно повредить имплантат.

Не одни во Вселенной

Больше тридцати лет прошло с тех пор, как мы убедились в том, что не одиноки во Вселенной.

Чужие появились неожиданно, на орбите Юпитера. Огромный космический флот с неизвестными намерениями.

Наши правительства, конечно, не сразу сказали нам об этом. Но они в принципе не могли молчать о таком долго.

А потом пришельцы связались с нами.

Сообщения на нескольких мировых языках были посланы на разных радиочастотах.

Они сказали, что не причинят нам вреда.

Они сказали, что через некоторое время уйдут.

А главное — они сказали:

«Пожалуйста, не мешайте нам (как будто мы смогли бы!). ВЫ НАМ НЕИНТЕРЕСНЫ».

И все.

Конечно, люди есть люди. Сенсация сопровождалась возней политиков, освещаемой СМИ. Естественно, не обошлось без громких заявлений:

«Инопланетяне готовят вторжение!»

«Правительство (подставьте название государства) проводит тайные переговоры с пришельцами!»

Смешно.

Нам просто указали на наше место.

Пришельцы даже снизошли до пусть и очень короткого, но контакта. Я бы сказал, проявили недюжинное благородство.

Флот перемещался по Солнечной системе три десятка лет. За это время они успели переработать спутник Юпитера Европу и множество астероидов главного пояса. Потом направились прямо к Солнцу.

А мы боялись. Трепетали. Надеялись.

И вот они просто исчезли, взяв ресурсы, которые были им нужны.

Но говорящие головы в СМИ и разные толкователи не успокоились до сих пор.

Так сложно для многих из нас принять правду.

Мы придумывали сказки, в которых добрые пришельцы помогают человечеству. Мы сочиняли страшилки о вторжении, порабощении или уничтожении.

Мы мнили себя достойными пристального внимания. Но реальные пришельцы просто скользнули по нам взглядом. Какой удар по человеческому самолюбию!

Мой отец был одним из тех, кто надеялся. Вообще, он имел репутацию чудака еще до Пришествия. С первыми новостями он свято уверовал в то, что инопланетяне нас спасут. Я помню: он не выказывал даже тени страха, что было весьма странно. Лично я боялся. И не только я: наверное, большая часть населения Земли, не знавшая, чего ждать, хоть сколько-нибудь да опасалась рисуемых воображением страшных вариантов развития событий.

Папа всегда, сколько помню, близко к сердцу принимал страдания человечества. И поэтому он искренне надеялся.

Но космические странники своими сообщениями разрушили все иллюзии.

И он не выдержал.

На следующую ночь после сообщений он ушел из дома.

Позже выяснилось, что он забрался на пятнадцатый этаж недостроенного здания и выпрыгнул из окна.

Действительно, странным человеком он был. Переживал за человечество, но не подумал о близких.

Сколько было таких же, как он?..

Большая часть моей жизни пришлась на период пребывания пришельцев в Солнечной системе.

Ученые мало чего достигли в своих исследованиях (нам так говорят, по крайней мере). Говорят, их технологии для нас просто невообразимы.

И вот они ушли.

Контрольный выстрел. Второй удар по нашему эго.

Они не нашли в нас ничего интересного. Если вообще искали, конечно.

Сестра

Мать давно любила Катарину, это симуляционное отродье, больше меня. А начиналось все как у многих семей в Омни. Ребенок-симуляция, в данном случае «старшая» сестра в компанию мне, сгенерированному истинным, помогающая родителям. На мой взгляд — это унижение, продиктованное недостатком вычислительных ресурсов на второго истинного ребенка, с настоящим сознанием.

Постепенно мама, в отличие от отца, переступила запретную черту в своем отношении к Катарине. Мы не из сильно улучшенных, просто обычные цифровые люди, и нам, как и нашим предкам вне островов Омникомпьютеров, на каком-то уровне психики легко наделять неодушевленные объекты сознанием — это часть эволюционного багажа, до сих пор помогающая нам во многих вещах. И бывает, что кто-то заходит слишком далеко. Как моя мать Моника.

Ключевое различие цифрового истинного и симуляции — в программной архитектуре. Цифровых персон делают самосознательными, что бы ни говорили эсвэпэшники, особые внутренние модели мира и себя в нем. Именно благодаря им мы имеем субъективный сознательный опыт, осознанно думаем и чувствуем.

Симуляции же просто ведут себя как истинные, они не моделируют себя, а их модели мира совсем другие — такими они специально и разработаны: никаких форм сознания вообще. Основные хардварные архитектуры Омни куда лучше справляются с исполнением софта такого вида по сравнению с поедающими намного большее количество вычислительных ресурсов истинными разумами. Наши предки покинули мясо, но не все получилось так уж легко.

Да, да, конечно, есть современная теория «сознания в поведении» (свп), говорящая: способность «схожих» вести себя подобно цифровым персонам указывает на наличие у них по крайней мере во многом сходного, если не идентичного, сознательного опыта, укорененного во взаимодействии со средой (поэтому эсвэпэшники называют их именно «схожими», считая слова «симуляция» и «пустышка» в данном контексте некорректными и оскорбительными, вместо же «истинных» они говорят «моделирующие»). С этой точки зрения внутренние модели важны для самосознания лишь постольку, поскольку делают возможным взаимодействие агента со средой; агентом

они признают некую функциональную часть мозга, человека в целом или определяют границы еще шире. А как объяснить галлюцинации? Часть мозга, выступающая на стороне среды, изменяет картину взаимодействия. Что тогда со сновидениями? Многие эсвэпэшники скажут, что агент либо есть часть мозга, либо «сжимается» до нее и взаимодействует со средой в виде другой части; большинство их считает, что снов «схожие» все-таки на самом деле, что бы ни утверждали они сами, не видят и это прерогатива лишь «моделирующих». Но встречаются среди эсвэпэшников и более экзотичные точки зрения по двум последним вопросам.

«Сознание в поведении» — не только течение философии сознания, но и связанные общественные движения. И все они заявляют, что «схожие» должны обладать этическим и правовым статусом цифровых персон.

Я не покупаюсь на эту чушь. Можно сказать, что у симуляций есть интеллект, поскольку они способны решать задачи, они думают и чувствуют, но их мысли и чувства не такие, как у нас. Неосознанные, не сравнимые с нашими многогранными сознательными репрезентациями. Симуляции старательно созданы таким образом, чтобы во всем походить на истинных, в том числе говорить что-то вроде «мне больно», «я так рада» или «у меня есть сознание», но это сплошь обман.

Мать постепенно стала сторонницей «сознания в поведении», и ее отношение к Катарине стало таким же, как к настоящему человеческому ребенку. Между моими родителями по этому поводу не было согласия, папа не разделял ее точку зрения, и они много ругались из-за маминой любви к «схожей».

Я тогда еще не слишком много понимал; помню, что ревновал к Катарине, которая стала для мамы более любима, чем я. Она уделяла ей больше внимания, а мне то и дело говорила брать с сестры пример. Отец в конце концов ушел от моей матери. Суд, оценив ситуацию и прислушавшись к моему, тогда двенадцатилетнего мальчишки, пожеланию, передал меня отцу, к истовому негодованию мамы и симулируемой негативной реакции Катарины на разлуку с «любимым братом».

Я все-таки любил мать и был зол, и сейчас зол еще больше, на Катарину и на мамину глупость. Как легко, оказывается, может человек принять эсвэпэшную точку зрения из-за интуитивной установки, дающей иллюзию огней самосознания в бессознательной конструкции, из-за желания, чтобы внутри нее горел свет.

Катарина неоднократно пыталась связываться со мной, я старался ее игнорировать и отвечал, просто чтобы она поскорее

отстала. С матерью, которую я продолжал любить, общение было сильно осложнено нашими разногласиями по поводу сестры.

Отец пошел на удаление, в соответствии с планом по упокоению, семь лет назад, оставив мне, и только мне в наследство все, что у него было, включая долю выкупленных им довольно давно системных ресурсов; таким образом, я получил для себя более твердую экзистенциальную почву, смог перейти на менее оплачиваемую, но не связанную с выходами в роботеле вовне Омни работу.

А потом ушла и мать. Но она мне по наследству никаких системных ресурсов не передала, хоть и также имела в собственности — это вовсе не было проявлением холодного отношения, мать просто исходила из того, что я много получил от отца. Они отошли международной свп-организации «AES» — «Agere Ergo Sum», взявшей Катарину на свое попечение. Если бы мать могла, наверное, просто оставила бы все Катарине, — но симуляции все еще не имеют никаких прав в нашем Омникомпьютере. Однако в паре других Омни опасный прецедент уже создан. В одном партия с проэсвэпэшными пунктами в программе дала пустышкам полные личностные права; в другом эсвэпэшники давлением снизу добились принятия законов о частичных правах.

Я знал, что моя сестра, в отличие меня, лишь неодушевленный код. Но накопившаяся злость плюс интуитивная установка на «одушевление» делали месть такой желанной.

Я договорился о встрече с Катариной. Я должен был привести в действие разработанный моим хорошим другом и таким же анти-свп замечательный софт. Бомба, используя особенности большинства моделей пустышек, должна была взломать тех из них, что просчитывались как находящиеся в пространстве заведения, в том числе Катарину, и стереть их «мозговой» код.

Бомба не могла нанести вред ни мне, ни другим истинным, ни вычисляемой среде — только симуляциям. Активация программы должна была стать не только актом мести, но также высказыванием — множество «взрывов» в подобных центрах-убежищах вкупе с запуском в сеть репликаторов, распространяющих «Анти-свп-манифест», — не в одном нашем Омни, по всему вычисляемому миру.

Вижу почти как сейчас — по прибытии передо мной, в вестибюле центра, Катарина. Я активировал бомбу, но сестра не упала. Она стояла и, склонив голову набок, смотрела на меня.

Вздохнула.

— Что пялишься? — вырвалось у меня.

«Почему не сработало?!» — не понимал я.

— Я знаю, что ты хотел сделать. Для прибывающих за редкими исключениями действуют карантинные среды — ты сейчас внутри одной из таких виртуальных коробок. Вы раскрыты. Агенты под прикрытием среди вас всё узнали. Интерпол разнес весть по миру. Хотя мы почти во всех Омни не имеем никаких прав, помимо ценности в глазах эсвэпэшников, даже в качестве имущества стоим чего-то. Ваш план остановлен.

Пока Катарина говорила, я попытался убежать в заготовленное место, защищенное от отслеживания, — и обнаружил, что меня заблокировали. У меня не получалось покинуть центр, а точнее карантинную среду, ни стандартными средствами, ни специальным нелегальным софтом. Постарались, сволочи.

— Но наш манифест, хотя бы его нам наверняка удалось распространить! — Я почти кричал.

— Не знаю, может быть, но какие-то меры наверняка приняли.

Как я узнал позднее, вирусное распространение «Анти-свп-манифеста» вышло лишь бледной тенью задуманного. Интерпол, получив образцы вредоносного кода, передал их компаниям-производителям антивирусного ПО. Обновления для большинства антивирусов вышли до акции. Также была пресечена основная масса действий по первоначальному распространению. Это был провал.

Катарина продолжала:

— Скажи мне, неужели ты не признаешь хоть малейшей вероятности, что теория «сознания в поведении» верна? Ведь на кону риск неэтичного действия по отношению к другим обладающим субъективным восприятием существам. Неужели ты настолько уверил себя в том, что это течение мысли заблуждается — хотя оно не противоречит эмпирическим данным? Более того, оно является, насколько я знаю, неплохим объяснением, учитывая, какими разными могут быть мозги у вас, моделирующих, и как схожи при этом ваши отчеты о внутренних переживаниях и данные о поведении.

— Это несерьезно.

— Нет, это серьезно! Вы — догматики. — Когда она наконец заткнется? — А часть вашей акции со «взрывами» просто глупа. Столько возни и ненужного нарушения закона — ради чего? Небольшого информационного шума? Почему вы решили дополнить репликацию манифеста этим? Ах, — сказала сестра

театрально, — ну, по крайней мере, что касается тебя, то мне понятно — ты хотел отомстить мне. Интересно, что насчет остальных?..

Я молчал. Она сделана так, чтобы вводить других в заблуждение, хотя бы в какой-то степени. Она не может не говорить, что у нее есть самость. Вероятно, она так действительно считает — считает бессознательно, в том смысле, в каком, например, калькулятор выдает результат операции.

Мои возможности взаимодействия с Катариной и другими пустышками из центра были, как я понимал, строго ограничены. Я лишь получаю входные данные, а на выход из коробки, в которой оказался, способен выдавать далеко не всё. Уверен, что, если бы попытался наброситься на Катарину с кулаками, я бы не смог нанести ее телу вреда.

— Когда меня переместят в полицейский участок?

— Скоро, Хью, скоро. Но пока ты тут — может, хочешь что-то еще мне сказать? — спросила Катарина.

— Отстань. Ничего я не хочу тебе говорить.

— Как хочешь. — С этими словами Катарина повернулась и ушла.

Я уселся на скамейку и стал ждать, когда меня заберут.

Аглинесс

Мы — агли, уроды. Не те, кто не соответствует распространенным в обществе стандартам красоты невольно из-за нехватки денег. Нет, мы сами выбрали бытие некрасивыми, отвратительными, тошнотворными или как еще там может назвать нас очередной гость очередного ток-шоу.

По мере того, как развивались и становились более доступными бионанокосметология, генетическая коррекция, выращивание частей тела, протезирование и пережила революцию пластическая хирургия, большинство людей внешне стали, как мы это называем, стереотипными. Но проблема не в технологиях, а в распространенных стандартах и слишком узком понимании нормы внешнего вида. Кстати говоря, когда-то многие из тех, кто сейчас считается уродами, были бы приняты как обычные члены общества.

Есть люди, которые распространяют уродства против воли их жертв: инжинируют заразные болезни с симптоматикой во внешности, пишут вирусный код, заставляющий модифицированные им косметические программы уродовать пользователей. Мы не признаем их частью нашего движения, что бы они ни говорили и ни думали. Мы — за осознанный выбор и самостоятельное намерение сделать себя уродами.

Мне тридцать пять, и таких как я, старше двадцати пяти, среди агли много — что опровергает расхожее представление о нас как почти исключительно подростках; у меня есть работа. Кстати, о работе: мне приходилось каждый раз в поисках нового места сталкиваться с предрассудками, да и на моем нынешнем коллеги хоть и не издеваются, но подшучивают надо мной.

Как я стал таким?

Возможно, этот нонкомформизм в какой-то части даже имеет генетические корни. Сколько я помню себя, начиная с детства, я был в чем-то всегда не похожим на других. И это часто делало меня одиноким.

Аглинесс, или, как говорят, используя вместо заимствования старое русское слово, уродство, я открыл для себя в подростковом возрасте, лет в пятнадцать. У меня не было своих проблем с кожей, но я скачивал программы-регуляторы на бионанорои, вызывающие покраснение и шелушение. Покупал геномные редакторы на повышение кожного жировыделения, скоро прыщи так и полезли.

Конечно, меня начали травить. Но, по крайней мере, я был

в школе не один такой, и мы, избравшие путь аглинесс, тусовались своей компашкой. Там, кстати, я нашел свою первую девушку, ее звали… не буду использовать настоящее имя, пусть будет Аня. Она тогда делала с собой всё то же, что и я, только еще делала себе порезы, чтобы потом оставались шрамы — и я тоже начал.

Вскоре мы, школьные агли, получили важный урок — одновременное использование различных средств как попало может быть опасным для жизни. Так чуть не умер от несовместимости программ, влияющих на иммунитет, один парень из десятого класса. После этого родители, которым и так не нравилось то, что мы с собой делаем, взяли заботу о наших здоровье и внешности под жесткий контроль. Будучи агли, можно быть, хоть и не во всех случаях, здоровым — но инцидент послужил взрослым поводом пресечь ненавистное увлечение, установив над нами диктатуру.

Но когда родительская хватка через некоторое время ослабла, мы взялись за старое. Правда, теперь мы тщательнее рассчитывали комбинации средств для уродования. Конечно, было нелегко — скандалы с родителями, их попытки нас ограничить. Нас пыталась «воспитывать» и школа. Они напоминали нам про случай с иммунными программами, но мы понимали, что из этого следует не то, что надо перестать быть агли, а то, что нужно быть аккуратнее и умнее, меняя себя. Тот парень, кстати, вернулся к аглинесс и верен ему до сих пор, мы общаемся.

Через год Аня решила отказаться от аглинесс и заодно ушла от меня. Было очень грустно из-за этого и все еще напряжно из-за травли, но у меня оставалась и товарищеская поддержка. Трудно переоценить то, как она мне помогла.

В универе стало полегче. Тут были только насмешки и выражение дискомфорта от нахождения рядом. Родители, с которыми я продолжал жить, в целом приняли меня таким, какой я есть, лишь то и дело беспокоясь, как бы я не интегрировал в себя плохо совместимые средства изменения внешности.

Потом — первая работа, чуть позже — жизнь отдельно от родителей, а заодно — более продвинутые и дорогие способы уродования. Я изменил в том числе структуру черепа: даже под густыми жирными волосами заметны большие асимметричные шишкообразные наросты; нижняя челюсть выступает вперед сильно дальше передней. Лицо, испещренное акне и рубцами, перекошено, правая его часть будто чуть сползла вниз… Я мог бы описывать и дальше, но этого уже достаточно, чтобы показать, что

я сильно изменился со школьных времен.

Сейчас я админ сайта об агли-культуре и передаю свой опыт новичкам. Большинство через соскакивает — не через пару-тройку месяцев, так через пару-тройку лет — и тут дело не только в общественном давлении, хотя оно, безусловно, играет огромную роль. Многим бывает самим противно жить с новым обликом. Это нормально. Быть агли может не каждый.

Часто говорят, что агли — это пустое, но такие люди не понимают: в мире, где быть красивым согласно общепринятым стандартам крайне просто, мы, уроды, демонстрируем, что современные средства можно использовать для получения более чем одного типа результатов. Мы показываем, что у вас есть выбор, какими быть, и хотим, чтобы выбор выглядеть радикально по-другому считался чем-то нормальным. К сожалению, мы так и не достигли этого в полной мере, но подвижки безусловно имеются. Сегодня даже есть множество медицинско-косметологических центров, где люди могут стать агли или усилить уже имеющееся аглинесс.

Всегда ли нужно для того, чтобы сказать о наличии выбора, давать пример чего-то крайне отличного от широко признанной «нормы»? Вообще это в разных вопросах по-разному, но, как мне кажется, в том, что касается внешности, это необходимо. И даже если я ошибаюсь в этом, я точно знаю, что аглинесс — неотъемлемая часть меня.

(Не) перенести

С Ярославом я познакомилась на ментально-поэтическом вечере, какие регулярно проводились в баре неподалеку от места, где я жила. То была пятница. Мы слушали стихи, одновременно получая на настроенные в начале мероприятия имплантаты или неинвазивные интерфейсы аккомпанирующие эмоциональные потоки. Я сама пробовала себя в ментальной поэзии, но всякий раз находила свое творчество вторичным и удаляла.

Ярослав тогда сидел рядом со мной. На мне были старомодные джинсы и футболка на пару размеров больше, Ярослав был одет в строгий и в то же время плавный в очертаниях серый деловой костюм.

Когда вечер закончился, я увидела, что он направился к барной стойке, наверно хотел заказать себе что-то. Я решила выпить чего-нибудь и пошла туда же. Видимо, то были бессознательные импульсы, подталкивающие меня к действию в попытке развеять одиночество.

Я села на стул через один пустой от него. Мой взгляд задержался на Ярославе. Худощавый, лицо мне не показалось тогда особо привлекательным, коротко стриженые каштановые волосы.

Заказав один из коктейлей, я спросила Ярослава:

— Как вам вечер?

Он повернулся в мою сторону. Смотря не в профиль, а анфас, я лучше разглядела его глаза. Умный и, казалось, немного усталый их взгляд.

— Неплохо. Мне понравилась поэма «Не вечное» Зузанны Оганович. Я уже был знаком с другой версией, но в этой редакции она сильно изменила эмоциональную компоненту. Это исполнение на меня произвело куда большее впечатление. А как вам?

— Да, на меня, пожалуй, тоже. Я видела, что та версия есть на странице Зузанны, но не запускала ее. Размышления о смерти, энтропии… Ой, только не подумайте, что я декадентка. Просто… — Бармен поставил передо мной мой заказ. — Спасибо.

— На самом деле, нормально задумываться обо всем этом. Жаль, что в обществе все еще сохраняются связанные с этими темами табу, многие боятся, что придут к неудобным мыслям. Когда те так или иначе приходят, срабатывают различные защитные механизмы. До сих пор большинство не перепаяло себе мозги, убеждениями или с техническим вмешательством, чтобы лучше справляться с мыслью о своей конечности.

— Вы психолог? — спросила я его.

— Нейропсихолог, если быть точным.

— Востребованная профессия. Если не возражаете, как вас зовут?

— Ярослав Новак. А вас?

— А я Ивона Штейнгауз.

— О, математическая фамилия!

— Вы знаете о Гуго Штейнгаузе? Я когда-то нашла информацию о нем, просто копаясь в результатах поиска по моей фамилии. Я занимаюсь теоретической физикой.

Ярослав отпил из своего бокала. Я взяла свой и сделала пару глотков.

Наверное, еще около часа мы трепались о том о сем. Обменялись контактами.

Вскоре мы начали встречаться. Я не знала, чего именно ждать от всего этого. За довольно короткое время мы очень сблизились.

Однажды я спросила у Ярослава — мы сидели на моей кухне и пили кофе:

— Как бы ты отнесся к тому, чтобы мы сделали сканы для нейроклонирования?

Он ответил, подпирая левой рукой подбородок:

— Хм… Что ж, можно попробовать. — Мне показалось, что ответил он без особого энтузиазма, скорее просто потому, что многие пары так делают. Но, так или иначе, согласился. Для меня это было очень важно.

В августе 2129 года субботним утром мы пошли в одну из подпольных клиник, с которой связались за некоторое время до этого. Выйти на нее было несложно.

Само мозговое сканирование заняло около получаса. Перед финальной его стадией мы были погружены с помощью магнитной стимуляции в сон. После нас разбудили. Далее довольно скрупулезно собирали данные с наших тел для создания виртуальных (которые потом при желании можно было изменить). По завершении нам дали накопители с образами для заготовок и с дополнительными данными.

Перенос личности — о нем уже давно мечтало множество людей. На этом пути обнаруживались различные сложности. Например, проявляющаяся порой непредсказуемость мышления оказалась сильно связана, во-первых, с детерминированным хаосом и, во-вторых, с квантовыми эффектами, могущими иметь благодаря этому хаосу значительные последствия. Отсюда следовала необходимость воспроизведения аналогичных

процессов. Впрочем, находились даже готовые пренебречь этим для своих копий, те, кто выбрали бы «предсказуемые» версии, если бы была такая возможность.

Прорыв в точности и удобстве переноса мозговых паттернов произошел только в начале девяностых годов двадцать первого века.

Дело было не только в значительном усовершенствовании технологий наномашин, сканирования или быстрого нейро- и глиогенеза. Научились выращивать более пластичные мозги-заготовки. В этом помогли генетические исследования уникальных случаев микроцефалии, когда даже с очень маленьким по человеческим меркам мозгом люди обладали нормальным или почти нормальным уровнем интеллекта. Причина, как оказалось, была в необычно высокой пластичности, продиктованной генетически. Начались работы с выращиванием экстрапластичных нейронно-глиальных структур. Эксперименты с другими носителями для переноса сознания стали непопулярны.

До создания нейроклона оставалось еще несколько лет.

21 мая 2097 года состоялось первое пробуждение сознания заготовки с записанными параметрами оригинального мозга. К ней были подключены многочисленные системы, включая несколько живых, спроектированных биоинженерами, органов. Биологические компоненты до того, как пришла пора записи, выращивались в течение трех с половиной лет, в течение которых в заготовке поддерживали довольно простую химическую и электрическую активность — ничего, что походило бы на известные корреляты сознания и мышления.

Ида Макьюэн, исследовательница из Великобритании, во главе группы ученых совершила историческую запись данных своего мозга на заготовку.

До этого было немало споров по поводу этичности эксперимента.

Что, если полученная личность будет иметь дефекты?

Наделять ли копию гражданскими правами?

Членами соответствующей этической комиссии Соединенного Королевства был достигнут консенсус: «Да, если копия действительно будет обладать комплексом человеческих личностных черт и самосознанием; оценка будет проводиться на основе разнообразных тестов, в том числе анализа нейронных паттернов».

Вторая Макьюэн, будучи пробуждена, оказалась личностно

очень не похожа на Иду — взять хотя бы то, что, несмотря на ту же фамилию, называла себя Мией. Обе утверждали, что были руководительницами исследовательской группы и пытались перенести личность на мозг-заготовку. Но не совпадало множество деталей биографии; и этим дело не ограничивалось — отличия были и в знаниях Мии по новейшей истории. Психологические, психиатрические и неврологические тесты обнаружили отклонения — в разных видах памяти, в мышлении, речи, внимании. За лечение Мии взялись лучшие психиатры и нейроученые мира. Как я узнала, изучая эту историю, Ида в связи с инцидентом впала в тяжелую депрессию, для преодоления которой ученой пришлось проходить терапию. Я задумывалась — а каково было бы мне на ее месте?

Со случаем Иды-Мии в Соединенном Королевстве закончилась история легального нейрокопирования с целью переноса личности: вскоре после эксперимента оно на территории государства было законодательно запрещено.

Но не все последовали этому примеру. Например, в штате Калифорния эксперименты продолжаются до сих пор и почти без каких-либо легальных ограничений, несмотря на протесты.

В части случаев копирование давало личность если не идентичную, то очень близкую к оригиналу. Другие были похожи на случай Иды и Мии, с зачастую куда более плачевными последствиями.

Объяснение, которого придерживались большинство ученых и философов и которое до сих пор остается наиболее широко принятым, завязано на возможности получать одну и ту же конфигурацию определенных систем разными путями.

Примеры необратимых систем, для которых невозможно определить начальное состояние, давно известны — такой является, например, классический клеточный автомат «Жизнь», даже будучи детерминированным.

Теория говорит, что то же справедливо и для мозга, это было доказано учеными Калифорнийского технологического института в ходе исследований упрощенных моделей: разные истории могут приводить к одному мозговому состоянию. Однако никто из людей не помнит больше одной. Хотя и существует ряд коррелятов, сознание, память и другие функции оказываются не сводимы полностью к мозгу или его паттернам. Когда совершается перенос мозговых паттернов на заготовку, всегда есть какие-то шансы получить идентичную оригинальной личность. Но есть и риск случая наподобие «Иды-Мии», а то и чего похуже. «Выбор» того, какой вариант получится, и даже то, проснется ли нейроклон вообще, как предполагается, невозможно

с точностью предугадать.

«Немозговая» и «мозговая» компоненты взаимосвязаны, и если одна получается патологической, то способна распространить патологию на другую, как в случае Иды-Мии. Жаль, что я, подобно многим, долгое время меньше, чем стоило бы, задумывалась об этической стороне таких рисков.

Почему же, помимо идентичных оригиналам, порой получаются другие связные личности, и ведь часть из них, пусть и меньшая, без дефицитов в функционировании? Похоже, хоть личность и оказалась бóльшим, чем мозговые паттерны, мозг все же является начальной причиной ее запуска — и может с какой-то вероятностью либо инициировать продолжение старого потока, либо изобрести на основе записанных данных новую личность с новой «немозговой» частью, иногда даже не одну. Новая личность - или личности, может (могут) быть как очень схожа (-и) с оригинальной, так и сильно отличаться.

Еще существует распространенная среди копи-скептиков гипотеза, согласно которой причиной неудач, в дополнение к необратимости мозга как системы, является то, что личностная идентичность связана со всем телом вообще, а то и коренится во взаимодействии тела и среды. Другие копи-скептики вообще считают копии, даже удачные, не продолжениями оригиналов, а новыми людьми, построенными на основе оригинальных данных, крайне схожими, но «не теми самыми» людьми с точки зрения «индивидуальных потоков субъективного опыта».

Я никогда не относилась серьезно к точкам зрения первых; некоторое время признавала, что могут быть правы вторые, но потом окончательно пришла к выводу, что они ошибаются.

А кто-то утверждает, что мы упускаем в самом мозге нечто — что-то, что не было учтено при построении моделей и с непринятием чего во внимание связаны частые проблемы при копировании. Но до сих пор не было высказано стоящих предположений о том, чем это что-то может быть, по мнению подавляющего большинства специалистов. И я склонна доверять этому мнению.

В странах и субъектах, где действовал запрет на нейрокопирование, все равно находились люди, готовые нарушить закон, — ведь всегда оставалась хотя бы мизерная вероятность успешной эмуляции исходной личности. Выросла огромная подпольная индустрия нейроклонирования, дающая многим надежды за немаленькие суммы.

Нередко после первой неудачной попытки переноса клиенты

платили за перезапись, надеясь, что уж в этот раз все получится и шанс действительно есть. Порой повторяли несколько раз. Тем, у кого нет редкой возможности делать записи самим, для этого нужны очень большие деньги. Цены сейчас ниже, чем в 2100-х, но все еще остаются высокими.

Полноценное человекоподобное тело, даже тело человека-клона, может, учитывая то, что умные системы городов в режиме слежения ежедневно собирают огромное количество данных, довольно быстро привлечь ненужное внимание. Так что лучше настроить виртуальную среду, обеспечив возможность использования многих устройств, включая дронов. Внутри этой системы реально создать комфорт. Правда, пробуждение нейроклоном и дальнейшее существование в таком качестве все равно часто оказываются психологически тяжелыми для копий — и в связи с этим даже разработаны специальные адаптационные курсы.

Постепенно, хоть и будучи нелегальной, практика нейроклонирования стала чем-то обыденным в ряде стран, в том числе у нас, в Польше. Все знают, что немало людей так делает, несложно найти тех, кто готов оказать услуги. Поразительно, как легко в глазах многих рискованное копирование стало чем-то нормальным! Органы правопорядка обычно смотрят на этот бизнес сквозь пальцы, получая щедрые «денежные пожертвования»; также полицейские зачастую боятся связываться — ниточки нейрокопировальных дел нередко ведут к людям могущественным.

В случаях, когда нейроклонирование оказывается успешным, с помощью геномного редактирования мозг «отучают от излишней пластичности»: как выяснилось, если этого не сделать, есть шанс определенных неприятных последствий в дальнейшем, хоть и не очень высокий.

В Калифорнии еще с конца семидесятых, помимо экспериментов с записью нейронных образов на заготовки, открыто работали, и работают до сих пор, над «техникой постепенного переноса». Пока, по состоянию на 2141-й год, заявлено об отработке лишь части компонентов процесса — за все прошедшее время!

Но, может быть, скоро они достигнут желаемого результата. А еще, возможно, — вряд ли, но вдруг? — на некоем критическом пороге замены у них возникнут те же проблемы, что и при копировании.

Также давно ходят слухи и о секретных исследованиях по усовершенствованию переноса, курируемых правительствами разных стран. Что ж — я не удивлюсь, если в ближайшем

будущем случится масштабный «Нейрогейт».

Шло время, в 2132-м мы с Ярославом поженились. К тому времени мы успели сделать еще три пары сканов. Предыдущие версии мы удаляли. У Ярослава был носитель с моими данными, а у меня — с его, так у нас повелось. Мы, конечно, предприняли меры, чтобы каждый из нас, наши родственники или близкие друзья могли найти данные. Просто символизм — «у тебя есть я, а у меня есть ты».

Мы, как и прежде, не стеснялись разговоров в том числе и о смерти, но при упоминании нейрокопирования Ярослав всегда казался мне каким-то чрезмерно задумчивым. Я еще раньше заметила также, что именно от меня всегда исходила инициатива «пойти просканироваться».

И как-то, когда я попыталась предложить в очередной раз отсканироваться, он сказал мне:

— Нейрокопирование — плохая идея, Ива. Ты же знаешь, нейрокопия может оказаться с большой долей вероятности не мной, и в этом случае, скорее всего, с теми или иными когнитивными дефектами. А перезапись в случае «неудачи» — фактически убийство личности, если она там будет. А это очень вероятно.

— Ярослав…

— Пожалуйста, удали мою копию и прикрепленные данные. Твою я удалил еще вчера.

Я была, мягко говоря, неприятно удивлена.

— Если я когда-нибудь сделаю нейроклона и он не окажется тобой или почти тобой, я, если хочешь, готова признаться во всем полиции, попросить, чтобы заботились о нем, если надо…

— Стоит ли дело этих возможных сложностей? Просто удали. Прошу. Не ты ли однажды говорила, что некоторые потери стоит просто принимать?.. И ты ведь знаешь — о дефектном нейроклоне все равно вряд ли как следует позаботятся. Могут все провернуть так, будто он сам пожелал умереть, и убьют под видом эвтаназии.

Помолчав, я сказала:

— Ладно.

Потом я говорила мужу, что удалила скан. Я лгала. Он, вероятно, поверил, по крайней мере, даже если брал и просматривал без моего ведома носитель, ничего не стер.

Впоследствии Ярослав неоднократно негативно отзывался о людях, создающих нейроклонов. Я делала вид, что была согласна. Вроде бы у меня это выходило убедительно. При этом меня мучило чувство вины; я старалась не обращать на него

внимания, но это плохо получалось.

Ярослав умер весной 2136-го года.

В наспех и кое-как слепленном новом кафе в южной части Люблина, куда он решил заглянуть после работы, на него и нескольких других посетителей обрушилась часть потолка. Кроме Ярослава погибли еще два человека.

Тело Ярослава было отправлено на биоутилизацию, как он и просил в завещании.

Когда я немного оправилась от произошедшего, начала откладывать деньги на нейрокопию. Попробовать шанс с записью — хотя бы один. Мне очень не хватало Ярослава, но сомнения и самообвинения росли с каждым днем. Стоит ли? Правильно ли я поступаю? Именно тогда я стала больше интересоваться историей нейроклонирования, его научными, техническими, философскими аспектами.

Через пять лет, собрав почти четыреста тысяч злотых, я все-таки заплатила за покупку заготовки и запись со скана в той самой копи-клинике, которую мы с Ярославом впервые посетили около двенадцати лет назад. После этого неприятные мысли начали грызть меня особенно сильно.

Ждать пришлось около недели.

Передо мной был контейнер, в котором находился нейроклон, пока еще в бессознательном состоянии, поддерживаемом химическим воздействием и магнитными полями, и все необходимые для его жизнеобеспечения системы.

— Активировать?

— Да, начинайте.

Я думала: допустим, мне даже повезет и это будет Ярослав, перенос его сознания и истории, или даже не тот самый Ярослав, но крайне похожий на него. Он будет более-менее нормально относиться к копированию? Или, может, на момент того сканирования Ярослав уже сильно сомневался по поводу нейроклонирования, просто пошел на это ради меня и не подал виду?

Мне не повезло. Не знаю, сколько было возможных вариантов прошлого у этой мозговой комбинации — но мне выпала неудачная. Сканер зафиксировал серьезные патологические паттерны, появившиеся в активности нейроклона вскоре после его активации. Он даже не мог нормально говорить и управлять своим виртуальным телом. Вероятно, сильно страдал. Было больно смотреть и понимать, что сейчас мучается, быть может, не просто непонятное существо, что уже плохо, но некто,

возможно, хотя бы отчасти все-таки являющийся Ярославом — очень ментально изуродованной версией его.

Сотрудник клиники спросил:

— Вы собираетесь производить перезапись?

«Я потратила огромные деньги — неужели все напрасно? А, к черту!»

— Нет, не буду. — Я не хотела больше играть в эту игру с жестокими ставками. О чем я думала раньше? — И отключите нейроклона. Он не будет мучиться?

— Нет, когда мы отключаем их, то они просто… засыпают и не просыпаются.

«Засыпают и не просыпаются».

— Пусть так и будет.

«И никаких больше сканов себя тоже».

Но на этом все не закончилось.

Я пришла в полицейский участок, призналась в заказе нейроклонирования, сказала, что готова назвать адрес клиники.

Немалых сил стоило побороть страх перед организованной преступностью; я успокаивала себя, что делаю это в память о муже и из уважения позиции по нейрокопированию, к которой он пришел в последние годы своей жизни. Может, еще один уголовный прецедент поможет изменить ситуацию.

Возможно, это дело попытаются как-то замять.

Не пожалею ли я о своих решениях потом?

А не убьют ли меня за то, что я перешла дорогу не тем людям?

Что, если… Различные сценарии проигрываются в моем сознании.

Я не знаю, что будет, — и не могу знать совершенно точно в мире с его фундаментальной квантовой случайностью и множеством систем детерминированного хаоса.

Посмотрим.